

ФРЕКЕН МОД
ПРОСИЛА ЕЕ
НЕ БЕСПОКОИТЬ

ХЕЛЕНА
ТУРСТЕН

18+

Annotation

Годы идут, годы берут свое... у всех, но только не у нее. Попробуйте что-то забрать у фрекен Мод, и вам не поздоровится.

Ей 89, и она еще поторгуется со смертью, «малышка» Мод только распробовала жизнь и расставаться с ней точно не намерена.

У нее полно планов, и лучше вам ей не мешать. Ведь фрекен Мод настоятельно просила ее не беспокоить. Разве это так сложно? Просто оставить пожилую фрекен в покое, чтобы она могла доживать свой век, наслаждаясь прелестями одиночества. Но нет, назойливые людишки привыкли во все совать свой нос.

- [Хелена Турстен](#)
 -
 -
 - [Престарелую даму настигают воспоминания](#)
 - [Мальчишки в угольном подвале](#)
 - [Лечение нарыва наложением ледовой аппликации](#)
 - [Сестра](#)
 - [Синдром Питера Пэна](#)
 - [Путешествие престарелой дамы в Южную Африку.](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Хелена Турстен

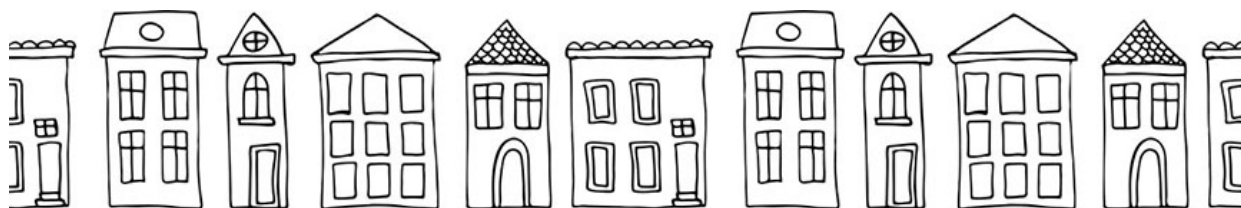
Фрекен Мод просила ее не беспокоить

© Helene Tursten, 2020

© Николаева М., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Престарелую даму настигают воспоминания

Плюхнувшись в свое кресло в салоне самолета, Мод издала шумный вздох облегчения. Она сама себе удивилась, так как в принципе не имела склонности к демонстрации эмоций. Теперь Мод принялась украдкой разглядывать соседа. Одетый в костюм молодой человек встал и принялся старательно запихивать элегантную ручную кладь черного цвета в багажный отсек. Настойчивые попытки ни к чему не привели – он так и не смог закрыть дверцу. Это хорошо – быть может, он и не обратил внимания на ее неожиданный всплеск эмоций. Откровенно говоря, тот вздох шел прямо от сердца. В последние месяцы Мод буквально выбилась из сил, но теперь ей стало казаться, что худшее позади. Теперь она наконец может расслабиться в предвкушении нескольких восхитительных недель в Южной Африке.

Все время своего путешествия Мод проведет в организованной группе, которую будет сопровождать шведоговорящий гид. Их ждет турне по Южной Африке – посещение различных достопримечательностей, пятизвездочные отели, ужины в мишленовских ресторанах, пять ночей в эксклюзивном бунгало в Национальном Парке Крюгера^[1], и, разумеется, сафари – где они рассчитывают увидеть Большую Африканскую Пятерку^[2]. Также в программу тура было включено посещение виноградников и выезд на границу Замбии и Зимбабве, чтобы увидеть водопад Виктория и совершить круиз по реке Замбези. В заключение их ждет неделя в Кейптауне. Мод, конечно, раньше уже бывала в Южной Африке – целых два раза, но тогда она путешествовала в присутствии себе стилиста – в одиночку, останавливаясь в скромных, но чистых гостиницах, передвигаясь на поездах и автобусах. Расстояния в этой большой стране были просто невероятными, поэтому Мод не успела увидеть и сотой части того, что изначально для себя планировала. А уж о сафари и думать не приходилось – такое она не могла себе позволить.

Мысль об этом шикарном путешествии постепенно вызревала в голове Мод во время летнего отдыха на побережье Хорватии. Почему бы ей не позволить себе осуществить эту мечту? Ей скоро стукнет 89,

она бодра и здорова, не обременена наследниками. Однако надо признать, что возраст начинает брать свое. Откровенно говоря, Мод уже не могла таскать свой багаж на мало-мальски приличные расстояния по жаре, даже несмотря на то, что всегда путешествовала налегке.

Самолет, на борт которого она только что поднялась, должен был перенести Мод из Гётеборга в Копенгаген. Там Мод присоединится к остальным членам группы, которая отправляется в путешествие мечты с компанией «Саут Африка Гран Турс».

За стеклом иллюминатора все еще было темно. В лучах прожекторов аэропорта Ландветтер Мод различала большие мокрые снежинки, которые, медленно кружась, падали вниз. Они таяли, едва коснувшись поверхности земли, и оставляли на взлетной полосе мокрые пятна. «Через три дня будет Сочельник. Как хорошо убраться подальше от этого холода и предпраздничной суеты», – думала Мод. – И от этих упрямых полицейских».

Мысль о двух полицейских, позвонивших в ее дверь три дня назад, заставила сердце Мод биться чаще. Она не ожидала снова их увидеть, так как искренне считала, что расследование прекращено. Высокую женщину, которая, насколько помнила Мод, была заместителем комиссара полиции, звали Ирен Хюсс. Она с вежливой улыбкой попросила разрешения еще раз задать Мод несколько вопросов «относительно неприятного происшествия в августе». За спиной Ирен маячила молодая сотрудница, инспектор по имени Эмбла *Какаято*там, с совершенно непроницаемым лицом. Однако взгляд ее ясных голубых глаз буравил Мод с такой силой, что та невольно отступила на шаг. Полицейские тотчас приняли это за приглашение войти, и прежде, чем Мод успела вымолвить слово, уже стояли в холле.

Мод машинально задействовала лучшую из своих защитных стратегий: прикинулась бестолковой старушкой. В тот же миг она поняла, что забыла прикрепить один из фальшивых слуховых аппаратов, которые использовала, когда желала притвориться глухой. Поначалу Мод растерялась, но потом решила, что это ей будет даже на руку. Образ умственно неполноценной старушки от этого только выиграет.

– Полиция... Зачем вы пришли? Что-то случилось? – встревоженно спросила Мод.

Женщина по имени Ирен Хюсс успокоительно произнесла:

– Нет же, ничего нового не случилось. Мы с инспектором Эмблой Нюстрем просто хотим еще раз поговорить с вами об убийстве антиквара Уильяма Фраццена. Так как его тело было обнаружено в вашей квартире, мы хотели бы уточнить, быть может, вы смогли припомнить что-то еще...

– Что? Какое убийство? – взвился голос Мод.

– Уильяма Фраццена. Антиквара. Здесь, в вашей квартире.

Искусно добавив дрожания в голос, Мод оборвала ее:

– Ну уж нет! Я об этом даже думать не хочу! Об этом... ужасе!

Заместитель комиссара мило улыбнулась.

– Может быть, мы присядем и поговорим спокойно?

Голос Ирен звучал дружелюбно, но Мод было не провести.

Даже если доказательств у них не было, все равно эти полицейские подозревали ее в убийстве. Мод, по счастью, нащупала носовой платок в кармане своей старой, покрытой катышками шерстяной кофты зеленого цвета. И дрожащей рукой прижала платок к глазам. Затем, слегка всхлипывая, она проводила визитеров в кухню. Молча, такой же дрожащей рукой указала им на три венских стула, стоявших вокруг маленького круглого обеденного стола. Она не стала предлагать напитки. Не хотела, чтобы они почувствовали себя желанными гостями, и задержались дольше, чем это было необходимо.

Когда все трое устроились вокруг стола, Ирен Хюсс откашлялась, и спокойно поглядела на Мод, которая тут же вновь промокнула глаза платочком.

– Почти полгода назад тело Фраццена было обнаружено в бывшей курительной комнате вашего отца, – заговорила Ирен.

– В салоне. Она называется салоном, – приглушенно пробормотала Мод в платок.

– Прошу прощения. В салоне. Чтобы освежить память, сейчас я вкратце пробежусь по фактам, которые нам известны о событиях прошедшего августа. Все это здание было покрыто строительными лесами, а кое-где – декоративными полотнищами, так как предстоял ремонт фасада. Это, конечно, упростило задачу домушникам. Фраццен был в компании подельника, который вскарабкался по лесам и проник в кур... в ваш салон через приоткрытое окно. Затем подельник впустил Фраццена через входную дверь. С этим проблем тоже не возникло, потому что ключи висели в шкафчике, в прихожей. Преступники

направились прямо в салон. Там они вместе принялись опустошать витрины с серебряными изделиями. Однако по некой невыясненной причине между ними возник конфликт. Подельник Фраццена атаковал его сзади. Когда впоследствии обнаружили тело, оно лежало на животе. На затылке Фраццена зияла обширная рана, нанесенная несколькими ударами. Орудие убийства валялось рядом с телом. Это была кочерга, которая прежде стояла у изразцовой печи. Фраццен упал головой прямо на решетку очага, и шпиль решетки, прошив насквозь его глаз, проник дальше, в мозг. Согласно отчету судебного медика, смерть наступила мгновенно. Все факты указывают на то, что Фраццен с подельником намеревались украсть коллекцию серебряных вещей из витрин в салоне. На полу мы нашли большую сумку с несколькими предметами коллекции. Из ран на голове жертвы вытекло много крови, и посреди лужи мы обнаружили нечеткий след подошвы. Следы крови обнаружены также на подоконнике и на строительных лесах за окном. Подельник покинул комнату тем же путем, каким в нее проник. После совершенного убийства он выскользнул через окно. Очевидно, он запаниковал, так как, по вашим словам, все ценности оказались на месте.

Ирен замолчала и поглядела на Мод, которая все это время энергично терла платком вокруг глаз и носа. Поняв, что никакой реакции не последует, заместитель комиссара вновь заговорила:

– Этот подельник словно испарился без следа. Мы не знаем, кто это был.

Мод тихо и неподвижно сидела на своем стуле. Однако за ширмой носового платка мозг ее работал на полных оборотах. У полиции появились новые зацепки? Она что-то упустила? Несмотря на все ухищрения оставила следы своей ДНК? Лучше всего будет сохранять спокойствие и ждать.

– Вы смогли вспомнить, когда именно открывали окно в салоне?

– Что? – переспросила Мод, поднося руку к одному уху.

Ирен Хюсс терпеливо повторила свой вопрос. Мод лишь покачала головой и что-то невнятно пробормотала в носовой платок.

– Вообще не можете вспомнить?

Очередное отрицательное покачивание головой.

– Было бы очень полезно, если бы вы могли это вспомнить, потому что открытое окно обеспечило злоумышленникам вход в вашу квартиру.

– Вход? Кто будет платить за вход? – спросила Мод.

Когда заместителю комиссара пришлось уточнить вопрос, в ее голосе послышались отчетливые нотки раздражения.

Прежде чем ответить, Мод несколько раз прочистила горло.

– Значит... тогда они проникли через окно... Я не заходила в папину комнату... Ему не нравится, когда мы туда заходим... то есть я хочу сказать...

Мод выдавила из себя серию всхлипов и затрясла головой. До ее слуха долетел шумный вздох – похоже, его издала молодая сотрудница. Отлично, чем раньше им все это наскучит, тем лучше.

– Простите, не хотели бы вы надеть свои слуховые аппараты? Или хотя бы один из них. Если я правильно помню, в последний раз, когда мы с вами беседовали, у вас в каждом ухе было по машинке, – вымученно вежливым тоном проговорила Ирен Хюсс.

– Слуховые... ума не приложу, куда они девались. Я искала... Должно быть, Шарлотта взяла их... Нет, конечно, это не она – она бы не смогла...

– Шарлотта? Кто это?

– Моя сестра. Она на одиннадцать лет старше.

– Одиннадцать лет... Ей должно быть около ста. Но она ведь не живет с вами? Она в каком-нибудь пансионате?

– Нет. Она умерла. Тридцать девять лет назад. Двенадцатого ноября, – без тени сомнения отчеканила Мод.

Полицейские переглянулись и синхронно вздохнули. Однако Ирен Хюсс, борясь с собой, терпеливо продолжила:

– Но вы ведь открыли это окно в какой-то момент до взлома?

Мод по очереди заглянула в глаза полицейских со страдальческим выражением на лице.

– Когда я вернулась домой из Сплита^[3], в квартире было душно. На улице стояла жара. Должно быть, я прошла по комнатам, и открыла несколько окон... только я не могу вспомнить, – дрожащим голосом вымолвила Мод.

– И в салон заходили?

– Не помню. Может быть.

– Труп Фраццена восемь дней пролежал на летней жаре. Запах заставил вас искать его источник, и так вы обнаружили тело.

– Ох, да! Не напоминайте мне об этом! – громогласно воскликнула Мод, подавляя рыдания. Затем она высморкалась так звучно, что между двумя старинными буфетами возникло эхо. Обе полицейских некоторое время молча за ней наблюдали. Потом снова заговорила Ирен Хюсс.

– Вы помните, как звонили комиссару Перссону три недели спустя после того, как обнаружили тело? Вы тогда внезапно вспомнили, что сталкивались с Фраценом на улице и обсуждали с ним коллекцию серебряных изделий вашего отца. И упоминали в разговоре свое желание ее продать.

– Правда? – удивилась Мод, широко распахнув глаза.

– Так вы сказали комиссару, – сухо отозвалась Ирен Хюсс.

Мод постаралась придать себе озадаченный вид, хотя прекрасно помнила, зачем на самом деле ей понадобилось звонить комиссару Перссону. Она переживала, что кто-то мог видеть ее вместе с Фраценом, когда Мод показывала ему серебряный кубок. Они тогда договорились, что торговец придет вечером посмотреть на всю коллекцию, но этот разговор никто не мог слышать. Они стояли вдвоем на раскаленной солнцем улице возле его антикварной лавки. Но ведь кто-то мог заметить их издали, или увидеть в окно.

– Да... значит, так и было.

– Вы давали ему свой адрес?

– Этого... я не знаю, – засомневалась Мод.

Вновь повисла тишина, и обе полицейских пристально уставились на Мод. Та с ужасом осознала, что ее и в самом деле подозревают. Несмотря на то, что она подчистила за собой все следы. «Гад получил по заслугам!» – подумала Мод, внезапно ощутив прилив гнева. «Заявился сюда и пытался меня провезти! Хотел выкрасть мое серебро, ничего не заплатив!» Только вот убивать его Мод не планировала. Он напоролся на ту решетку по чистой случайности.

Мысли бурным потоком неслись в голове Мод, но она ничем не выдавала своего состояния.

– Вы и в самом деле ничего не слышали той ночью, когда произошло преступление? – повысила голос Ирен Хюсс.

– Не нужно повышать на меня голос. Я не глухая, – обиженно проговорила Мод.

По выражению лица высокой женщины, сидевшей по другую сторону стола, было ясно, что та очень хочет снова его повысить.

Однако, сделав глубокий вдох, Ирен сумела совладать с собой. Прежде, чем она успела повторить вопрос, Мод заговорила самым дрожащим голосом, какой могла изобразить:

– Я вернулась из Хорватии во второй половине дня. Путь домой занял девять часов. Мне пришлось делать две пересадки. Это ужасно неудобно! Самолет из Сплита вылетает рано, но...

Ее резко оборвала Ирен Хюсс:

– Нам все это известно. Меня интересует только то, что происходило после того, как вы вернулись сюда, к себе домой.

– Когда я вернулась домой... Я вышла купить еды на завтрак. Я так всегда делаю, когда возвращаюсь после долгого отсутствия. В холодильнике ведь пусто. Я была в Хорватии. Неподалеку от Сплита есть небольшой отель, в котором я...

– Это нам тоже известно, – вновь оборвала ее Ирен.

– Правда? Это и в самом деле очень милый отель. Вы и хозяйку знаете? Она...

Мод внезапно замолчала, словно утратив нить беседы. Заместитель комиссара выглядела так, словно уже смирилась со стилем общения старухи, а молодая инспекторша, сидевшая наискосок, продолжала упрямо пялиться на Мод.

– Вы столкнулись с Фрацценом в тот момент, когда отправились за покупками? – задала свой следующий вопрос Ирен Хюсс.

– Так... должно быть, так оно и было. Но я не могу вспомнить...

Помощница комиссара тяжело вздохнула, прежде чем продолжить:

– Ночью вы слышали что-нибудь необычное?

– Нет. Я так устала... дорога... жара. Я рано легла. Приняла таблетку снотворного, как обычно. Я принимаю их, даже если сильно устала, поскольку в противном случае я проснусь в два или в три часа ночи, а потом не смогу уснуть... вот поэтому я постоянно принимаю снотворное. Это очень хорошие таблетки, которые мой доктор...

Мод ни разу за всю свою долгую жизнь не принимала снотворного. У нее был отменный сон. Но полиции знать об этом было необязательно.

– Да-да, и слуховые аппараты вы тоже сняли. А потом вы три ночи провели у себя в квартире, прежде чем позвонить в спа-центр неподалеку от Варберга. Туда вы отправились в понедельник, а в пятницу вернулись домой. То есть отсутствовали пять дней.

– Верно. Очень достойный спа-центр. Рекомендую. Это...

– Но почему вы решили туда поехать так скоро после возвращения из Сплита?

О причинах такого решения Мод уже рассказывала полиции полгода назад. Мод предположила, что сейчас они хотят подловить ее, если она решит изменить показания. Она наклонилась над столом и состроила полную отвращения мину:

– Этот шум... меня разбудил ужасный шум. Рабочие занимались ремонтом фасада. И я решила, что не хочу оставаться дома на неделе. Потому что меня разбудил ужасный шум. Совершенно непереносимый...

– И вы не обошли комнаты, не проверили квартиру, прежде чем уехать?

– Нет. В этом не было нужды. Я не заходила никуда кроме двух комнат, которыми пользуюсь, и этой самой кухни, – отозвалась Мод, обводя вокруг себя трясущейся рукой.

Ирен Хюсс окинула кухню быстрым взглядом, явно отметив старинную деревянную мебель начала двадцатого века.

– Насколько велика эта квартира? – внезапно поинтересовалась Ирен.

– Это не квартира, – высокомерно возразила Мод.

– Разве?

– Ни в коем случае. Это апартаменты!

– Ладно. Насколько же велики эти апартаменты? – вздохнула Ирен Хюсс.

– Около трехсот квадратных метров, – тем же высокомерным тоном отозвалась Мод.

Полицейские переглянулись и практически одновременно поднялись из-за стола.

– Нам хотелось бы еще раз взглянуть на салон, – попросила Ирен Хюсс.

– Но там не на что глядеть. Ничего нет.

– Нам это известно. Но мы хотим посмотреть на то, что осталось. Мебель и ковер.

– Ничего нет, – настаивала Мод.

Она неслышно фыркнула, позабавившись взглядам, которыми наскоро обменялись с толку полицейские. Мод позаботилась о

том, чтобы выражение ее лица не выдавало истинных эмоций.

Друг за другом проследовали они по безмолвным залам, в которых стояла укутанная белыми чехлами мебель. На стенах кое-где висели картины, хотя светлые пятна на обоях намекали на то, что за долгие годы Мод успела продать часть коллекции. Салон располагался в другом конце апартаментов. Мод повернула торчавший из замочной скважины ключ и распахнула дверь. Жестом она пригласила полицейских войти. Они шагнули через порог, но дальше идти смысла не было.

– Здесь пусто, – констатировала Ирен Хюсс.

– Как я и сказала, – не удержалась Мод.

Помещение выглядело голым. Никакой мебели, никаких картин, исчез даже большой ковер с пола. Единственное, что оставалось на своем месте – тяжелые бархатные портьеры, которыми было убрано окно. На паркетном полу у изразцовой печи виднелись темные пятна. Там-то и была лужа крови, натекшая с головы Фраццена. Большая часть крови, однако, впиталась в ковер.

– Куда делись все вещи?

Молодая инспекторша впервые подала голос. Мод даже не удостоила ее взглядом.

– Проданы. Все пошло с молотка. Гётеборгский аукционный дом.

Это была чистая правда. За исключением одного полотна Андерса Цорна. Мод его очень любила. Она перевесила картину к себе в спальню. Мод знала, что картину можно дорого продать, но она и так неплохо заработала, продав серебряную коллекцию, и все прочее, что было в салоне – вырученных денег ей должно было хватить на несколько лет.

Обе полицейских какое-то время неподвижно стояли, молча оглядывая голые стены и пол. Ирен Хюсс внезапно повернулась на каблуках и уставилась на Мод.

– Это вы ударили Фраццена по голове? Вы не сошлись в цене? Он угрожал вам? – деловито поинтересовалась Ирен.

Мод почти ждала этого вопроса. Она ухитрилась изобразить на лице страх и для пущего эффекта всплеснула руками.

– Но милочка... Я никогда не встречалась с ним у себя дома! Я понятия не имею, как он оказался здесь... или как он... Я ведь и мухи не могу обидеть! Ужасно, что люди убивают животных. Я хоть и не из

этих... вего... веготар... совсем нет! Но я считаю, что если бы люди сейчас стали есть мясо...

Она замялась и обратила на полицейских смущенный взгляд.

Внезапно заместитель комиссара ощутила сильную усталость. Утомленным голосом она проговорила:

– Благодарю. Думаю, мы здесь закончили.

В молчании они вернулись в холл. Ирен Хюсс с вымученной улыбкой поблагодарила Мод за то, что та согласилась с ними побеседовать, и пожелала той счастливого Рождества. Юная Эмбла вновь сверкнула на старуху своими красивыми глазами, но Мод это уже совершенно не волновало.

* * *

Все это произошло уже три дня тому назад, однако Мод все еще слегка потряхивало от пережитого. Она надеялась, что полиция теперь оставит ее в покое, но ведь никогда нельзя быть полностью уверенной. Приятно было просто почувствовать себя недосыгаемой для них в предстоящие несколько недель.

Полет до Копенгагена занял всего час. Члены экипажа разносили еду, которая именовалась «рождественским завтраком». «Несъедобно», – про себя вынесла вердикт Мод. Она попросила принести два куска хлеба и не притронулась к содержимому судочков с завтраком.

В аэропорту Каструп^[4] до пересадки на рейс в Дубай нужно было переждать всего полчаса.

Ланч на борту самолета авиакомпании «Эмирейтс» был уже совершенно иного класса, нежели недавний убогий завтрак. К трапезе Мод попросила маленькую бутылочку красного вина. После визита полицейских она чувствовала, что это ей необходимо.

После того, как Мод опустошила бутылочку и справилась с десертом – нежной малиново-черничной паннакоттой – ей принесли кофе и мягкое шоколадное печенье. «Даже перекус у них что надо», – подумала Мод. Или все дело было в коньяке? Начинать путешествие в Южную Африку с красного вина и кофе с коньяком уже за ланчем

показалось Мод хорошим предзнаменованием. Счастливым, чего уж там.

Сытая и довольная, Мод откинулась на спинку кресла. Короткий отрезок пути из Гётеборга в Каструп она летела в экономе, но остальную часть долгого путешествия Мод решила провести в бизнес-классе. Это обошлось ей в целое состояние, но похоже, действительно стоило того. Спать в самолете, вытянув ноги, было чудесно. Прежде Мод никогда себе такого не позволяла.

Шум голосов вокруг убаюкивал, и Мод расслабилась. Мысли ее стали рассеянными, и она стала проваливаться в сон.

Несмотря на собственное сумеречное состояние, внезапно сквозь полудрему Мод услышала спор пары пассажиров, сидевших позади.

Они тихонько препирались по поводу забытых беговых кроссовок.

– Почему ты меня не спросил? Они же стояли в котельной! – возбужденно шипела женщина.

– И в голову бы не пришло, – коротко отозвался мужской голос.

Мод встрепелась, услышав слово «котельная». Дальнейший ход беседы потонул в гуле других голосов, но слово, которое заставило Мод стряхнуть сон, продолжало эхом отдаваться у нее в голове.

Котельная. Подвал. Угольный подвал.

Мальчишки в угольном подвале.

Мальчишки в угольном подвале

Душераздирающий крик эхом отдавался от стен зданий, окружавших задний двор. Мод оторвалась от вычислений в учебнике по математике и на долю секунды задержала взгляд на небольшой картине, которая висела над ее письменным столом. На картине был изображен златокудрый ангел, который незримо сопровождал маленькую девочку, оказавшуюся на темной лесной тропе.

– Шарлотта, – шепнула ангелу Мод.

Она инстинктивно отбросила ручку и ринулась к окну, которое выходило на задний двор.

Опасения Мод оправдались. Возле мусорных баков, прижавшись спиной к сараю и закрыв глаза руками, стояла ее сестра. На ней не было верхней одежды, одно только тонкое платье. Шарлотта, не переставая, кричала от ужаса. Перед ней стояли братья Аронссон. Младший, Торстен, учился в параллельном с Мод классе, а старший, Алгот, был на год впереди. Он-то и держал крысу. Мальчишка тряс крысой перед лицом Шарлотты и гнусно усмехался. Торстен же стоял к Мод спиной, так что она не могла разглядеть, участвовал ли он в издевательствах над ее сестрой. Наверняка участвовал, потому что Торстен всегда все повторял вслед за Алготом. Травить несчастную Шарлотту было одной из их излюбленных забав. Всем соседям в квартале мало-помалу становилось ясно, что юная женщина нездорова. Мод знала, что люди судачат о ее необычной сестре. Шарлотта страдала от «нервной слабости», как называла это их мама, еще с четырнадцати лет. Проблема была настолько серьезной, что девушке пришлось оставить школу. Единственное, чем она была в состоянии заниматься – игра на фортепиано. Уроки Шарлотте давал на дому частный преподаватель. Учитель сам был известным пианистом и за преподавание просил солидную плату, но родители полагали, что оно того стоило. Все ради того, чтобы старшая дочь могла почувствовать себя хоть немного лучше, пусть даже ненадолго. Когда у нее не было занятий, Шарлотта обычно днями напролет самостоятельно упражнялась в игре. У Шарлотты был большой талант, ей прочили блестящее будущее в качестве концертирующей пианистки. Если бы не эта проблема с нервами... Шарлотта не могла выступить перед публикой. Даже трое

членов ее семьи не могли оставаться с нею в одном помещении, когда она музицировала. Чтобы послушать, им приходилось устраиваться в библиотеке, рядом с музыкальной комнатой, дверь которой оставляли приоткрытой. При этом Шарлотта не должна была никого из них видеть.

Когда Шарлотта не проводила время за клавишами, она не могла найти себе места. Она начинала «бродить», как говорила мама. Это означало, что Шарлотта неприкаянно блуждала по обширному апартаменту. В дневное время она просто перемещалась по комнатам, но когда она ходила по ночам, во сне, все становилось сложнее. Родители велели Мод не будить Шарлотту, потому что это опасно для жизни. Было не совсем ясно, для чьей жизни это представляло опасность, но Мод не посмела переспрашивать. Поэтому, когда в комнату к Мод забредала Шарлотта, она неподвижно замирала в своей кровати, притворяясь спящей. Из-под полуприкрытых век Мод наблюдала, как старшая сестра скользит вдоль стен, что-то тихонько бормоча себе под нос. Глаза Шарлотты были широко распахнуты, и глядели прямо. Время от времени она останавливалась у кровати младшей сестры и наклонялась над ней. В таких случаях Мод заставляла себя закрыть глаза полностью и старалась дышать ровно.

Порой во время своих блужданий Шарлотта покидала надежные стены апартаментов. На прошлой неделе она внезапно пропала. Мод вместе с мамой и горничной Хильдой обыскали все укромные уголки. Поняв, что Шарлотты нет дома, мать впала в совершенное отчаяние. Но Хильда, прослужившая в семье уже несколько лет, была женщиной более приземленной.

– Если госпожа согласится проверить чердак, мы с Мод сходим поискать во дворе. Если ее там не окажется, спустимся в подвал, – уверенно проговорила Хильда.

Мать взяла ключи от чердака и на лифте отправилась на верхний этаж, а Мод последовала за Хильдой. Очень скоро они поняли, что в саду Шарлотты не было. Они проверили сарай, в котором смотритель хранил свои инструменты, и заглянули за мусорные баки. С кустов сирени, росшей у ограды, еще во время урагана в канун Дня Всех Святых облетели все листья. Спрятаться там уже не получилось бы. То же со старым вязом, который стоял посреди двора. Его нижние ветви спилили, чтобы никто не смог вскарабкаться по дереву.

Таким образом, все вероятные убежища на заднем дворе были проверены.

– Подвал, – скомандовала Хильда.

Мод решила, что это звучит захватывающе. Ей редко удавалось туда попасть. В последний раз она спускалась в подвал почти два года назад.

«Детям нечего там делать», – обычно говорил отец.

Но сейчас она сможет спуститься вниз и хорошенько все рассмотреть. И Мод в кильватере у Хильды вприпрыжку поскакала вниз.

Лестница, которая вела в подвал, в отличие от главной, была из гранита, а не из мрамора. Стены по бокам от нее хоть и были выбелены известью, но все равно выглядели грязными. Это все из-за кокса, которым отапливался дом – пояснял отец. Грязные от угольной пыли, словно трубочисты, люди перевозили кокс в мешках, на конских повозках. Они сгружали мешки и сбрасывали их в угольный подвал, открыв стальную заслонку на наружной стене дома. Перед угольным подвалом располагалась котельная. В одной из ее стен была стальная дверь, которая как раз и вела в угольный подвал. Через эту дверь смотритель пару раз в день заходил туда, чтобы принести кокса для котлов. С его-то одежды и сыпалась сажа, которая была повсюду на подвальной лестнице. По этой причине бедняге приходилось переодеваться всякий раз, когда возникала необходимость выйти на главную лестницу, если у него было дело к кому-то из жильцов.

Смотритель Старк жил вместе со своей женой в маленькой квартирке, состоявшей из одной только комнаты и спального алькова. В этой квартирке было всего одно выходившее на задний двор окно, а уборная и вовсе располагалась в холодной пристройке. От Старка вечно разило спиртом. Он был вспыльчив, и всегда недоверчиво глядел на Мод, когда та вежливо приседала и здоровалась. Мод слегка его побаивалась. Фру Старк заведовала уборкой лестницы. Она также поддерживала порядок в прачечной и в просторной сушильне, где жильцы развешивали на просушку свое белье. Фру Старк обычно без улыбки кивала Мод, не говоря ни слова.

Хильда и Мод спустились по гранитной лестнице и уперлись в подвальную дверь. Хильда вставила ключ в замок, и отперла ее. В ноздри им тотчас же ударил запах пыли и сырости. Голые лампочки под

потолком давали слабый свет. Мод подозревала, что в кладовых хранится масса любопытных вещей, но у нее не было возможности заглянуть туда и все разведать – деревянные двери были заперты большими навесными замками. Это означало, что Шарлотты там быть не могло.

– В котельную, – скомандовала Хильда, указывая на добротную деревянную дверь. Из кармана фартука она выудила ключ и отперла ее. Там, внутри, стоял гул от трех раскопчегаренных отопительных котлов. За толстыми заслонками пылал огонь. Жар этого пламени нагревал аккумуляторную цистерну, которая обеспечивала горячей водой весь дом. Горячая вода также по трубам подавалась в отопительную систему, обогревая жилые помещения. Отец, бывало, говорил, что котельная – это сердце всего дома.

Они принялись озираться вокруг, но очень скоро поняли, что и в котельной Шарлотты тоже не было. Хильда угрюмо ткнула пальцем в стальную дверь:

– Угольный подвал! – пришлось ей повысить голос, чтобы перекричать гул котельной.

На двери не было замка, она открывалась и закрывалась с помощью засова. Он тоже был сделан из металла и на вид выглядел довольно громоздким, однако Хильда справилась с ним без особых проблем. Горничная распахнула дверь, и обе они заглянули внутрь.

«Обычно говорят “темно, как в угольной шахте”, но в угольном подвале темнота ничуть не хуже», – подумала Мод. Хильда нащупала выключатель, и под потолком зажглась одинокая лампочка. На полу были сложены штабеля мешков с углем, а в центре высился настоящий угольный отвал. Туда была воткнута лопата, а рядом стояла в ожидании груза небольшая тачка.

Шарлотты не было и здесь, да они, пожалуй, и не ожидали ее здесь увидеть. Она никогда бы не осмелилась пройти через котельную, в которой стоял такой сильный гул.

С невыполненным поручением и несколькими пятнами сажи на одежде Мод с Хильдой вернулись в апартамент. В холле к ним бросилась мать, со слезами на глазах рассказывая, как обнаружила Шарлотту, свернувшуюся калачиком в углу сушильной комнаты. Там сушились чьи-то простыни, так что она вполне могла и не заметить дочь, спрятавшуюся в темном углу. Сейчас Шарлотта уже была уложена

в постель, а мама как раз собиралась на кухню, чтобы сварить для нее чашку горячего шоколада. Мод тоже получила порцию. Вдобавок она ухитрилась утащить к себе полпакета материнского английского печенья. Его Мод припрятала в нижнем ящике своего письменного стола.

Украденное печенье Мод расходовала экономно. Обычно она позволяла себе съесть штучку, когда делала уроки. Вот и сейчас, едва она проглотила последний кусочек печенья, раздался отчаянный крик сестры. Как обычно, Шарлотта выбралась наружу именно в такой момент, когда дома не было ни мамы, ни Хильды! Обе они ушли по делам, и Мод не знала, когда они вернуться. Уже начинало смеркаться, и очень скоро станет совсем темно. Как же спасти Шарлотту от этих двух идиотов? Братья Аронссон были рослыми, а Мод – тоненькой и изящной. Вязываться в драку не представлялось ей хорошей идеей. Их фантазия на различные проказы никогда не иссякала. Сейчас, должно быть, они заскучали, и решили чем-то себя развлечь...

Тут Мод немного притормозила. У нее возникла идея. Возможно, она найдет способ с ними разделаться.

Мод молнией метнулась в кабинет отца. Сестрам не позволялось входить туда без его разрешения, но Мод уговорила себя, что в таком бедственном положении можно нарушить правило. Она точно знала, в каком из ящиков отец держал конверты.

Мод подошла к полированному письменному столу красного дерева и выдвинула нижний ящик. На долю секунды она засомневалась. Белый или коричневый? Выбрала коричневый. Отец обычно раскладывал жалованье работникам у себя в конторе в такие конверты.

Держа конверт, словно саблю наголо, Мод выскочила в холл и распахнула шкафчик с ключами. Лихорадочно принялась читать надписи на бирках. Вот они! «Подвал» и «Котельная». Они висели высоко, но встав на цыпочки, Мод смогла дотянуться до ключей. Прежде, чем открыть дверь, Мод скинула домашние туфли и сунула ноги в башмаки. На шнуровку времени не оставалось. Крепко зажав в руке два ключа, Мод спешно прокралась по подвальной лестнице до самого низа, и отперла дверь. Щелкнула выключателем, и в тусклом свете висевших под потолком лампочек ринулась в проход.

Дверь в котельную поддалась легко, а вот со стальной дверью в угольный подвал пришлось повозиться. Засов был очень тяжел, и Мод

пришлось изо всех сил напрячься, чтобы его сдвинуть. Дверь немного приоткрылась на скрипучих петлях. Мод замешкалась, не решаясь пролезть в образовавшуюся щель. Если она наступит в угольную пыль, следы неизбежно останутся на ее одежде и обуви. Она наскоро огляделась в котельной и поняла, что выход есть.

Возле одного из котлов стояла тачка, а в ней лежала совковая лопата. Мод положила конверт на лопату. Аккуратно держа в вытянутых руках лопату, она подошла к входу в подвал, и одним точным движением просунула сквозь узкую щель лежавший на лопате коричневый конверт. Тот соскользнул вниз и очутился в куче угля.

Мод не стала полностью закрывать тяжелую стальную дверь, а напротив, оставила ее слегка приоткрытой. Выйдя из котельной, она и эту дверь прикрыла за собой, не запирая.

Шарлотта уже сползла вниз по стене сарая. Рыдания сотрясали все ее тело. Холод и страх делали свое дело. Мод смотрела на нее через глазок входной двери и чувствовала, как в душе вскипает ненависть к обоим братьям. Ее сестра, конечно, была особенной, и даже странной, но никто не должен подвергаться издевательствам от рук двух паршивцев, которые не имеют и малейшего понятия о приличиях.

Прежде чем распахнуть дверь, Мод сделала глубокий вдох. На улице было холодно, а на ней была только кофта. Оба брата синхронно повернули головы, услышав приближающиеся уверенные шаги Мод.

– Неужто это тупая сестрица Фрекен Лунатик пожаловала? – воскликнул Алгот.

Мод остановилась, заставив себя не глядеть на барахтающуюся в воздухе крысу, которую мальчишка вертел за хвост.

– Почему бы вам не помочь мне разыскать папин конверт, вместо того, чтобы ссориться с Шарлоттой? – как можно более ровным тоном произнесла Мод.

Братья переглянулись. Потом Алгот заговорил:

– С какой бы стати нам искать конверт твоего жирного папаши?

Ну вот, сейчас. Ее актерский талант поможет этим бандитам заглотив наживку.

Мод потупила взгляд.

– Папа... потерял важный конверт. Сегодня. Он ходил по всему дому с человеком из страховой компании.

Это даже была не ложь. Просто обход дома состоялся два месяца назад.

– Зачем он ходил по дому с этим парнем? – захотел узнать Алгот.

– Он собирается оформить новую страховку на дом. Поэтому компания должна удостовериться, что все соответствует норме, пожаробезопасность и все такое, – намеренно расплывчато пояснила Мод.

– Поэтому они обошли весь дом?

– Да, от чердака до подвала. И папа потерял жало... конверт, я хотела сказать.

Одним движением Алгот отправил крысу в полет в направлении мусорных баков. Она приземлилась между баками, и со злобным шипением скрылась из виду. Мод украдкой взглянула на сестру. Дрожь усиливалась. Нужно было срочно вести ее домой, в тепло и покой.

– Отчего же твой папаша сам не поищет?

Этот вопрос задал Торстен. Однако у Мод уже был наготове ответ.

– Он не заметил, что конверт выпал из кармана его пиджака, пока не поехал в контору. А там у него назначена встреча...

Да, с кем у него назначена встреча? Это должен быть кто-то хорошо известный. Мод решила импровизировать.

– С бургомистром Баарнхильмом.

– С бургомистром! Брехня! – снова насмешливо процедил Алгот.

– Нет. Папа будет строить новые дома. Новый... район города.

– И где же?

Мод припомнила разговор, подслушанный, когда к отцу приходили приятели. Они сидели в салоне, пили грог и курили сигары. Мод, по своему обыкновению, стояла за дверью и подглядывала в щель между петлями. Никто в комнате не смог бы ее заметить, а она, тем временем, могла видеть и слышать все, что там происходило. Господа обсуждали планы застройки нового городского района, который должен был появиться через десять лет. Этот район должен был вырасти над улицами Террасгатан и Виктор Ридбергсгатан в Юханнеберге.

Мод быстро и уверенно ответила:

– Над Юханнебергом.

– В горах! Да кто там захочет жить!

Загоготав, Алгот ткнул Торстена в бок. Младший брат послушно начал смеяться.

– Речь идет о нескольких сотнях квартир. Много домов. Бургомистр заинтересован в строительстве, потому что Гетеборгу требуется новое современное жилье, – невозмутимо продолжала Мод, не обращая внимания на подколы мальчишек.

Алгот посерьезнел, и зрачки его сузились. Наконец он задал вопрос, которого Мод давно ждала:

– Так что ты говоришь было в конверте?

Мод напустила на себя растерянный вид.

– Я... вообще-то не знаю точно.

– Ты что-то брякнула про жалованье. Там были деньги?

– Да. Или нет! Я не знаю.

Алгот снова ткнул младшего брата в бок. Не сводя взгляда с Мод, он сказал:

– Можешь больше не искать. Теперь мы с Торстеном поищем.

Вот и выход маленькой глупенькой девочки. Мод изобразила на лице облегчение.

– Спасибо! Мама и Хильда скоро вернутся домой, так что мне нужно позаботиться о Шарлотте.

– Давай-давай. Ни слова родителям о крысе, – предостерег Алгот.

Мод послушно кивнула.

– Нужно достать ключи от чердака и подвала, – еле слышно шепнул Алгот Торстену.

Мод притворилась, что ничего не слышит. Когда братья направились к воротам, она окликнула мальчишек:

– Папа думает, что обронил конверт на чердаке!

Мод надеялась, что они начнут поиски именно там, так что у нее будет немного времени, чтобы завершить свои приготовления.

Хильда вернулась домой как раз тогда, когда Мод с Шарлоттой, наконец, поднялись в апартамент. Шарлотта всем весом навалилась на сестру, которая сгибалась под тяжестью ноши.

– Милые мои! Что случилось? – всплеснула руками Хильда, отбросив сумку с покупками.

Мод с облегчением передала груз ответственности Хильде.

– Она вышла в сад. Братья Аронссон напугали ее крысой. А я...

Больше объяснять ничего не пришлось, потому что Хильда, подхватив Шарлотту, уже вела ее к спальне. Там она уложит Шарлотту в постель и приготовит ей какое-нибудь теплое питье. И даст

успокоительное, конечно. Через какое-то время Шарлотта спокойно заснет. Она теперь в безопасности.

Мод, крадучись, выскользнула за дверь, которая так и осталась стоять нараспашку. Она просунула руку в шкафчик с ключами и сняла маленький толстый ключ от навесного замка, и тут же принялась сматывать удочки. Прежде чем закрыть дверь апартамента, Мод проверила замок. Потом кинулась вниз по подвальной лестнице.

Когда Мод открыла дверь и заглянула внутрь, в проходе было темно, хоть глаз выколи. Чтобы дверь не хлопнула, Мод ее придержала, так что, когда та закрылась, слышен был лишь тихий щелчок. Она нащупала выключатель и зажгла свет. У Мод уже возникла идея, где можно укрыться. Решительно принялась она отсчитывать двери кладовых. На одиннадцатой остановилась. Это была отцовская секция. Мод отперла массивный навесной замок и заглянула внутрь. Там было достаточно места, чтобы спрятаться. Она придала замку первоначальный вид, но при этом не стала его защелкивать, а просто подвесила на петли. Мод надеялась, что паршивцы Аронссон не заметят, что дверь не заперта по-настоящему. С решительным выражением на лице Мод метнулась назад, к выключателю, и потушила свет.

На мгновение Мод застыла на месте. Вокруг действительно стояла угольная чернота. Глаза никак не могли привыкнуть к такой плотной тьме. Как раз на такой эффект Мод и рассчитывала. Она вытянула вперед руку, и снова зашагала по проходу. По пути она тихонько пересчитывала двери. Добравшись до одиннадцатой, она толкнула ее и шагнула внутрь.

Теперь оставалось только ждать.

Прошло всего несколько минут, прежде чем Мод услышала голоса братьев. Они, по своему обыкновению, спорили – каждый из братьев пытался первым протиснуться в дверь. Когда она захлопнулась за мальчишками, на несколько секунд воцарилась тишина. Потом раздался панический возглас:

– Да включай уже, черт побери! Включай!

Злорадная улыбка расплылась на губах Мод. Крутыш Алгот боится темноты! После череды криков и проклятий кто-то из них все же нащупал выключатель.

– Чертов идиот! Ты вообще понимаешь, что вначале нужно включить свет, а потом закрывать дверь?!

Голос принадлежал Алготу.

– Но это же ты... – предпринял робкую попытку защититься Торстен.

– Эй! Заткни пасть! Ищи давай! – оборвал его старший брат.

Шаги приблизились к укрытию Мод, и она ощутила, как сердце забилось чаще. К ее немалому облегчению, они прошли мимо.

– Нужно попасть в котельную, – сказал Алгот.

– Она же заперта, – послышался неуверенный голос Торстена.

– Ха! – триумфально завопил Алгот. Он обнаружил, что дверь в котельную была просто притворена. У Мод на радостях чуть не подкосились колени. Паршивцы уже были на пути в котельную. И в угольный подвал. Эта мысль наполнила Мод ледяным спокойствием. Теперь нужно было все сделать правильно.

Мод осторожно выскользнула за дверь кладовки. Тихо прокралась по проходу к двери котельной. Та была полуоткрыта. Едва Мод заглянула внутрь, она увидела, что мальчишки смогли сдвинуть с места тяжелую подвальную дверь, но та не открылась даже наполовину.

– Вот он! Я первый заметил! – завопил Алгот, протискиваясь сквозь щель.

– Нет! Ты меня отпихнул!

Они принялись толкаться в борьбе за то, чтобы первым войти в открывшийся проем. Оба мальчишки видели конверт, лежавший на полу чуть поодаль от входа.

Мод среагировала мгновенно, в несколько больших шагов преодолев по цементному полу разделявшее их расстояние. Из всех сил навалилась она на стальную дверь, и ухитрилась захлопнуть ее прежде, чем кто-то из братьев понял, что происходит. С засовом пришлось повозиться, но и с этой задачей Мод справилась.

Покидая котельную, Мод слышала приглушенные крики братьев. Она остановилась перед отцовской кладовой и заперла навесной замок. Важно было, чтобы все выглядело, как обычно. Лампочку на потолке она выключать не стала.

Когда Мод вернулась в апартамент, Хильда все еще сидела у Шарлотты. Мод вернула ключи в шкафчик. Потом вышла в коридор и

встала около спальни Шарлотты, в дверном проеме. Хильда как раз укладывала свою подопечную в постель.

– Поставить чайник? – спросила Мод.

Хильда вздрогнула, словно успела позабыть, что младшая из сестер тоже была дома.

– О, милое дитя! Если ты будешь так любезна...

– Шоколад, – раздалось откуда-то из-под пуховых одеял.

Определенно, Шарлотте немного полегчало.

По пути на кухню Мод чувствовала радость и облегчение.

Когда большие часы в зале громко пробили шесть раз, вся семья, за исключением Шарлотты, собралась за ужином. Из-за того, что день у сестры выдался неудачный, ее препоручили заботам Хильды. Та теперь курсировала между кухней и спальней Шарлотты то с теплым бульоном, который больная отказалась пить, то с горячим шоколадом, который Шарлотта с удовольствием употребила. Единственное, что она согласилась съесть – испеченное Хильдой домашнее овсяное печенье с эдамским сыром.

Едва они приступили к ужину, раздался звонок в дверь. Трое сидевших за столом слышали поспешные шаги Хильды, когда та побежала в холл открывать. Через короткое время она возникла на пороге столовой и сообщила:

– Это Старк. Желает говорить с господином.

Отец вскинул кустистые брови, вытащил из нагрудного кармана жилета свои золотые часы и со значением на них взглянул. Крякнув, убрал их обратно в карман. Затем снял салфетку, которая была повязана у него под подбородком, и поднялся на ноги. Мать и Мод сидели неподвижно, вслушиваясь в неясное бормотание, доносившееся из холла. Они не могли разобрать слов, но отец точно несколько раз повышал голос.

В животе у Мод возник холодный комок. Смотритель спускался по вечерам в угольный подвал, чтобы подбросить угля в котлы. Само собой, он обнаружил мальчишек, как и было задумано. На часах была четверть седьмого. Они провели взаперти около трех часов. Что они ему сказали? Комок в животе продолжал расти.

Через некоторое время отец вернулся в столовую. К облегчению Мод, он не выглядел разозленным, скорее – сбитым с толку.

Он тяжело опустился на свой стул, и поднял взгляд на жену и дочь.

– Старк обнаружил этих двух щенков Аронссон запертыми в угольном подвале. Они там играли, дверь захлопнулась, и перекладина засова упала. Когда Старк их выпустил, они вели себя очень смиренно. Старк за уши оттащил их к матери. Они утверждают что ты, Мод, обманула их. Якобы они должны были помочь тебе в поисках конверта с деньгами, который я обронил. Что ты на это скажешь?

Комок в животе стал просто каменным, но Мод не позволила эмоциям отразиться на лице. Вместо этого она подняла полный раскаяния взгляд на отца и заговорила дрожащим голосом:

– Прости, папа, что я солгала. Но это было только ради Шарлотты.

Прежде, чем отец успел вставить хоть слово, Мод принялась пересказывать события прошедшего дня. Она живо описала, как Алгот махал крысой перед лицом у Шарлотты, и в какой истерике та пребывала. Потому Мод и пришлось выдумать историю о том, как любимый папа потерял конверт с деньгами где-то в доме. Это сработало, потому что мальчишки оставили сестер в покое, и занялись поисками конверта.

Мод, к сожалению, пришлось признать, что именно она подстроила братьям ловушку в угольном подвале. Закончив свой рассказ, она посчитала, что будет уместно уронить несколько слезинок.

Отец встал и приблизился к ней. На мгновение Мод показалось, что сердце ее выпрыгнет в горло. Когда же отец наклонился, и ласково погладил ее по волосам, сердце вернулось обратно, на положенное ему место.

– Твой рассказ полностью совпадает с тем, что Старку рассказала жена. Через окно она видела, как братья пугали Шарлотту крысой. Прежде, чем фру Старк сообразила, что можно предпринять, она увидела, что ты подошла и заговорила с мальчишками. Потом они выкинули крысу и ушли, так что фру Старк решила, что причин вмешиваться уже не было.

Отец прервался и откашлялся, прежде чем продолжить.

– То, что ты сделала, было невообразимо... прекрасно.

– Милое мое дитя, не нужно просить прощения за ложь, – вступила мать. – Ты же сделала это из... благих побуждений.

Но мать не бросилась обнимать Мод. Она вообще редко до нее дотрагивалась, лишь периодически задавала трепку за какую-нибудь провинность, таская Мод за волосы или за ухо. Мать бывала ласкова

лишь со старшей дочерью, музыкальным гением, который, к несчастью, оказался подвержен «нервной слабости». Так подумала Мод. Но как обычно, ничего не сказала вслух.

Отец вернулся на свое место и засунул за ворот салфетку, но к столовым приборам не притронулся. Он снова перевел взгляд на Мод.

– Да, еще кое-что. Старк сказал, что мальчишки клялись, что на полу в угольном подвале и в самом деле был конверт. Он считает, что они лгут, или выдумывают, потому что никакого конверта сам он там не обнаружил. И при себе у паршивцев его не оказалось. Они так обрадовались своему избавлению, что забыли его забрать, – так они это объясняют. Этот конверт... тебе что-то о нем известно?

– Нет, отец, – сказала Мод, покачав головой.

– Ты все это просто выдумала?

– Да, отец.

– Отлично! Тогда оставим этот разговор.

И отец позвал Хильду, чтобы та принесла ему новую порцию горячей еды.

Однако без внимания происшествие в угольном подвале отец не оставил. На другой день он навестил семейство Аронссон, и предупредил их, что в течение месяца они должны будут освободить жилье. В качестве причины отец озвучил нападение на Шарлотту и игры в подвале, что само по себе было совершенно недопустимо. Это не должно было повториться. В договоре аренды было четко прописано, что *«родители и опекуны несут ответственность за недопущение игр малолетних на лестницах, в прачечной, подвальных или чердачных помещениях»*. Родители братьев Аронссон пренебрегли своими родительскими обязанностями. Могло произойти несчастье. На этом основании семейство утрачивало право аренды жилья в доме.

Фру Аронссон, плача, умоляла отца о милосердии, но тот был непреклонен. Семейство Аронссон должно было уехать.

Мод старалась не попадаться братьям на глаза все четыре недели, остававшиеся до их отъезда. В школе она придерживалась такого же поведения – хоть уроки у Торстена и ее класса проходили на одном этаже, тот тоже явно ее избегал. Пятнадцатого декабря приехал фургон за вещами семьи Аронссон. Лучше всего для мальчишек было начать посещать другую школу после рождественских каникул.

За день до Сочельника Мод столкнулась со Старком на лестнице. Тот, по своему обыкновению, был хмур, а Мод, по своему обыкновению, вежливо присела и поздоровалась:

– Добрый день, дядя Старк.

– Добрый день, фрекен Мод, – отозвался смотритель.

Прежде он никогда не отвечал на ее приветствие. Мод была настолько поражена, что остановилась посреди лестницы и уставилась на перепачканного угольной пылью человека. Улыбка расплылась на его потрескавшихся губах, обнажив нестройный ряд окрашенных табаком зубов со множеством промежутков.

– Конверты, оказывается, отлично горят в топке, – сказал Старк.

Потом он развернулся и продолжил свой путь вниз, в угольный подвал.

* * *

Мод, вздрогнув, проснулась от ощущения, что над ней кто-то склонился. Сердце забило быстрее. Она уснула? Где она находится? Кто это смотрит на нее? Мгновение спустя Мод осознала, что рядом стоит стюардесса, а сама она сидит в салоне самолета, который несет ее из Копенгагена в Дубай.

– Все ли у вас в порядке? – вежливо поинтересовалась бортпроводница.

Мод пришлось хорошенько прочистить горло, прежде чем у нее появилась уверенность, что голос не подведет.

– Все замечательно, – ответила она.

– Бокал шампанского?

– Спасибо, с удовольствием.

«Только ради успокоения нервов», – подумала Мод, откидывая маленький столик. Бортпроводница поставила перед ней бокал, и принялась обслуживать следующего пассажира.

Мод глядела на поднимавшиеся к поверхности пузыри. Поверхность. «Воспоминания поднимаются на поверхность», – подумала она. «Вот что происходит, когда ты стареешь».

Она взяла бокал за ножку и сделала большой глоток. Шампанское было не таким холодным, как того хотелось бы Мод. К тому же, оно

оказалось чересчур сладким. Тем не менее, платить за него было не нужно, поэтому Мод сделала еще глоток. Когда бортпроводница будет возвращаться, нужно будет попросить заново наполнить бокал.

Воспоминания, да. Многие из них Мод за свою долгую жизнь смогла вытеснить из памяти. Невозможно таскать за собой повсюду такую кучу старья. Иногда приходится предпринимать определенные вещи, чтобы выжить в этом жестоком мире. Особенно если ты женщина, на плечах которой лежит тяжкое бремя заботы о ближнем. Только в случае Мод речь шла не о ребенке, а о взрослой женщине.

Несмотря на то, что ее сестра была на одиннадцать лет старше, после безвременной кончины родителей именно Мод всегда приходилось заботиться о них обоих. Так как родни у них не было, обходиться пришлось самостоятельно. Немногие друзья испарились, потому что психическое здоровье Шарлотты ухудшилось. Этому способствовало, вне всяких сомнений, нежелание сестры встречаться с кем-либо, помимо Мод. И еще Хильды.

Горничную Мод всегда вспоминала с необычным ощущением тепла в груди. Без Хильды никогда бы им не пережить ни военное время, ни первые годы после войны.

Интуитивно Хильда понимала, что больной Шарлотте необходим надежный близкий, по-матерински чуткий человек. Никто в семье не мог ей этого дать, а меньше всех – мать. Поэтому Хильда совершенно естественно взяла на себя эту роль. Когда умер отец, и грянула война, Хильдина поддержка стала для семьи еще важнее. Мать так и не смогла оправиться после смерти отца, и стала чахнуть. Мод смогла продолжать учебу лишь благодаря тому, что Хильда взяла на себя заботу об обоих болящих.

После смерти матери Мод уже не могла позволить себе платить Хильде жалованье. Но Хильда устроилась ночной сиделкой в больницу Густава Васы, которая находилась на расстоянии вытянутой руки от их квартала. Мод с радостью позволила Хильде и дальше жить в той комнате, которую она занимала все годы службы в семье. Так что если и был на свете помимо Мод человек, которого принимала Шарлотта, то это была Хильда.

Помощь с Шарлоттой была бесценна. Та частенько лежала в постели до самого обеда, в забытьи от своих лекарств. Мод со всех ног бежала домой, чтобы приготовить легкий обед. С Хильдой в доме было

гораздо комфортнее. Она могла присмотреть за Шарлоттой в течение дня – когда у нее был выходной, или вечерняя смена. Неоценимо было и ее умение готовить еду впрок на несколько дней – потом ее можно было просто достать и разогреть.

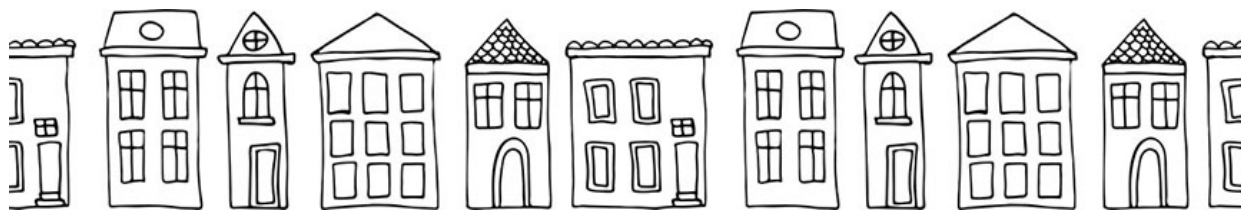
В качестве благодарности за помощь Мод никогда не брала с Хильды платы за комнату.

Поток мыслей Мод прервался, когда стюардесса снова показалась в проходе.

– Я хотела бы еще бокальчик, будьте любезны, – сказала Мод.

Бортпроводница с вежливой улыбкой наполнила бокал. Мод поблагодарила, одновременно пристально разглядывая молодую женщину. Неужто авиакомпании в самом деле нанимают на работу несовершеннолетних?

Мод с удовольствием цедила шампанское. Мысли о Хильде заставили ее вспомнить о возникшей однажды Большой Проблеме, которая угрожала самому существованию ее сестры.

Лечение нарыва наложением ледовой аппликации

К концу войны Мод устроилась работать на Высшие женские курсы преподавать французский, латынь и английский. Хоть вакансия и была временной, срок был немалый – два семестра. Был даже шанс остаться там работать на постоянной основе, в случае если штатный преподаватель, адъюнкт Грета Рапп, решит не возвращаться. Той предложили место в Гетеборгском Университете, и теперь она преподавала французский в Институте иностранных языков, одновременно работая над докторской диссертацией. Очевидно, она была компетентным преподавателем, но ученицы на курсах ее не любили. Мод об этом узнала из кулуарных разговоров. У «старой ведьмы» кто-то ходил в «любимчиках», – уловила Мод. И хоть сама Мод не являла собой блестящий образец поведения в социуме, учительница из нее вышла хорошая. Она никогда никому не демонстрировала симпатий, а ее суждения об ученицах основывались исключительно на их результатах. К тому же, Мод была вполовину моложе Греты Рапп. Мод пыталась компенсировать свои слабые социальные навыки, стараясь внешне стать ближе к молодежи, но при этом оставалась непреклонно справедливой. Последнее было в ее характере от природы, а моложавый вид остался с Мод надолго.

Мод совершенно не разбиралась ни в современных танцах, ни в свинге. Все ее время и силы уходили на заботу о недужной матери и еще более недужной сестре. В то же самое время ей приходилось тяжело учиться, а впоследствии – пойти работать. На ее плечи легла вся ответственность за домашнее хозяйство и жалкий семейный бюджет. Работа замещающим учителем на Высших женских курсах стала для Мод подарком небес. Единственное, о чем она тогда не могла перестать думать – это как бы Язва, как между собой звали Грету Рапп ученицы, не вздумала вернуться.

Чтобы укрепить связь с юными слушательницами курсов, Мод решила положиться на новую моду, которая после войны расцвела пышным цветом. Это стало возможно благодаря соседке – фру Эльзе Петрен, дипломированной швее. Ее супруг скончался от рака сразу

после смерти матери Мод, и это сплотило обеих молодых женщин. Эльза осталась одна, с маленьким сынишкой по имени Юханнес на руках. Чтобы как-то выжить на скудную вдовью пенсию, Эльза решила брать заказы на пошив одежды. Мод принесла ей несколько вещей своей матери. Вещи были высшего качества, но скроены еще по довоенной моде. С размером проблем не возникло – Мод с матерью были одинаково высокими и стройными. И вот вдвоем с Эльзой они погрузились в изучение заграничных модных журналов. Когда они разобрались, что Мод желала получить на выходе, старые материнские костюмы и платья были перешиты для Мод. Результат оказался фантастическим: подплечники исчезли, а старые фасоны юбок уступили место ультрасовременным узким «карандашам». Даже блузы, которые предполагалось надевать под костюмные жакеты, немного видоизменились. Все сборочки и малейшие намеки на кружево были удалены. Мод, ко всему прочему, стала одной из первых обладательниц нейлоновых чулок. По задней поверхности чулка проходил шов, и нужно было следить за тем, чтобы он оставался прямым, как стрела. Скрепя сердце, Мод инвестировала в покупку пары лодочек с каблуком средней высоты. Туфли, даром что купленные на распродаже, все равно были чудовищно дороги. По улице Мод продолжала ходить в своих старых башмаках, но, едва оказавшись в стенах учебного заведения, она переобувалась в лодочки.

Мать частенько говорила, что внешность у Мод «приятная». Это означало, что Мод не обладала какой-то поразительной красотой, но при своих усредненных чертах выглядела вполне мило. Свои волосы медового оттенка она с обеих сторон убирала гребнями. Благодаря тому, что волосы Мод вились от природы, ей не приходилось тратиться на перманент или накручивать бигуди. Немного пудры и красная помада завершали образ.

Ученицы ею в буквальном смысле восторгались. Они считали, что Мод отвечает вызовам нового, послевоенного времени. То были надежды на будущее, молодость, растущая власть красоты над умами. После тьмы военных лет особенно остро ощущалась жажда лоска и наслаждений.

Мод нравилось преподавать, да и вообще находиться в школьной среде. Запах мела и моющих средств, которые уборщица добавляла в воду, когда мыла покрытый линолеумом пол в классе, вселяли в душу

Мод спокойствие. Дома, в мрачном апартаменте, ее ждали лишь ежедневная рутина и перспектива бдения над недееспособной Шарлоттой. Не было времени ни на развлечения, ни на встречи с друзьями. Истина заключалась в том, что близких друзей у Мод и вовсе не было. Единственная женщина, которую она могла называть подругой – швея Эльза. Так как молодая вдова находилась в том же положении, что и Мод, никаких развлечений не было у них обеих.

Коллегам на курсах Мод никогда не рассказывала правды о своей одинокой жизни. В учительской она вела себя скромно. Она старалась выглядеть открытой и улыбчивой, но из-за того, что Мод в принципе редко вступала в разговор, коллеги зачастую о ней забывали. Ей ничего не стоило тихонько сидеть за столом, поддерживая благопристойный внешний вид, но социальное взаимодействие было для нее совершенно неизведанной территорией. А так как Мод в коллективе была самой младшей, от нее никто и не ожидал самостоятельности в суждениях. Мод такой расклад полностью устраивал.

Облегчение, которое испытала Мод, когда ей продлили контракт еще на один семестр, было буквально головокружительным. Она лелеяла эту надежду, но не смела ей поверить. Преподавая одновременно французский, латынь и английский, Мод имела полную ставку, а потому – приличное жалованье. Оно было ей необходимо. Ей было комфортно на работе, и ученицам она нравилась. Может быть, был шанс, что Язва так и останется в университете? В лучшем случае – до самой пенсии.

Иногда у Мод возникала мысль, что жизнь, наконец, повернулась к ней лицом. Это ощущение длилось вплоть до последних дней осеннего семестра.

Перед Рождеством, после подведения в актовом зале итогов семестра, коллектив, по традиции, собрался в учительской, чтобы выпить кофе с имбирным печеньем. Когда все пожелали друг другу счастливого Рождества и стали собираться по домам, ректор Экман попросила Мод пройти к ней в кабинет. Мод тотчас насторожилась. Чего хочет страшная тетка? Кто-то из учеников на нее пожаловался? Вряд ли. Тогда кто-то из коллег? Нет, Мод не могла припомнить, чтобы нанесла кому-то обиду. Внезапно ее пронзила мысль: вдруг ректор собирается предложить ей постоянную работу? Она станет ведущим преподавателем французского. Какой удивительный рождественский

подарок! Эти мысли помогли Мод собраться с духом. Теперь она следовала в кабинет ректора Экман в предвкушении.

Ректор уселась в удобное конторское кресло и указала на простой деревянный стул по другую сторону своего стола.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала она.

Прежде чем присесть на самый краешек стула, Мод предусмотрительно одернула юбку.

Начальница какое-то время молча глядела на Мод. А потом заговорила дружеским тоном:

– Послушайте, Мод. Вы отработали у нас уже три семестра. Я очень довольна вашей работой, вам стоит это знать. Однако...

Она взяла короткую паузу. Мод ощутила, как сердце бешено забилось, но старалась не показывать своего замешательства.

– ...однако ситуация складывается таким образом, что в весеннем семестре вновь выходит на работу адъюнкт Рапп. Она заберет себе все часы французского. Все, что мы можем – предложить вам постоянную работу преподавателем английского языка. И я на самом деле надеюсь, что вы согласитесь. Вы получите также пять академических часов адъюнкта Телландер, она поменяется с вами на латынь.

Последнее предложение сопровождалось намеком на улыбку. Мод подумала, что улыбка на этом лице – нечастая гостья, потому что очень скоро она растаяла.

Мод сидела, словно громом пораженная. Биение сердца отдавалось у нее в ушах, и она с трудом могла сосредоточиться на словах ректора. Словно поле зрения Мод внезапно сузилось, и женщину напротив она видела теперь сквозь окуляры перевернутого бинокля. Забавно, но только сейчас Мод обратила внимание, что у ректора Экман росли самые настоящие усы. Серые, толстые волосы, словно... Что там говорит эта ведьма?

Мод сделала глубокий вдох и попыталась взять себя в руки. Ректор сказала, что Язва намерена вернуться и забрать у Мод все часы французского. Латынь получит адъюнкт Телландер и, так как та является ведущим преподавателем немецкого, все эти часы она тоже, разумеется, сохранит.

От латыни Мод могла бы отказаться, но отобрать у нее французский? Эта рана была смертельна. Французский был самым популярным языком среди учениц, вторым по популярности шел

немецкий. Английский в те годы все еще был относительно мало распространен.

Постоянная работа учителем английского... звучит неплохо, но учитывая небольшой размер учебного заведения, нетрудно было догадаться, что на полную ставку часов не хватит.

Мод откашлялась и ухитрилась выдать:

– Так... преподавание английского – это постоянная работа?

– Да. Нужно будет уладить кое-какие формальности, но мы с этим разберемся. Никто из ваших старших коллег не хочет брать английский.

Первоначальный шок уступил место ледяной ярости. Она распознала это чувство, помня, что нельзя показать и доли своих переживаний. Если они вырвутся наружу, велик риск, что Мод перепрыгнет через стол и выцарапает глаза ректору Экман. На пару мгновений она замерла, сидя на стуле. Ее постепенно наполнял гнев, но ледяное спокойствие никуда не делось. Внезапно в мозгу Мод, который тут же принялся обсчитывать возможные ходы, что-то щелкнуло. Нет, ректор – не тот человек, с которым нужно сводить счеты. Ее цель – некто другой. Гнойный нарыв, вызревающий под крышей школы.

Мод поднялась на ноги и протянула руку:

– Благодарю! Я с радостью соглашусь на должность преподавателя английского языка, – с улыбкой произнесла Мод.

– Вот и замечательно, – отозвалась мадам ректор, пожимая протянутую руку.

Рождество прошло как обычно. Мод купила подарки Шарлотте с Хильдой. Себе она тоже по традиции купила подарок сама, будто бы он от Шарлотты. Сестра имела смутное представление о Рождестве. Иногда, впрочем, она оживала, и интересовалась, почему в большом зале нет елки. В последние годы Мод всегда отвечала одинаково:

– Все елки закончились. Мы можем зажечь свечи.

Так они поступили и в этот раз. Они поставили два массивных серебряных подсвечника на кухонный стол, потому что в столовой для трех человек места было чересчур много. В Сочельник у Хильды была ночная смена в больнице, но прежде, чем идти на работу, она успела отведать рождественский ужин вместе с сестрами.

Шарлотта, как обычно, получила в подарок новые ноты. Большинство ее старых тетрадок были сильно потрепаны. В этой новой нотной тетради были несколько наиболее известных произведений

Шуберта – тех, что нравились Мод. Себе и Хильде она купила по паре настоящих нейлоновых чулок. Хильда, открыв упаковку, от восторга залилась румянцем. Ей было слегка за тридцать – столько же, сколько Шарлотте – и выглядела Хильда моложаво. У нее была стройная фигура, движения ее были полны энергии, а вокруг нее всегда создавалась атмосфера покоя и уюта. Хильда была блондинкой с высокими скулами и голубыми глазами – настоящий нордический тип. Сама Хильда утверждала, что ее родители были финнами.

Однажды летом Хильда на недельку уехала в Вермланд, в маленькую деревушку, в которой выросла. Возвратившись в Гетеборг, она выглядела счастливой и отдохнувшей. Практически сразу после ее возвращения полетели письма, как минимум по одному в неделю. Каждый раз, когда в почтовом ящике обнаруживался конверт с именем Хильды, глаза ее вспыхивали. На прямой вопрос Мод Хильда призналась, что во время коротких летних каникул в местах своего детства она встретила мужчину. Он оказался новым священником в местной общине. Хильда смущенно улыбнулась. У Мод скрутило живот. Если этот роман продолжится, скоро Хильда от них уедет. Выйдет замуж за пастора и вернется в Вермланд. И Мод ничего не сможет с этим поделать.

Однако у Мод были и более насущные проблемы. 29 декабря она получила письмо от ректора Экман. Там было новое расписание Мод. Она тут же кинулась считать часы. Все оказалось хуже, чем она могла предположить – количество часов упало более чем наполовину. Соответственно, и жалованье Мод должно было снизиться в той же пропорции. Но это было попросту неприемлемо! Это была катастрофа!

Настала пора что-то предпринять.

Адьюнкт Грета Рапп вернулась на свое прежнее рабочее место в первый же день весеннего семестра. Большинство преподавателей собрались в учительской, чтобы поприветствовать ее. Мод стояла дальше всех. Это дало ей возможность хорошенько рассмотреть женщину, которая выгнала ее с насиженного места. Потому что Мод видела ситуацию именно под таким углом: не Язва возвращалась на свое законное место, а Мод оттесняли с отвоеванных позиций. К тому же, лишая значительной части жалованья.

«Язва – это удвоенная я, за исключением роста», – думала Мод. «В два раза старше, в два раза толще, в два раза уродливее». Последняя

мысль доставляла Мод определенное удовольствие. К несчастью, у старой ведьмы было и вдвое больше баллов в университете, не говоря уже о том, насколько дольше был ее преподавательский стаж. Мод достался непростой противник.

Адьюнкт Рапп встала на пороге учительской, и сквозь толстые круглые линзы своих очков обвела собравшихся цепким взглядом. Ее коричневый твидовый костюм, вне всяких сомнений, был пошит еще в начале войны. В нем были широкие подплечники, а расклешенная книзу юбка длиной доходила до икр. На ногах – шерстяные чулки и тяжелые ботинки, – отметила Мод, усилием воли подавив улыбку, которая уже готова была расплыться у нее на лице. В правой руке у ведьмы был большой кожаный портфель, а через согнутую левую она перекинула серое шерстяное зимнее пальто. На голове у нее была черная шляпка из потертого искусственного меха, слегка надвинутая на один глаз.

Многие учителя вздрогнули, когда она провозгласила:

– Доброе утро!

После этого она сделала несколько шагов вперед, к шляпной вешалке, чтобы развесить свою одежду. Бесстыдно уставилась на короткое меховое пальто, которое Эльза перешила для Мод из прекрасной материнской каракулевой шубы. Презрительно фыркнув, сняла его с вешалки и сбросила на стоявшую рядом скамеечку. Не церемонясь, повесила на это место собственное потертое пальто, а старую шляпу водрузила на полку. После этого она развернулась и направилась прямо к ректору Экман, чтобы поздороваться. Две дамы, взявшись за руки, обменялись понимающими улыбками.

«Очевидно, они хорошо знакомы и симпатизируют друг другу», – сделала вывод Мод. Вот почему ректор три семестра придерживала Язвино местечко, наняв лишь замещающего учителя. Наверное, не теряла надежды, что подружка вернется. Честно говоря, между ними существовало даже определенное внешнее сходство: те же отчетливые усики, та же фигура, такая же старомодная одежда. Однако, чтобы не погрешить против истины, необходимо признать – костюм мадам ректора сидел на ней лучше, и был менее изношен. Обе дамы, кстати, носили вышедшие из моды укладки: все волосы убраны от лица, и собраны в узел на шее. Волосы ректора Экман были светлее, и пряди

седины в них казались почти белыми, в то время как Язвины волосы походили на соль с перцем.

Грета Рапп обошла всех коллег и пожала им руки. Наконец, очередь дошла до Мод, которая тотчас состроила сладкую мину и с готовностью вытянула вперед свою узкую ладошку. Адьюнкт Рапп, не глядя, схватила ее своей широкой пятерней и встряхнула. От боли Мод вздрогнула, но выражение ее лица ничуть не изменилось.

– Так это крошка Мод, которая присвоила мое местечко, пока я отсутствовала, – проговорила она, приблизив к Мод свое лицо.

У Язвы было тошнотворно кислое дыхание, но Мод нашла в себе силы с улыбкой кивнуть ей в ответ.

– Голубушка, ты сделала все, что было в силах вчерашней выпускницы. Но теперь мне предстоит много работы, чтобы девушки смогли нагнать программу курса, – добавила ведьма.

Кто-то из коллег засмеялся, но от Мод не укрылась скрытая нервозность. «Они боятся Язвы», – заключила Мод.

Но Мод не испугалась.

Стоило ли опасаться того, кого очень скоро не будет рядом?

Когда в конце января Мод выплатили жалованье, та констатировала, что расчеты оказались верны. Жалованье снизилось на 48 процентов. Так им долго не протянуть. Хильда не оплачивала жилье, потому что помогала заботиться о Шарлотте. Она лишь добросовестно вносила плату за свое питание. Когда Мод заводила с Шарлоттой разговор о том, чтобы сдать несколько комнат в обширном апартаменте, в ответ сестра всегда одинаково восклицала:

– Чужие люди в моем доме?! Никогда! Иначе я умрууууу!

Так Шарлотта завывала, пока не впадала в истерику. Бесполезны были любые попытки донести до нее, насколько катастрофической была их финансовая ситуация.

Оставался единственный способ решения Проблемы: Язву нужно было убрать.

Весь январь и февраль стояли трескучие морозы, и снега выпало необычно много для Гетеборга. Однако город не зря прозвали «маленьким Лондоном» за его умеренный, влажный климат – так что в конце февраля даже выдалось несколько сносных дней. Снег начал было таять, но ночные морозы быстро превратили его в ледяную корку. Потом, в начале марта, какое-то время температура держалась выше

ноля – благодаря ветрам с западного побережья. Сияло солнце, снова превращая снег и лед в слякоть. У жителей Гетеборга возникла серьезная проблема – с крыш повсюду срывалась наледь. Произошло несколько несчастных случаев – люди пострадали от падения сосулек и снежных пластов. Многие тротуары были перегорожены – даже в том квартале, где жила Мод.

Это и навело ее на мысль, как можно решить Проблему.

Случай представился уже через несколько дней. На два последних часа девушек освободили от занятий, потому что преподавателям предстояло собраться для выставления промежуточных отметок в середине семестра. Учителя собирались группами, по предметам, и обсуждали успехи учениц. Так как группа преподавателей иностранных языков оказалась самой многочисленной, для проведения собрания им выделили актовЫй зал на первом этаже. Размер зала не особо впечатлял, но это с лихвой компенсировалось прекрасными фресками Ивара Аросениуса. Он создал их в 1906 году, когда школе присвоили статус государственной.

Собрание началось с избрания спикера. Этот человек впоследствии должен был доложить ректору Экман итоги собрания. Спикером, словно это само собой разумелось, была избрана адъюнкт Рапп. Других кандидатов не нашлось. Мод поняла, что так было здесь заведено и раньше – в те годы, когда Рапп здесь преподавала до университета. Ее уважали и боялись, и никто не отважился бы бросить ей вызов.

Собрание оказалось формальным. Преподаватели высказали свою озабоченность успехами отдельных учениц, которые в первой половине семестра показали худшие результаты. Язва безапелляционно постановила снизить провинившимся оценки за семестр. Нечего с ними миндальничать! Они должны прочувствовать, что нужно усерднее трудиться, чтобы улучшить свой результат!

Когда собрание подходило к концу, Язва провозгласила:

– Мне придется посвятить оставшиеся часы и часть вечера изучению оценок упомянутых учениц за предыдущие семестры. Но уже сейчас могу сообщить, что уровень их знаний неприемлемо низок, и не соответствует выставленным оценкам.

Последнюю фразу она произнесла, в упор глядя на Мод. Та, в свою очередь, была готова к чему-то подобному, поэтому на ее лице не дрогнул ни единый мускул. Внутри Мод уже жила уверенность в том,

что она избрала верный способ разрешения Проблемы. Теперь же она избрала и время, и место.

Вместе с другими учителями Мод вышла из школьных ворот около половины пятого. Вахтер всегда запирает ворота ровно в пять. Мод ускорила шаг – отчасти потому, что ни с кем не хотела разговаривать, отчасти потому, что спешила домой. Стало холодать, и слякоть под ногами схватилась коркой. Идеально!

Дорога домой отняла у Мод всего десять минут. Запыхавшись, она взбежала по лестнице и заперла входную дверь.

У Хильды был выходной, и та собиралась пойти в кино с коллегой. У них были билеты на «Женщину без лица» с Альфом Кьеллином, Анитой Бьерк и Гунн Волльгрэн в главных ролях. Если верить Хильде, фильм обещал быть потрясающим.

В кухне на плите стояла кастрюля с гороховым супом. На десерт Хильда напекла блинов. Чтобы они не остыли, Хильда поставила их на блюде в нагретую до минимума духовку.

Мод повесила свое милое пальтишко в холле, и неслышно прокралась в спальню к Шарлотте. Сестра лежала в постели, погруженная в глубокий сон. Отлично. Значит, за послеобеденным чаем Хильда дала Шарлотте дополнительную дозу успокоительного, как Мод и просила. Мод соврала, что у сестры выдалась беспокойная ночь, и она очень устала. Чтобы прийти в норму, Шарлотте всегда был необходим сон.

Мод стащила два блинчика и, не садясь за стол, проглотила их, запив стаканом молока. Затем она поспешила к себе в комнату, где сбросила школьную одежду на кровать. Оставшись в блузке и белье, она сменила нейлоновые чулки на толстые шерстяные. Из гардероба Мод достала темно-коричневое шерстяное пальто с большим меховым воротником, серую юбку длиной по щиколотку, и коричневую шляпку-клош. В этой одежде Мод никогда не появлялась в школе, так как Эльза еще не успела ее перешить. Шляпку, конечно, уже не переделать, но ее Эльза и не собиралась больше надевать. После сегодняшнего вечера – никогда. Мод аккуратно заправила волосы под шляпку. Критически оглядела свое отражение в зеркале, которое висело над комодом. Потом носовым платком, оказавшимся в кармане пальто, она стерла с губ помаду. Спасибо, ей не нужно никаких приметных красных губ! Невзрачность – вот что ей было необходимо. Она достала из гардероба

пару старых материнских прогулочных туфель. Туфли были массивными, на толстой резиновой подошве. Ноги у нее не замерзнут. Пара тонких кожаных перчаток завершила образ. В один из карманов пальто Мод засунула фонарик.

Прежде чем уйти, Мод выудила из гардероба принадлежавший матери изящный ридикюльчик из настоящей крокодиловой кожи, и засунула его в хозяйственную сумку, которую Хильда по субботам брала с собой, собираясь закупать овощи и фрукты на неделю.

Мод осторожно приотворила входную дверь и внимательно прислушалась: нет ли кого на лестнице. Оттуда не было слышно ни звука. Из шкафчика Мод взяла ключ от подвала. Тихо, как призрак, заскользила она по темному спуску, не включая светильники. Она быстро достигла развилки – дальше можно было выйти в сад или спуститься в подвал. По этим лестницам она могла бы пройти с завязанными глазами. Только спустившись на половину подвальной лестницы, Мод включила карманный фонарик. Падение с крутого спуска означало бы полный крах. Было бы крайне затруднительно объяснить, почему она, так странно одетая, лежит со сломанной ногой посреди лестницы. Эта мысль заставила Мод улыбнуться.

Прямо перед дверью в подвал Мод зажгла потолочный светильник, и направилась к семейной кладовой. То, что ей было нужно, оказалось прямо за дверью. Зимняя удочка висела на вбитом в стену крюке. Ее никто не трогал с тех пор, как не стало папы. Он любил выходить на лед, едва появится весеннее солнышко. Сверлил в льдине лунку, садился на складной табурет и рыбачил. Это был его способ медитации, так он обычно говорил. Очевидно, по этой причине он и не приносил домой рыбы. Мод отметила, что улыбается своим воспоминаниям, но миг снова посерьезнела. Ей предстояло выполнить ответственное задание. Мод быстро сняла со стены короткое удилище и засунула его в коричневую хозяйственную сумку. Потом она вышла из кладовой и заперла за собой дверь.

Через окошко в двери Мод выглянула во двор. Там никого не было. В саду было темно. Единственным источником света были окна апартаментов. Мод не спеша отворила дверь, и под покровом темноты выскользнула прочь за ворота.

Крепко вцепившись в свою большую сумку, она поспешила обратно в школу.

Кирпичное здание было практически полностью погружено во мрак. Светилось только одно окно на первом этаже, да еще несколько на верхнем – там располагались мастерские. Мод знала, что наверху хозяйничает уборщица, и скоро она закончит. Мод сосредоточила внимание на освещенном окне поблизости от кабинета ректора на первом этаже. Это был Язвин рабочий кабинет. Из своего укрытия под большим кустом рододендрона Мод могла разглядеть узел седых волос адъюнкта Рапп. Чудесно. Старая карга все еще сидела за столом.

Ключи от трех входов имелись у каждого учителя. Приближаясь к северному входу, Мод старалась не попадать в выпускаемые уличными фонарями конусы света. Этот вход был гораздо уже главного, и не столь часто использовался, потому что дорога от него вела на задний двор. А единственное, что можно было увидеть на школьном заднем дворе – несколько мусорных баков. Вахтер только что собрал упавшие с крыши куски наледи и сгреб все в кучу около высокой каменной стены, окружавшей задний двор. Стена закрывала всю заднюю часть школы, из-за чего входящим приходилось огибать угол здания, а затем наискосок пересекать обширный школьный двор. Этот путь был дольше, чем через главный вход.

Если разобраться, главный вход был южным, но его так никто никогда не называл.

Так вот, из-за необходимости идти в обход, северным входом пользовались редко. Западный вход использовался на порядок чаще, потому что оттуда можно было выйти прямо к маленькой автостоянке, откуда узкая тропа вела к улице Седра Веген, к автобусным и трамвайным остановкам. Этот скудно освещенный участок пути был достаточно коротким, поэтому большинство учителей, уходя, пользовались им.

Ведьма не была исключением. Она всегда ходила через западный вход, и спускалась к Седра Веген. Там она садилась в трамвай и ехала к себе домой на улицу Линнея.

Лучом света от карманного фонарика Мод тщательно ощупывала куски льда, отколотые вахтером. Наконец, критически оглядев их все, она остановилась на одном большом, который, очевидно, весил не меньше шести-семи килограммов. Мод вынула из хозяйственной сумки крокодиловый ридикюльчик и удилище, и засунула в сумку выбранную

глыбу льда. Сверху она снова поместила ридикюльчик и удилище. Затем Мод быстрым шагом направилась к северному входу.

Чтобы двери не заскрипели, Мод придержала створки. Ни к чему было афишировать свое появление. Оказавшись внутри здания, она долго стояла на пороге. Отчасти потому, что желала убедиться, что поблизости никого не было, отчасти потому, что глазам необходимо было привыкнуть к темноте. Цокольный этаж школы освещался лишь попадающими в окна лучами уличных фонарей. Убедившись, что все спокойно, Мод тихонько поднялась на три ведущие от входа в холл ступени, и направилась вперед по коридору. Мягко ступая резиновыми подошвами прогулочных туфель, Мод двигалась тихо и плавно. В ноздри ей ударил запах мела и мыльного раствора. В конце коридора была лестница, которая вела на верхние этажи. Теперь оставалось бесшумно подняться по ступеням, не издавая ни единого звука.

Поднявшись на первый этаж, Мод остановилась, задержав дыхание. Всего через три двери от нее был Язвин кабинет. К счастью, та сидела за закрытой дверью. Мод бросила взгляд на большие настенные часы. Почти без четверти шесть. Сколько еще Язва собиралась там сидеть? Мод намеревалась ее дождаться, даже если бы это заняло несколько часов.

Самое время было предпринять некоторые приготовления.

Мод на цыпочках поднялась на второй этаж. Лестницы между этажами в школе были двухпролетными, а между пролетами располагались небольшие площадки. На площадке второго этажа был небольшой балкончик. Он располагался прямо над западным входом. С торца балкончика на землю спускалась пожарная лестница. Дверь на балкон всегда была заперта, но ключ был у каждого учителя на случай пожарной тревоги.

Мод отперла балконную дверь. Осторожно выглянула за балюстраду. До земли было около восьми метров. Пятно света от висевшего над входом светильника расплывалось на снегу. Возле маленькой стоянки – одинокий фонарь, и все. Несколько высоких деревьев вдоль тропинки к Седра Веген отбрасывали плотные тени на кустарник и на землю. «И в самом деле, жутковато. Здесь может все что угодно случиться», – подумала Мод, сурово усмехнувшись в темноту. Мод вынула из сумки удилище и ридикюльчик. На тонком конце удилища висела блесна. Аккуратно, чтобы не пораниться о крючок,

Мод обвязала леску вокруг ручки ридикюльчика. Удостоверившись, что узел не развяжется, Мод высунула короткое удилице за балюстраду и принялась крутить катушку, спуская ридикюльчик вниз.

Сердце сделало сальто в груди Мод, когда входная дверь внезапно со скрипом повернулась на петлях, и на крыльце показался силуэт.

Она ведь не слышала, чтобы Язва выходила из кабинета! Держа удочку в правой руке, Мод лихорадочно остановила катушку, и уже нагнулась было за ледяной глыбой, но внезапно замерла. В свете уличной лампы Мод заметила, что голова женщины покрыта большой шерстяной шалью. Она узнала эту шаль. Уборщица. К счастью, женщина, стоявшая под балконом, не заметила ридикюльчика, качавшегося в каком-то метре у нее над головой. Когда тонкий силуэт поспешно скрылся в тени под деревьями, направляясь вниз, к Седра Веген, ноги Мод еще долго дрожали, а сердце гулко отсчитывало удары. Эта женщина никогда не узнает, как близка была к ней в тот вечер смерть.

Несколько глубоких вдохов помогли Мод справиться с сердцебиением, и она смогла продолжить начатое. Она вновь принялась крутить катушку, опуская ридикюльчик прямо на границу светового круга. Там он аккуратно коснулся поверхности земли, и остался лежать. Идеально! Первым, что увидит ведьма, выйдя из школы, будет прекрасный крокодиловый ридикюль.

Со стороны Седра Веген доносился скрип трамваев и шум моторов. Люди прогуливались по тротуарам, из кафе неслась громкая музыка. «Джаз», – подумала Мод. Но вокруг школы все было тихо и спокойно. Воздух становился все холоднее, сейчас температура точно опустилась на несколько градусов ниже нуля. Ступни Мод начали неметь от холода, да и пальцы тоже. Она начала осторожно переступать ногами. Никто не заметил бы этих едва различимых движений. Она стояла на балконе в кромешной тьме, свет от уличного светильника не достигал этого места. Балконную дверь она оставила слегка приоткрытой, чтобы услышать, как Язва закрывает дверь своего кабинета.

Прошло еще около четверти часа, и Мод, наконец, распознала звук закрывающейся двери. На лестнице отчетливо послышалась тяжелая Язвина поступь. Мод прижалась к стене. Теперь она была готова, и разум ее был кристально ясен. Сердце билось в своем привычном

ритме, и ноги не дрожали. Мод аккуратно извлекла из авоськи глыбу льда, и положила ее на самый край балюстрады.

Внизу распахнулась дверь, и на крыльце показалась адъютант Рапп. На голове у нее была все та же старая вытертая черная шляпа. Ведьма обстоятельно заперла входную дверь, и уже шагнула было в сторону тропы к трамвайной остановке, но внезапно замешкалась. Сперва, застыв на месте, она огляделась по сторонам, а потом поспешила к своей находке. Когда Язва склонилась над ридикюльчиком, Мод тщательно прицелилась и решительно столкнула глыбу с балюстрады.

Глыба с глухим звуком ударилась о Язвин затылок. Язва упала лицом вниз, да так и осталась лежать.

Мод выждала какое-то время, наблюдая за неподвижно лежащей фигурой. Убедившись, что Язва не шевелится, Мод осмелилась сдвинуться с места. Первым делом она смотала катушку, втащив ридикюльчик обратно на балкон, и убрала его вместе с удочкой в свою большую сумку. Затем Мод принялась сгребать снег и лед на балконе в кучу. Набралось прилично. Мод без колебаний сбросила эту кучу сверху на безжизненное тело. На балконе не осталось ни рыхлого снега, ни кусков льда. Бросив последний взгляд через балюстраду, Мод убедилась, что Язва лежит неподвижно. Тогда Мод поняла, что пришло время убираться. Она выставила сумку в коридор, и свободными руками принялась заметать свои следы. Результат ее обрадовал – на балконе оставалась лишь ледяная корка. Не осталось и намека на то, что там кто-то стоял.

Мод заперла балконную дверь. Справившись с этим, она подхватила свою сумку, и быстрым шагом поспешила прочь.

Лишь услышав, как за спиной захлопывается дверь апартамента, Мод осмелилась выдохнуть. Она привалилась к двери и закрыла глаза. Господи, как же она устала! И в то же время, ощущение триумфа переполняло ее.

Она справилась. Язва... получила по заслугам. Мертва ли она? Возможно. Но совершенно точно покалечена.

– Мод?

Слабый голос Шарлотты донесся из спальни. Мод выпрямилась и прокричала:

– Да, это я! Иду! Только разденусь!

По дороге в комнату сестры Мод тихонько прошмыгнула в собственную. Быстро скинула пальто и юбку, и затолкала их в свой гардероб, оставив лежать там на полу. Шляпа приземлилась сверху, та же участь ждала и хозяйственную сумку. Затем Мод нырнула в костюм, в котором сегодня была в школе. Выходя из своей комнаты, она механически расправила юбку.

Сестра, как и было задумано, лежала в постели, но на ней уже был халат. Определенно, вечером она уже вставала и ходила по дому.

– Ты что-нибудь ела? – поинтересовалась Мод.

– Нет. Я ждала тебя, – угрюмо отозвалась Шарлотта.

«Как ребенок», – устало подумала Шарлотта. Но так оно и в самом деле было. Шарлотта никогда не станет самостоятельным взрослым человеком. Она всегда будет зависеть от того, кто взял на себя заботу о ней. Этим человеком была Мод, потому что больше у них никого не было.

– Почему ты в шерстяных чулках? Ты же никогда не надеваешь их в школу. И почему ты так поздно? – заныла Шарлотта.

– Утром было холодно, поэтому я надела шерстяные. Я задержалась из-за собрания. Мы всегда обсуждаем успехи учеников в середине семестра, ты же знаешь. Сегодня, к сожалению, собрание затянулось. Но теперь мы можем поесть.

Ложь об утреннем морозе и шерстяных чулках легко далась Мод, потому что сестра редко вставала с постели до полудня.

Шарлотта медленно поднялась с кровати и поплелась на кухню следом за Мод.

Когда около десяти часов вечера из кинотеатра вернулась Хильда, Мод уже собиралась готовиться ко сну. Она стояла в ванной и чистила зубы, когда услышала звук открывающейся двери. Как здорово будет сейчас лечь! Мод в самом деле вымоталась. Шарлотта поела, приняла свое вечернее лекарство, и теперь снова лежала в постели.

Мод успела разобрать кучу одежды в своем гардеробе. Она повесила пальто и юбку, а шляпу и крокодиловый ридикюльчик закинула подальше на верхнюю полку. Материнские прогулочные туфли и удочку Мод отнесла в кладовую, а хозяйственную сумку вернула на обычное место.

Мод завернулась в свой потертый халат и глянула на дверь ванной:

– Хорошее было кино? – крикнула она.

– Просто замечательное! – отозвалась Хильда.

За этим последовал восторженный обзор фильма, а потом и Хильда отправилась в свою уборную. Вскоре из крошечной ванной комнаты Хильды до Мод донесся звук спускаемой воды.

Все было спокойно.

Той ночью Мод спала глубоко и без сновидений.

На следующее утро Мод оделась как обычно. Чистая блузка, новые нейлоновые чулки, но тот же костюм, что и вчера. Волосы убрала гребнями с двух сторон. Немного припудрила лицо пуховкой. Последний штрих – красная помада. Критический взгляд в зеркало. «Свежа, как всегда», – улыбнулась Мод своему отражению. Никаких странностей. Важно было не привлекать внимания.

Тем утром Мод шла в школу легкой походкой. Она специально пришла ровно в то время, в какое обычно появлялась в школе – за двадцать минут до первой лекции. Проходя через школьный двор, Мод ускорила шаг. Неплохо, если она будет выглядеть слегка запыхавшейся. Распахнув тяжелую дверь главного входа, первой Мод увидела массивную фигуру ректора Экман. За ней сгрудился весь педагогический коллектив. Люди вполголоса переговаривались. На лице ректора не было и тени улыбки.

Мод замешкалась на пороге, глядя на ректора и коллег.

– Доб... доброе утро, – неуверенно произнесла она.

Гудрун Экман кивнула ей и проговорила:

– Доброе, Мод. Но на самом деле ничего доброго в нем нет. Произошло нечто трагическое.

Мод несколько раз сглотнула, но ничего не сказала. Она захлопала ресницами и вопросительно взглянула на собравшихся.

Мадам ректор издала тяжкий вздох, а затем печально провозгласила:

– Вчера вечером с адъюнктом Рапп произошел несчастный случай. Все очень серьезно. Нет ясности, сможет ли она... оправиться.

Глаза мадам ректора заблестели, и она несколько раз тяжело сглотнула.

– Ооо... как это... ужасно, – слабым голосом выдавила Мод.

– Да, в самом деле. Сегодня занятия отменены. Ученики отпущены по домам. Педагогический коллектив сейчас должен собраться в актовом зале.

Ректор Экман развернулась, и тяжелым шагом направилась к массивным двойным дверям актового зала. За ней последовала толпа учителей. Мод шла позади всех.

– Что произошло? Она попала под машину? – шепотом спросила Мод у впереди идущей учительницы.

Не поворачивая головы, та коротко отозвалась:

– Нет. Кажется, ей на голову упала сосулька.

– Сосулька... какой ужас, – пробормотала Мод.

«Только это была не сосулька, а настоящая глыба льда», – подумала Мод.

Ни у кого не возникло сомнений, что это был именно несчастный случай. Наледь упала со школьной крыши, когда адъюнкт Рапп собиралась возвращаться домой. Кошмарное невезение. Когда около десяти часов вечера ее обнаружил горожанин, который вывел своего пса на прогулку, адъюнкт Рапп была без сознания и сильно обморожена.

У нее оказались повреждены несколько шейных позвонков, и обнаружено серьезное внутричерепное кровоотечение. Исход этой травмы был неясен, и ясность могла наступить лишь через несколько недель.

Несмотря ни на что, Язва выжила, но оказалась до конца жизни прикована к инвалидной коляске. Ее речь сильно пострадала, и она с трудом могла произнести несколько внятных слов. Ректор Экман говорила, что та упорно повторяла лишь одно: «сумка-сумка-сумка». Но никому так и не удалось понять, что же такое имела ввиду адъюнкт Рапп.

Мод вернули все часы французского, и английский она тоже сохранила за собой. Этого хватило для полной ставки. Мод проработала на женских курсах до самой пенсии.

Звон бутылочек на тележке бортпроводницы разбудил Мод. «Который час?» – сонно подумала она. За спиной она услышала приветливый голос стюардессы:

– Что вы желаете выпить?

Пара позади заказала по пиву. В бизнес-классе все напитки были бесплатны. Пассажиры за них все равно уже заплатили – стоимость своих билетов. Когда очередь дошла до Мод, она попросила бокал шампанского, маленькую бутылочку белого вина и коньяк к кофе. Из

предложенного меню она выбрала рыбное блюдо. В качестве гарнира – сыр и свежие фрукты. Она же должна как-то пережить этот долгий полет.

Покончив с едой, Мод сидела, держа под небом глоток коньяка. По телу растекалось приятное чувство легкости. Разум как будто слегка затуманился. Мод выпила последний глоток кофе, и втянула носом аромат остававшегося на доньшке бокала коньяка. Возможно, это был не самый лучший в мире коньяк, но далеко и не худший. Мод с удовольствием выпила последние капли. Теперь алкоголя достаточно. Стюардесса забрала у нее бокал и чашку. Мод подняла столик и откинула спинку кресла. Еще не пришло время для сна, но она чувствовала, что глаза слипаются.

Мод проснулась, вздрогнув всем телом. Нет! Это она не желает переживать заново. Нет и еще раз нет! Бесчисленные воспоминания теснились в ее голове, пытаясь вырваться на поверхность. Но среди них были такие, которым она не хотела позволять вновь увидеть свет. В особенности – то, которому Мод сейчас сказала «нет». Это не обсуждается!

– Все ли у вас в порядке?

Это та самая малолетка, которую нарядили в форму стюардессы. Она слегка склонилась над Мод, растянув губы в вежливой улыбке. В карих глазах девушки, однако, читалась озабоченность. «Я громко говорила во сне? Кричала? Или...» Мысли понеслись сквозь затуманенный разум Мод.

– Благодарю, все в порядке. Я... у меня был кошмар, – сказала Мод искусственно надтреснутым голосом.

– Я так и подумала. Принести вам стакан воды?

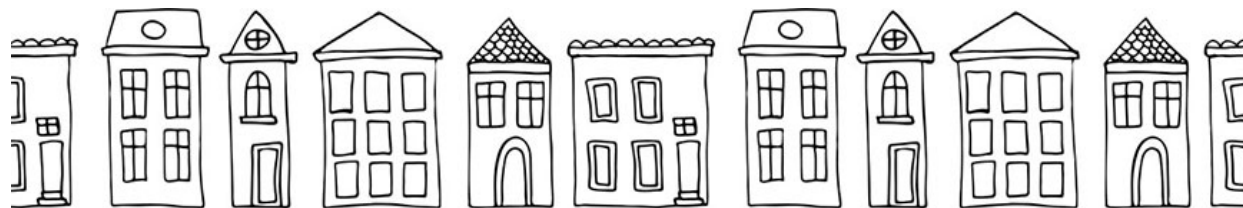
– Да, спасибо.

Молодая женщина ушла за водой. Мод отметила, как плавно она движется. На ее стройной фигуре идеально сидел красный костюм. «Я тоже так выглядела сорок-пятьдесят лет назад» – подумала Мод, и еле слышно вздохнула.

Потихоньку цедя водичку, Мод принялась смотреть фильм на своем экране. Он назывался «Мамма миа!», и действие происходило на греческих островах. Когда фильм закончился, Мод ощутила, что усталость снова берет свое. Она сделала несколько попыток взбодриться и сосредоточиться на чтении книги, которую захватила с

собой, но веки все время норовили сомкнуться. Что с ней творится? Она заболела? Или это малокровие?

Едва эта мысль промелькнула у Мод в голове, как она провалилась в сон.

Сестра

Осень. Дождь. Ветер. Тоска! А лучшего ждать не приходится. В конце ноября впереди могла быть только промозглая хмарь. В октябре все-таки случилось несколько сносных дней. Осенняя листва горела красно-желто-рыжим, с безоблачного неба сияло солнце, а воздух был кристально чист. В те дни осень была прекрасна. К несчастью, они пролетели очень быстро. Шла уже вторая неделя ноября, и теперь сырой ветер отовсюду гнал мертвые листья. Над Гетеборгом повисло набрякшее дождем небо, и в этой дымке очертания города словно размывались.

Мод шла домой через парк Вазапаркен. На часах было пять вечера, но уже сгустились сумерки. Меж стволов деревьев и фонарных столбов клубился туман. Таким вечером запросто можно повстречать Джека-Потрошителя. «Тем хуже для него», – угрюмо подумала Мод. Они с несколькими коллегами из школы еще в весеннем семестре прошли курс самообороны. А для пущей безопасности Мод держала в кармане пальто перцовый баллончик.

«Они хоть могут уехать», – подумала Мод, шумно вздыхая, и зарылась подбородком в шерстяной шарф. На это у Мод не было ни единого шанса. Осенний семестр неумолимо двигался к финишной прямой перед рождественскими каникулами. Каникулы – всего на две

недели, а затем начнется весенний семестр. Мод ждала его с радостью. Она любила свою работу, и с большей охотой проводила время там, нежели дома. Потому что именно дома ей приходилось тяжелее всего.

Вот уже тридцать два года Мод тащила на своих плечах бремя заботы о Шарлотте. В первые годы присматривать за сестрой ей помогала Хильда. Но когда двадцать семь лет назад она возвратилась в родной Вермланд, сестры остались вдвоем. С годами состояние Шарлотты ухудшилось, но она наотрез отказывалась от любых пансионатов. Даже короткое время не соглашалась там пожить. «Только представить себе – неделя свободы» – Мод сопровождала свою мысль очередным вздохом. «Или даже две недели. Уехать далеко. Думать только о себе. Воспользоваться знанием языков...» Мод ведь преподавала французский и английский. Ее произношение было безупречно, никто бы не поверил, что она никогда не выезжала за пределы Швеции. Самым большим желанием Мод была возможность путешествовать и увидеть мир. Но этого ей было не дано. По крайней мере, пока жива Шарлотта. Сестре был шестьдесят один год. За исключением психического нездоровья, в целом с ней все было в порядке. Разумеется, физически она была слаба, потому что никогда не выходила из дому.

Когда Шарлотта не спала, одурманенная сильными препаратами, то часами играла на фортепиано, или бродила по комнатам, словно неприкаянный дух. По ночам Мод запирала дверь в музыкальный салон, чтобы она сама и соседи имели возможность выспаться. Когда Шарлотта не имела возможности приблизиться к своему любимому инструменту, она впадала в уныние и начинала ходить во сне. «Вообще-то, сил у нее должно быть немало, учитывая все несчетные километры, которые Шарлотта наматывает по ночам» – кисло говорила себе Мод.

В последние годы Мод стала давать Шарлотте бóльшую дозу лекарства на ночь. Откровенно говоря, эти дозы значительно превышали рекомендованные докторами. Но лучше уж так, и для нее, и для сестры. Так Шарлотта могла проспать несколько часов подряд. Существовал серьезный риск, что она обо что-нибудь споткнется во время своих ночных скитаний в темноте. Полной темноты, конечно, не было – Мод обычно оставляла по одной зажженной лампе в каждой комнате. В то же время, нельзя было допустить, чтобы было слишком светло – иначе Шарлотта начинала беспокоиться. Так что вернее будет

сказать, что по ночам сестра Мод передвигалась по комнатам в полумраке. Мод не хотела даже думать о том, что будет, если сестра окажется в больнице со сломанной ногой или чем-то вроде этого. Она впадет в истерику! Слетит с катушек! «Уж точно еще сильнее, чем сейчас» – мысленно добавляла Мод.

Последние несколько лет сумятица в голове Шарлотты прогрессировала, и теперь она частенько терялась во время своих скитаний. Иногда Мод находила ее плачущей в какой-нибудь комнате – Шарлотта не понимала, где находится. Самое ужасное, что она все чаще забывала, где находится туалет. Надеть же на нее подгузник было невозможно – Шарлотта тут же его срывала. «Я тебе не младенец!» – визжала она, швыряя подгузник на пол. Все больше времени отнимали у Мод стирка одежды и постельного белья, которое приходилось менять практически ежедневно. Не говоря уж о том, с какой частотой приходилось драить полы. Вот поэтому-то Мод так дорожила своим рабочим, учительским временем.

Много лет назад она заперла несколько дверей в апартаментах, например – в папин салон, или в родительскую спальню. Вначале Шарлотта выходила из себя, но теперь даже не упоминала об этом. Вероятно, она вовсе забыла о существовании этих комнат. Как и о многом другом. Она жила словно в каком-то постоянно сжимавшемся пузыре. И заставляла Мод жить так же.

«Почему я так живу?» – этим вопросом все чаще задавалась Мод. Но ответ был ей известен и так.

С тех самых пор, как Мод сама была маленькой, у нее была миссия – помогать Шарлотте и оберегать ее. А еще Мод пообещала матери на ее смертном одре, что не бросит старшую сестру.

Истина заключалась в том, что практически всю свою жизнь Мод защищала сестру, которая была на одиннадцать лет ее старше, никогда не подвергая сомнению свою миссию. После смерти матери Шарлотта оставалась единственным родным для Мод человеческим существом.

«В этом году мне исполнилось пятьдесят, и теперь мне кажется, будто я отбываю пожизненный срок», – думала Мод. Почему эти мысли возникли у нее именно сейчас? Вероятно, как раз потому, что ей уже пятьдесят. Причем «уже» – это ключевое слово. Многое в жизни уже пролетело мимо Мод...

Не было никакого простого выхода из той непростой жизненной ситуации, в которой оказалась Мод. По крайней мере, его не видела Мод. Ей оставалось лишь терпеть. Но что произойдет в тот день, когда терпение Мод кончится? Мод не хотела даже додумывать эту мысль до конца.

У Мод внезапно засосало под ложечкой. Она вдруг со всей очевидностью поняла, что дома что-то случилось за время ее четырехчасового отсутствия, пока Шарлотта была предоставлена сама себе.

С тех пор, как уехала Хильда, Мод каждый день бежала домой в обеденный перерыв, чтобы накормить сестру и поесть самой. Шарлотта частенько еще спала, что было неудивительно после ее ночных бдений. После еды, однако, она оживала. В былые годы она всегда садилась за инструмент и музицировала несколько часов кряду, но в последнее время, возвращаясь по вечерам домой, Мод все реже слышала музыку. Теперь Мод никогда не знала наперед, что ждет ее дома.

Мод со страхом повернула ключ и открыла дверь.

В апартаментах царили тишина и полумрак.

– Шарлотта? Я дома, – крикнула Мод.

Никакого ответа.

Мод щелкнула выключателем в холле и поскорее сбросила верхнюю одежду и обувь. Потом она, на ходу включая верхний свет, почти галопом понеслась по комнатам.

Шарлотта нашлась в большой ванной. Стояла совершенно голая. На полу кучей валялась дурно пахнущая одежда.

– Как хорошо, что ты уже здесь. Сейчас мы ополоснем тебя под душем...

– Не хочу! – заверещала Шарлотта.

Она отскочила прочь от кучи грязной одежды и прислонилась к холодному кафелю. «Ну вот, теперь еще придется отмывать стену», – обреченно подумала Мод. Она шагнула вперед и крепко взяла сестру за тонкое запястье. Свободной рукой Шарлотта принялась колотить Мод. Фигуры этого танца они досконально изучили за несколько последних лет. Мод проворно ухватила Шарлотту за вторую руку. Крепко держа сестру за обе руки, она подтащила ее к ванне и заставила залезть внутрь. Точно как и во всех предыдущих случаях, в этот миг Шарлотта сдулась. Она заплакала, но больше не пыталась вырваться.

После купания Мод отвела Шарлотту в спальню и надела на нее чистую ночную сорочку и халат. Халат был из клетчатой шотландки, на подкладе из мягкой фланели. Это был зимний халат их матери, и Шарлотта его любила. Она успокаивалась, завернувшись в него. Возможно, она все еще ощущала запах матери. Или его мягкая тяжесть заставляла Шарлотту чувствовать себя в безопасности.

– Я сейчас займусь ужином, – сказала Мод.

Шарлотта, как обычно, не обратила на ее слова внимания. Со вздохом она скользнула в постель и повернулась на бок, лицом к стене. Хорошо бы она так полежала, пока Мод отмоет ванную и запихнет белье в машинку. Потом нужно будет всего лишь почистить картошку и нажарить котлет. Соус Мод моментом разведет из порошка – нужно всего лишь высыпать его из пакетика и добавить воды. Приготовление пищи не было коньком Мод. Но она должна была этим заниматься ради Шарлотты. Несмотря на то, что сестра ела не так уж много, она предпочитала употреблять только то, что считала вкусным. Сегодня вечером она точно съест парочку котлет. Капустный салат обычно оставался на тарелке Шарлотты нетронутым.

Когда Мод, стоя у себя в кухне, чистила картошку, она внезапно почувствовала сквозняк. Тянуло со стороны холла. Странно, разве она не заперла дверь? Нет, Мод всегда ее запирала. Это могло означать только одно. Мод бросила недочищенный корнеплод и картофелечистку в раковину, и выскочила в коридор. Там, глядя на развернувшуюся перед ней картину, Мод словно оцепенела.

Входная дверь стояла открытой нараспашку. Шарлотта в своем сумрачном состоянии ухитрилась отпереть дверь и выскользнула в тамбур, который был погружен во мрак. В слабом свете, исходящем из лифтового окошка, Мод различала худую фигуру Шарлотты. Перед лифтом была широкая площадка. От нее к уличной двери вела длинная мраморная лестница. Мод видела, как сестра беспокойно мечется по площадке возле лифта.

– Есть кто? – ее слабый голос эхом раскатился по этажам.

Постепенно Шарлотта подбиралась все ближе к краю площадки. Лестница утопала в полной темноте. Мод казалось, что сестру неумолимо затягивает в черный провал. Эта высокая крутая лестница... Оцепенение спало, и Мод бросилась к двери.

С этого момента воспоминания Мод теряют ясность. Она что-то закричала Шарлотте, когда та, шагнув на верхнюю ступеньку, закачалась. Или нет? Само собой, она вытянула руку, чтобы удержать сестру... Мод отчетливо помнит, как вцепилась в мягкую ткань. Но Шарлотта... просто исчезла в этой крошечной тьме.

Потом все смешалось. Скорая. Больница. Реанимационное отделение со всеми этими шлангами и пищущими аппаратами. Худая фигура сестры в широкой кровати. Серьезное сотрясение мозга с кровоизлияниями. Бинты, из-под которых не было видно лица. Через три недели Шарлотта скончалась, не приходя в сознание.

За те три недели, что Мод провела в больнице у изголовья сестры, у нее было достаточно времени для раздумий. Она избегала анализировать, что же на самом деле произошло на лестничной площадке. Теперь нужно было подумать о будущем. Все эти годы, что Мод обеспечивала их обеих, она откладывала пенсию Шарлотты по инвалидности на отдельный счет. Со временем там скопилась кругленькая сумма. Этого должно хватить на летний железнодорожный тур, и на все сопутствующие расходы. Мод теперь исколесит всю Европу вдоль и поперек. А на пасхальных каникулах она подарит себе путешествие в Париж. Но ей понадобятся еще деньги.

* * *

Мод разбудил храп пассажира, сидевшего через проход. Это был здоровый детина очень приличного веса, так что резонанс в его дыхательных путях возникал, мягко говоря, неслабый. Многие сидевшие поблизости, состроив забавные гримасы, сверлили его глазами. Бортпроводница догадалась, чем вызвано оживление в салоне, и заскользила по направлению к креслу храпуна. Она тактично разбудила его, спросив, не желает ли он чего-нибудь выпить. Обстоятельно прочистив горло, пассажир попросил бутылочку воды и порцию виски.

Когда тишина была восстановлена, Мод мысленно вернулась к воспоминанию, настигшему ее во сне. Это словно и не был сон, а именно воспоминание, в которое она погрузилась.

Нет, Мод не сталкивала Шарлотту с лестницы. Но и не удержала ее, не помешала ей упасть. Она стояла и наблюдала, как сестра исчезает в темноте. Так оно и произошло – Шарлотта исчезла.

Но что сделано, то сделано, и этого уже не изменить. Мысли Мод устремились дальше, к событиям, последовавшим за похоронами Шарлотты.

Неделю спустя Мод связалась со строительной фирмой. Две большие комнаты они переделали в четыре – под сдачу внаем, с общей кухней и ванной. Что касается ванной комнаты, то она уже была в наличии – та, которой раньше пользовались горничные. Она примыкала к небольшой каморке, где они раньше спали.

В последующие годы доход от сдачи комнат позволил Мод объездить весь мир – во время каникул. Выйдя на пенсию, она прекратила сдавать жилье. За годы она скопила достаточно средств. Помимо этого, она продала несколько картин, за которые смогла выручить очень хорошую сумму.

Неприятное чувство, вызванное неудобными воспоминаниями, потихоньку улеглось. Для Мод все складывалось удачно. Продажа серебряной коллекции и прочего содержимого отцовского салона сделала Мод миллионершей. Она вновь откинулась на спинку кресла и опустила веки.

Салон... оскверненный и запятнанный. Кровь на полу.

Образ лежащего в луже крови человека проплыл перед ее закрытыми глазами, заставив Мод снова их распахнуть. В тот же миг голос пилота по громкой связи попросил пассажиров пристегнуть ремни безопасности, закрыть столики и приготовиться к посадке в международном аэропорту Дубая.

В аэропорту Дубая нужно было переждать почти три часа до посадки на рейс в Йоханнесбург. Мод провела это время в ресторане, где отведала вкусной чечевичной похлебки. Подача тоже была на высоте. Потом Мод заказала чашечку крепкой арабики – та оказалась не больше наперстка. На десерт, в дополнение к кофе, Мод попросила принести блюдо с маленькими выпечными изделиями. Они все были липкими от меда и сахара, за исключением одного. Оно лежало, упакованное в блестящую пленку с наклейкой «имбирное печенье». Традиционное имбирное печенье. Реверанс в сторону Рождества в христианских странах? Вряд ли, только не в такой ортодоксально

исламской стране. Или это потому, что зарубежные гости всегда высоко ценили арабские сладости? У Мод не было ответа, да ей, в общем-то, было все равно. Имбирное печенье оказалось вкусным.

Когда Мод разорвала упаковку, в ноздри ей ударил хорошо знакомый аромат. С силой потянув носом воздух, Мод ощутила смесь ароматов корицы, имбиря, пряной гвоздики.

Традиционные запахи Рождества... Мод погрузилась в очередное воспоминание. Довольно свежее, в принципе. Пятнадцать... нет, четырнадцать лет назад. Определенно, в этом путешествии ее мозг решил очиститься от некоторых спрятанных под спудом мыслей и воспоминаний. Но это было не такое уж и ужасное. Неприятное, разумеется, спору нет, но Мод не возражала против него.

Нужно было действовать. Некоторые проблемы можно решить лишь одним способом. И он может оказаться довольно радикальным. И всего-то.

Синдром Питера Пэна

Годы шли, и Мод продолжала общение со швеей Эльзой Петрен. Не то чтобы они были лучшими подругами, скорее, это было нечто ненавязчивое и приятельское. Эльза всегда оказывала посильную помощь, когда Мод нужно было починить или перешить что-то из одежды. Периодически Мод даже заказывала ей пошив совершенно новых вещей. Мод всегда оставалась довольна ее работой. Иногда они вместе пили кофе и болтали. Поначалу подобный досуг для Мод был в диковинку, если не сказать – некомфортен, но с годами она стала ценить эти небольшие кофейные посиделки. Они случались не так уж часто, так что Мод не чувствовала себя стесненной. Обе женщины чувствовали некую общность из-за своего одиночества и отсутствия широкого круга общения.

В последний военный год Эльза овдовела – муж ее скончался от рака желудка. Сынишке Юханнесу был всего годик. После смерти супруга Эльзе удалось снять небольшую двухкомнатную квартиру со спальней, расположенную на четвертом этаже в том же подъезде, где жила Мод. Чтобы обеспечивать себя и малыша, одну комнату Эльза выделила под швейное ателье, и стала принимать клиентов на дому. Она больше не вышла замуж, и Мод никогда в последующие годы не слышала, чтобы Эльза встречалась с каким-нибудь мужчиной. Все свое время Эльза посвящала работе и малышу Юханнесу. Среди дам Вазастана она завоевала хорошую репутацию, и недостатка в клиентах у Эльзы не было. Доход ее был стабильным, на здоровье Эльза не жаловалась. Мод восхищалась ее хваткой, но вот к сыну Эльзы она не испытывала никаких теплых чувств.

Когда он еще ковылял по дому в подгузниках, Эльза целовала его слюнявое личико и с ласковой улыбкой меняла ему вонючие штаны. Мальчишка, желая привлечь внимание, или положить в рот что-то вкусненькое, частенько начинал вопить. «Маленький толстяк – нэцке», «маленькая вонючая хлебoreзка» – такими эпитетами мысленно награждала мальчишку Мод, поживаясь от неприязни. Разумеется, ничего из этого Эльзе она не озвучивала.

В детстве Юханнес так и продолжал требовать к себе повышенного внимания. Если он не получал желаемого, то мог вопить

часами. Чтобы заставить его замолчать, Эльза пихала ему сладости и печенки. «Избалованный жирдяй», – думала Мод.

В школе все не особенно улучшилось. Он был ленив, но ухитрялся получать удовлетворительные оценки по большинству предметов. Лишь по труду, музыке и рисованию Юханнеса не аттестовали, – сообщала Эльза. «Это не такие уж важные предметы», – обычно добавляла она. Само собой, она переживала, но весьма посредственные результаты сына оправдывала тем, что тому не хватало отца. Вряд ли это было причиной, думала Мод – мальчишка ведь даже не помнит своего отца. Пришло время ставить перед ним какие-то условия, чтобы он немного взял себя в руки. Этого, разумеется, Мод тоже не произносила вслух.

Юханнес всеми силами пытался избежать конфирмации, но здесь раз в жизни Эльза проявила несгибаемую твердость. Все одноклассники Юханнеса собирались пройти обряд на Троицу, и мать не позволила ему остаться в стороне.

Однажды днем Мод стояла в ателье у Эльзы перед огромным зеркалом в человеческий рост. Она принесла Эльзе платье, которое хотела укоротить и ушить в талии. В зеркале Мод увидела, как открылась входная дверь, и в квартиру проскользнул Юханнес. Он воровато заглянул в комнату, где его мама сосредоточенно подкалывала иголками подол платья. Мод успела уловить в его взгляде хищный отблеск. Юханнес молниеносно цапнул стоявшую на столике в прихожей сумочку матери и выхватил оттуда бумажник. Из бумажника Юханнес вытащил купюру, которую затем свернул и спрятал в карман куртки.

– Привет, мам! Я пошел к Крилле. Мы собираемся в церковь, – крикнул он.

Прежде, чем Мод успела вымолвить хоть слово, за Юханнесом уже со стуком захлопнулась дверь.

– Этот мальчик всегда куда-то торопится, – с нежной улыбкой проворковала Эльза.

Да уж, маленький толстый воришка раз в жизни оказался проворен. Мод ничего не стала говорить Эльзе об увиденном. Та бы попросту ей не поверила. Скорее, обиделась бы на Мод. Уж лучше помалкивать.

Юханнес вырос, и со стонами ухитрился поступить в университет. Военную обязанность он отбыл в нестроевом подразделении, которое занималось архивно-регистрационной работой, что подходило Юханнесу как нельзя лучше. «Ползать по глине и выполнять приказы – совсем не мой конек» – пояснял он. Демобилизовавшись, он сдал экзамены и был принят в Гетеборгский университет, где стал изучать историю. В следующем семестре Юханнес сменил профиль на обществознание. Через год опять сменил направление. Вскоре Мод перестала интересоваться, чем в данный момент занимался Юханнес.

– Юханнес никак не может решить, чему отдать предпочтение. Его интересы так обширны! – говаривала Эльза, объясняя его сомнения.

«Этот негодник не интересуется ничем, помимо собственной персоны» – думала Мод, неосознанно поджимая губы.

Снаружи Юханнес выглядел привлекательным молодым человеком. Эльза вечно повторяла, что он очень похож на отца. Юханнес был симпатичным – у него были густые каштановые волосы и ярко голубые глаза. Разумеется, лишней вес никуда не делся, но благодаря его высокому росту на эту деталь никто не обращал внимания. Проучившись в университете восемь семестров, Юханнес уже должен был иметь возможность найти себе приличную работу. Проблема заключалась в том, что ни один курс он не прослушал до конца, и в принципе был не особенно заинтересован в поиске работы. Во время учебы он посвящал львиную долю времени работе в студенческом объединении. Когда Эльза выразила беспокойство – не повредит ли эта деятельность его учебе, сын успокоил ее заверениями в том, что в будущем наличие такого опыта лишь улучшит его резюме. Это ведь ответственная работа, – пояснял он. Мод подозревала, что ответственная работа заключалась в просиживании штанов в пабе при кампусе. Но мама Юханнеса позволила ему себя успокоить, ведь она верила своему любимому чаду. Мод, напротив, уже тогда имела на его счет серьезные сомнения...

Все это происходило в середине шестидесятых, когда по миру как раз прокатилась волна студенческих протестов, и в политике настала эпоха радикализации. Юханнес же про политику и слышать ничего не хотел. Все, чего он желал – это тусоваться и проводить время с приятелями. В середине третьего семестра он снял однокомнатную квартиру в доме под снос в Хаге, с удобствами во дворе. Эльза пришла

в ужас, и умоляла остаться жить у нее. Ведь здесь он мог жить бесплатно, и получал еду, имел доступ к ванной и прочим благам. Эльза напомнила сыну и о его аллергиях: на пыльцу, кошек, орехи и миндаль. У Эльзы никогда не бывало аллергических реакций, и она считала, что эту особенность Юханнес унаследовал от отца. Дважды ему приходилось вызывать скорую, когда он по ошибке съедал что-то, содержащее миндаль. Однако Юханнес наотрез отказался менять свои планы. «Мне необходимо освободиться, чтобы взять ответственность за собственную жизнь», – заявлял он.

Через несколько лет Юханнес переехал в двушку на Свеагатан. Эльза сияла – ведь теперь у сыночка была вода в кранах, ванная и туалет под крышей дома, и тепло в батареях. Арендная плата, разумеется, стала выше, но Юханнес, кажется, не испытывал по этому поводу особых проблем. Однако уже через год Юханнесу пришлось съехать. Эльза жаловалась, что это из-за грядущего капитального ремонта – во время работ квартира станет непригодна для проживания. Мод, однако, прочла в газете о некоем молодом человеке, которого выселили из квартиры в районе Линнестаден, после неоднократных жалоб соседей на нескончаемый поток посетителей в его квартиру. Помимо этого, он устраивал шумные вечеринки, иногда по несколько дней подряд. Полиция установила за ним наблюдение, и в результате он был задержан на месте преступления, когда продавал гашиш четырнадцатилетним подросткам.

После этого Юханнес не появлялся у Эльзы около полугода, однако она ни разу и словом не обмолвилась о его странном отсутствии. Мод, впрочем, была уверена, что знает, где все это время находился Юханнес, и ощущала по этому поводу удовлетворение. Несколько месяцев в камере, возможно, заставят его вырасти и стать взрослым, – думала она. Этот синдром Питера Пэна – нежелание взрослеть и брать на себя ответственность – давно перестал быть умильным.

Становилось все яснее, что у Юханнеса были проблемы. Он долгое время мог болтаться без работы, но, несмотря на это, сорил деньгами. Он разъезжал на красивой красной спортивной машине – Порше. Если ему и удавалось найти работу, обычно он не мог продержаться на новом месте хоть сколько-нибудь долго. Проблема всегда заключалась или в месте, или в начальнике, или в коллегах, или в собственно работе, но только не в Юханнесе.

Летели годы, а сын все так же продолжал являться к матери на обед несколько раз в неделю. Очевидно, он совершенно не стремился научиться готовить себе самому. Эльза же считала, что такая возможность заботиться о сыне – это очень мило. Мод думала, что такое поведение странно, учитывая его предыдущие заявления о стремлении к самостоятельности. Но Мод помалкивала, потому что во всем, что касалось сына, Эльза была удивительно слепа. В глазах своей матери Юханнес был восьмым чудом света.

Когда Юханнесу стукнуло сорок, он объявил матери, что купил кооперативную квартиру на Тегнерсгатан. Это была одна из самых престижных улиц в центре города. Эльза, как всегда, аплодировала идеям сына. Мод, по своему обыкновению, была полна критики – такая квартира явно стоила недешево. Да еще и коммунальные расходы точно были высоки, в таком-то месте. Откуда у Юханнеса деньги? Со стороны, впрочем, создавалось впечатление, что дела у него шли прекрасно. Женщины в его жизни появлялись и исчезали – так он успокаивал мать, когда та интересовалась, не встретил ли еще сын достойную девушку. Эльза так никогда и не познакомилась ни с одной из тех, кто «появлялся и исчезал». «Очевидно, там страшная текучка кадров», – думала Мод. В то же время, она не была полностью уверена, что эти женщины вообще существовали. Когда к сорока пяти годам Юханнес так и не остепенился, Эльза все же стала задаваться вопросом, увидит ли она когда-нибудь внуков.

Шли годы, а Юханнес продолжал жить в присущем себе стиле. К середине девяностых разгульный образ жизни серьезно отразился на его внешности. Тело его расплылось, а прежде такие густые волосы на затылке сильно поредели. Голубые глаза потускнели, и теперь Юханнесу не всегда удавалось поддерживать преуспевающий вид. «Этот парнишка жег свечу с обоих концов», – думала Мод, фыркая себе под нос.

Скоро стало очевидно, насколько интенсивным было это пламя.

На следующий день после праздника Святой Люсии – четырнадцатого декабря – Эльзе стукнуло восемьдесят. Они с Мод не имели привычки отмечать какие-либо даты, но когда несколько месяцев назад Мод исполнилось семьдесят пять, Эльза угостила ее тортом, поэтому сейчас Мод решила не ударить в грязь лицом. К одиннадцатичасовому кофе Мод неспешно поднялась на лифте на

четвертый этаж. Держа в одной руке коробочку с тортом, она нажала на дверной звонок. Не услышав за дверью никаких звуков, Мод нажала на кнопку еще раз. Ничего не происходило. Когда Мод уже решила спускаться обратно к себе, за закрытой дверью послышались шаркающие шаги. Эти шаги сильно отличались от обычной Эльзиной походки – для своего возраста та передвигалась довольно легко. Дверь слегка приоткрылась, и через щелку Мод смогла разглядеть заплаканное лицо Эльзы. «Почему она расстроена? Это же день ее рождения. И я принесла торт» – пронеслось в голове у Мод.

– Поздравляю с днем рождения, – подчеркнуто бодрым голосом проговорила Мод.

Не услышав ответа и не видя даже намека на то, что дверь откроется шире, Мод добавила:

– Я принесла торт. Если я не вовремя, могу вернуться позже.

Эльза в замешательстве открыла дверь, одновременно начав всхлипывать. Это было неловко – любое выражение сильных эмоций заставляло Мод чувствовать себя не в своей тарелке, однако она взяла себя в руки и шагнула в прихожую.

В одиннадцать часов утра в свой восьмидесятый день рождения обычно так хорошо одетая Эльза стояла перед Мод в сильно поношенном халате и стоптанных лохматых меховых тапочках, на которых кое-где виднелись проплешины. Руки ее безвольно висели вдоль туловища, а губы дрожали. Она выглядела совершенно раздавленной. «Должно быть, с этим чертовым Юханнесом что-то произошло» – решила Мод. Она совершенно не была уверена, что сможет изобрести для Эльзы сколько-нибудь убедительные утешения, в случае если говнюк снова оказался за решеткой.

Тем не менее, Мод отважно принялась прощупывать почву:

– Что-то случилось?

«Сверхидиотский вопрос» – пронеслось у нее в голове. За те пятьдесят три года, что они были знакомы, никогда прежде Мод не видела ни слезинки в глазах Эльзы.

Эльза ничего не ответила, но жестом пригласила Мод пройти в кухню. Мод последовала за хозяйкой, неся в руке коробочку с тортом. Мод нравилась Эльзина кухня. Она была вполовину меньше ее собственной, но при этом – светлее. На подоконнике высокого окна выстроились в ряд горшки с ухоженной геранью, среди которых стоял

электрический адвент-канделябр. Прямо перед окном был большой обеденный стол, который Эльза застелила красивой вышитой скатертью. В маленьком горшочке посреди стола красовалась рождественская композиция – белый гиацинт и два маленьких красных тюльпана, высаженные в зеленый мох.

В основном, чтобы прервать молчание, Мод проговорила, указывая на композицию:

– Гиацинты создают настоящее рождественское настроение. Я имею ввиду аромат.

Эльза кивнула.

– Это мне... Юханнес подарил, – еле слышно отозвалась она.

Теперь Мод обратила внимание на открытку, прислоненную к горшочку. *Сердечно поздравляю милую мамочку с восьмидесятилетием! Юханнес* — гласила практически нечитаемая подпись.

Так значит, сынок ее уже поздравил. Вручил своей восьмидесятилетней маме маленькую (ключевое слово – маленькую) рождественскую композицию.

– Он уже успел тебя поздравить?

– Да. Вчера. Он еще придет. В воскресенье, – почти беззвучно прошептала Эльза.

«Она поэтому так расстроена? Потому что единственный сын не пожелал отметить с ней ее день рождения? Но она ведь к такому давно привыкла», – рассуждала про себя Мод. «Засранец никогда с ней не считался. Но сейчас она просто уничтожена. Неужто чертов Юханнес заболел? Или даже при смерти?»

С громким всхлипом Эльза тяжело опустилась на стул. Мод отставила коробку с тортом на мойку, и присела на стул напротив.

– Эльза, что тебя так сильно расстроило? – спросила она прямо.

Тут дамбу прорвало. Слезы покатались по щекам Эльзы, и она, всхлипывая, заговорила:

– Мне... мне придется... съехать!

На мгновение Мод остолбенела. «О чем это она? С чего вдруг, прожив пятьдесят три года в одной квартире, она собралась съезжать? У нее ведь нет деменции или инвалидности. А если вдруг откажут ноги, поможет лифт». Но вслух Мод только спросила:

– Почему?

Эльза только покачала головой, продолжая громко всхлипывать.

– Я поставлю кофе. Сегодня твой день рождения, и будет обидно, если торт останется несъеденным, – заявила Мод.

Она уверенно поднялась и направилась к мойке, где стоял торт. Но прежде, чем открыть коробку, внезапно задумалась.

– Ты завтракала? – спросила Мод.

Эльза снова покачала головой.

– Тогда я сделаю тебе бутерброд.

Мод принялась вытаскивать из холодильника масло, сыр и колбасу, а потом заправила кофемолку и включила ее. Когда по кухне поплыл аромат свежесмолотого кофе, Эльза как будто немного расслабилась. Из кармана халата она выудила платок и звучно высморкалась. Мод расставила на столе чашки и блюда, а потом занялась бутербродом. На хлеб она положила изрядный кусок ливерной колбасы, украсив ломтиком маринованного огурца и паприкой. Потом она распаковала свой маленький шоколадный тортик, водрузила его на блюдо и поставила в центр стола.

– Ну вот, как-то так. Сердечно поздравляю с днем рождения, – сказала Мод.

Эльза промокнула глаза платком и прошептала:

– Спасибо... спасибо тебе, дорогая.

Так больше продолжаться не могло. Эльза должна была взять себя в руки. Мод включила свой вежливый-но-твердый учительский тон и заявила:

– Тебе нужно привести себя в порядок. Это все-таки день твоего рождения. Сюда могут прийти и другие гости, чтобы тебя поздравить.

Сгорбленная фигура на стуле снова лишь покачала головой:

– Никто не придет... – пробормотала она.

Эльза замолчала и подняла голову. Потом на ее лице появилось решительное выражение, и она поднялась на ноги.

– Мод, я должна тебе все рассказать, как есть. Только пойду сначала переоденусь. И принесу бутылочку, у меня одна припрятана.

Уже не такой шаркающей походкой Эльза отправилась в сторону ванной. Оттуда довольно продолжительное время был слышен плеск воды. Когда дверь в ванную открылась, Мод отметила, что Эльза освежилась и причесала волосы. Потом она отправилась к себе в спальню, и еще какое-то время шуршала в своих шкафах.

Когда Эльза вновь появилась в кухне, на ней оказалось красное трикотажное платье, которого Мод никогда раньше не видела. Оно очень шло Эльзе. Стоптаные тапки из овчины уступили место черным лодочкам. На шее Эльзы красовалось прекрасное жемчужное ожерелье. Когда она подошла ближе, Мод ощутила аромат лавандового мыла и ненавязчивый парфюм. «Вот это преображение», – про себя удовлетворенно отметила Мод.

– Красивое платье. Очень тебе идет, – произнесла она.

– Благодарю.

В руках у Эльзы была бутылка портвейна. Она подошла к одному из кухонных шкафчиков и достала два небольших точеных бокала из хрусталя.

– Нам это пригодится, – пояснила Эльза, водружая бутылку и бокалы на стол.

Мод налила кофе, а Эльза наполнила бокалы портвейном. До самых краев. А ведь еще не пробил полдень! «Выглядит многообещающе», – подумала Мод.

Они взяли по кусочку торта. Эльза принялась было откусывать маленькие кусочки по краям бутерброда, но потом отложила его на тарелку. Вместо бутерброда она занялась тортом. Съев несколько кусочков, она проговорила:

– Выпьем. Только не понарошку. Мне, по крайней мере, это необходимо.

Эльза сделала попытку улыбнуться, но то, что получилось, было больше похоже на гримасу.

– Твое здоровье, – сказала Мод.

Мод сделала изрядный глоток, как того и хотела Эльза. Вино было сладким и крепким. В принципе, хорошо сочеталось с тортом.

К Эльзе начал возвращаться нормальный цвет лица. Она снова подняла бокал. Когда Эльза поставила его обратно на стол, бокал был уже пуст. Эльза тотчас же наполнила его снова. Казалось, силы к ней возвращаются. Мод решила, что настало время выяснить, что же в самом деле произошло.

Но еще прежде, чем Мод успела что-то сказать, Эльза глубоко вздохнула и сказала:

– Дело в Юханнесе.

«В этом не было никаких сомнений», – подумала Мод, но вслух ничего говорить не стала.

– У него... есть проблема.

Этот факт также не стал для Мод новостью.

– Как тебе прекрасно известно, он самый прекрасный и добрый мальчик в мире. И вокруг него всегда было множество друзей. В особенности – тех, с кем он общался еще с университетской скамьи. Тотте... Торстен фон Панцарклинга... известное семейство. Богатое. Хороший мальчик, только... Юханнес всегда находился под его влиянием, а вписаться в его образ жизни мог не всегда. Юханнес пытался. Он так стремился повторять все за своим лучшим другом. Ты ведь помнишь, в старшей школе Юханнеса дразнили. Из-за всех своих аллергий и астмы он немного стеснялся. Астма не позволяла ему заниматься спортом и посещать уроки физкультуры. А при таких условиях легко стать изгоем. Вот потому-то дружба с Тотте всегда так много значила для Юханнеса. Они с Тотте находили себе множество интересных занятий, хоть Юханнес не всегда мог их себе позволить. Это ведь мальчишки... Только теперь все это в прошлом. Юханнес задолжал...

Поток слов, который до сей поры изливался, подобно водопаду, внезапно прервался, Эльза притихла и крепко вцепилась в свой бокал с портвейном, а потом единым глотком ополовинила его. Мод вежливо отпила маленький глоточек. Что-то подсказывало ей, что лучше сохранить голову ясной, потому что речь сейчас может зайти о серьезных вещах. Исходя из собственного жизненного опыта Мод знала, что деньги и долги – это всегда серьезные проблемы. Но тем или иным способом любую проблему можно разрешить. Эльза сказала «это ведь мальчишки». Только вот обоим мальчишкам – Тотте с Юханнесом – уже стукнуло по пятьдесят пять. Как же жалко это звучит!

Эльза с такой силой опустила бокал на стол, что Мод испугалась, не отвалится ли ножка. Однако бокал устоял, хотя немного портвейна все же выплеснулось на вышитую скатерть. Эльза, кажется, совершенно не обратила на эту деталь внимания. Она пристально посмотрела в глаза Мод.

– В общем, Юханнес задолжал определенную сумму... очень большую! Ему негде взять такие деньги, чтобы вернуть.

В этот момент с таким трудом возвращенное самообладание покинуло Эльзу, и из ее глаз вновь брызнули слезы. Подавив вздох, Мод поднялась на ноги и принесла подруге большой кусок мягкого бумажного полотенца. Она забыла положить на стол салфетки. Но полотенца сейчас тоже были кстати. Мод без слов вручила кусок бумаги Эльзе, и та пробормотала в ответ какие-то слова благодарности.

– Если я правильно тебя поняла, Юханнес влез в долги, с которыми не может расплатиться. Но я не могу понять, почему из-за его долгов переезжать должна ты? – задумчиво проговорила Мод.

Хорошенько продув нос, Эльза подняла на подругу свои опухшие от слез глаза.

– Крайний срок оплаты – канун нового года, – всхлипнула Эльза.

Это означало, что времени в запасе было всего около трех недель.

Насколько знала Мод, даже если Эльзе удастся продать квартиру до Нового Года, все равно потребуется дополнительное время на регистрацию сделки. В лучшем случае Эльза увидит деньги только к середине января. А возможно, и даже более вероятно, что ждать придется до конца месяца.

Получить деньги до Нового Года представлялось Мод совершенно невыполнимой задачей.

– Но ведь у Юханнеса есть собственная квартира на Тегнерсгатан. Это же его долги – разве не логично было бы ему продать собственное жилье? Почему ты должна пожертвовать своим? – возразила Мод.

Эльза долго сидела молча, уставившись в свой опустевший бокал. Дрожащей рукой она потянулась к бутылке и заново наполнила бокал Мод и свой собственный. Потом без лишних церемоний она одним махом его осушила. Вероятно, часть выпитого попала не в то горло, потому что Эльза тут же закашлялась. Со вздохом смирения Мод вновь поднялась на ноги, похлопала Эльзу по спине, а потом пошла за очередным куском бумаги.

Когда Эльза перестала кашлять и успокоилась, она сделала глубокий вдох и, избегая смотреть в глаза Мод, продолжила:

– Свою квартиру Юханнес продал еще в прошлом году. Теперь он снимает жилье в субаренду в Крукслетте. На Крукслеттской аллее.

Для Мод это оказалось новостью. Некоторое время она сидела молча, переваривая новые сведения о Юханнесе и его подвигах.

Неясная мысль уже начала оформляться у нее в голове, но Мод не успела ее додумать, потому что Эльза вновь заговорила:

– Это маленькая уютная квартирка. Хотя в ней только две небольшие комнаты. Строго говоря, это скорее студия с альковым...

– Крукслеттская аллея очень длинная. Какой номер дома? – поинтересовалась Мод.

– Шестнадцатый. Второй этаж. Тихое место.

Теперь Мод выяснила новый адрес Юханнеса. Эта информация может оказаться очень кстати, применительно к той мысли, которая возникла в голове Мод. Она додумает ее позже, в одиночестве. И Мод вернула разговор к обсуждению проданной квартиры.

– Тогда у него должны быть деньги на руках?

– Нет, у него не осталось ни единого эре, – с тяжким вздохом отозвалась Эльза.

В уютной кухне повисло тягостное молчание. Эльза продолжала избегать взгляда Мод, уставившись на свой вновь опустевший бокал.

Настало время задать вопрос, который требовал ответа.

– Куда же Юханнес дел все деньги?

Какое-то время помолчав, Эльза выдохнула:

– Проиграл... Он играет.

Так как речь шла о совершенно бесталанном Юханнесе, Мод поняла, что играет он не на музыкальном инструменте.

– Покер? Скачки? – спросила Мод.

– Все! – простонала Эльза.

Теперь, когда она схватилась за бутылку, чтобы подлить вина, невооруженным глазом было заметно, как сильно дрожали ее руки. На скатерти образовалось еще несколько темно-красных пятен. Мод еще не притронулась к своему бокалу с тех пор, как Эльза в предыдущий раз его наполнила, Эльзин же бокал вновь оказался пустым. Она снова влила в себя практически все содержимое бокала, а потом блестящими от слез глазами поглядела на Мод.

– Он играет везде. В сетевых казино и в настоящих... в казино Космополь, в рулетку в ночных клубах... А еще он играет на тотализаторе и покупает лотерейные билеты. Тысячи крон каждую неделю. Иногда сотни тысяч. Делает ставки на скачках. Играет в покер. Порой выигрывает, но в последние годы его везде преследуют неудачи. Юханнес взял большой кредит... под немислимый процент.

Об этом Мод и понятия не имела. Во время кофейных посиделок Эльза не делилась с ней такими вещами. Эти посиделки, конечно, случались всего пару раз в году, но тем не менее... Мод оборвала поток собственных мыслей. С чего бы это Эльзе ей такое рассказывать? Конечно, она хотела защитить своего сына. У самой Мод имелось немало тайн, которыми она не стала бы делиться ни с единой живой душой.

– Сколько? – спросила Мод.

– Сколько? – переспросила Эльза, а потом, немного помолчав, почти что выплюнула:

– Один миллион шестьсот пятьдесят тысяч крон!

Ситуация оказалась хуже, чем могла предположить Мод. Эльзе не собрать такую сумму, даже продав квартиру. Несколько лет назад все жилые помещения в доме были переоформлены, и теперь являлись кооперативными квартирами. Разумеется, кроме апартаментов Мод. Она была в курсе цен за квадратный метр жилья, и быстро вычислила, что Эльзину квартиру можно было продать примерно за миллион. Несмотря на то, что в последнее время цены на такое жилье в центре города подскочили, сегодняшняя ее стоимость никак не могла превышать миллион триста тысяч. Из этой суммы следовало еще вычесть возможные долги, подоходный налог и вознаграждение риэлтора. Очевидно, что оставшихся средств не хватит для покрытия долгов Юханнеса. Но Эльза, казалось, этого не осознавала – ибо следующий ее вопрос заставил Мод оцепенеть.

– Когда я продам квартиру... ты согласишься сдать мне комнатку? Ты ведь раньше сдавала жилье... вот я и подумала...

Глядя на Эльзу, Мод пришла в себя. Она что, всерьез? Последний жилец съехал десять лет назад. И это был настоящий праздник! Свобода быть собой, не обращая внимания на кого-то другого. Никогда в жизни Мод больше не позволит кому-то въехать к ней на жительство!

– Само собой, – словно со стороны услышала Мод собственный ответ.

«Что же это такое? Приди в себя, Мод!» – мысленно воззвала она к себе. Мод сообразила, что ей нужно выиграть время.

Она выпрямила спину и, стараясь, чтобы голос звучал максимально обнадеживающе, заговорила:

– Я постараюсь разыскать сына лучшего друга моего отца. Он на несколько лет младше меня – ему сейчас, должно быть, около семидесяти – но все еще работает. Он связан с банковской и финансовой сферой, и точно сможет помочь вам с Юханнесом получить заем на хороших условиях.

Зрачки Эльзы расширились от удивления.

– О, я и не знала, что у тебя есть знакомый финансист, – сказала она.

– Да чего уж там... Мы много лет не виделись. Он еще в пятидесятых уехал в Стокгольм, обзавелся там семьей... в общем, сама знаешь, как оно бывает.

– Да, люди отдаляются.

Эльза выглядела чуть менее несчастной. Однако ее следующий вопрос застал Мод врасплох:

– Как его зовут?

Черт побери! Как его могут звать? В голове всплыло имя.

– Густав Адельше, – отозвалась Мод.

– Звучит знакомо...

На это Мод совершенно не рассчитывала. Имя принадлежало молодому лейтенанту, с которым она была помолвлена целых несколько месяцев, когда ей исполнилось восемнадцать. Эльза могла слышать что-то об этом семействе. Несколько оставшихся потомков проживали в Гетеборге и в Вермланде, так что совсем исключать такую возможность было бы неправильно.

– Это одна из богатейших семей Швеции, так что вовсе не странно, если ты читала о них в газетах, – поспешно отозвалась Мод.

– Да, так оно и есть, наверное, – согласилась Эльза, выливая в рот остатки вина.

Закрыв за собой дверь в апартамент, Мод направилась напрямик в свою гостиную, которая по совместительству являлась и кинозалом – там стоял телевизор. С тяжким вздохом она опустилась в свое любимое кресло. Теперь Мод предстояло решить очередную Проблему. Никакой Густав Адельше не придет на помощь, это уж точно. Должен быть какой-то другой способ.

В сгущающихся декабрьских сумерках Мод продолжала неподвижно сидеть в своем кресле. Ровно в три часа пополудни на подоконнике зажегся электрический рождественский канделябр. Мод

встрепенулась, лишь услышав сигнал таймера. Она уже примерно представляла себе, как можно решить Проблему по имени Юханнес. «Человек, который не желает взрослеть и брать на себя ответственность за собственную жизнь и поступки» – подумала Мод, раздраженно поморщившись.

В интернете Мод разыскала нужную информацию о доме номер шестнадцать по Крукслетской Аллее. Оказалось, что домом владеет жилищный кооператив Крукен, который входит в состав ОФЖК^[5].

Мод решительно поднялась на ноги и отправилась в кухню.

На маленькой угловой полке все еще стояли кулинарные книги, которые принадлежали матери. Хильда тоже оставила там небольшую книжечку, в которую записывала свои лучшие рецепты. Мод аккуратно перелистала пожелтевшие странички. На каждой из них Хильдиным округлым и немного детским почерком был записан рецепт. За эти годы Мод многими из них успела воспользоваться. Книжка стала лучшим подарком, какой Мод когда-либо получала. Однажды, прекрасным майским днем, навсегда покидая Гетеборг, Хильда вручила ее Мод. Хильда уезжала обратно, в ту деревушку в северной части Вермланда, где она выросла. Там она собиралась готовиться к назначенной на Мидсоммар свадьбе с местным священником.

Подумать только, ведь это было больше пятидесяти лет назад! В самом деле, чем старше человек – тем быстрее бежит время. Но сейчас у Мод не было возможности предаваться воспоминаниям. Сейчас нужно было действовать! Мод быстро нашла нужный рецепт. Вот он! Хильдино *Пряное имбирное печенье*.

Ингредиентов должно было хватить примерно на 150 печений, но так много Мод печь не собиралась. У Мод не было намерения сразу замешивать тесто, она просто хотела выяснить пропорции определенных ингредиентов:

столовая ложка гвоздики, столовая ложка корицы, полторы столовых ложки молотого имбиря и 12 децилитров пшеничной муки.

Проверив наличие специй на полочке, Мод выписала на листочек «молотый имбирь», а снизу сделала приписку: «один пакет готового теста для имбирного печенья», а потом еще одну: «миндальная мука».

Улица Хага Вестергата сияла от иллюминации. Множество гуляющих людей заглядывались в окна местных магазинчиков: рождественская торговля была в самом разгаре. В чайно-кофейной

лавке «Фиас» Мод приобрела красно-белый кулек. Двести пятьдесят граммов молотого кофе сильной обжарки, особого, рождественского сорта. В той же лавке Мод обнаружила маленькую баночку конфитюра из ревеня и пакет английского печенья. Она внимательно изучила состав на обороте упаковки. Никаких орехов или их следов. Отлично!

Затем Мод направила стопы в сторону Кафе Соккеркринглан. Там вдоль прилавка вытянулась длинная очередь – кафе было знаменито своим фантастически вкусным рождественским имбирным печеньем. Мод где-то слышала, что народ начинает оформлять заказы еще в мае. Ей самой нужен был лишь небольшой сверток. Несколько таких она заметила на витрине в свободной продаже – ей точно должно было хватить. Когда подошла очередь Мод, она спросила:

– В ваших печеньях может быть миндаль или другие орехи? Или их следы?

Дама за прилавком улыбнулась.

– Нет. Их выпекают в отдельном помещении. Перед Рождеством у нас такие объемы, что в нашей обычной пекарне не разместиться, – пояснила она.

Мод кивнула и указала на сверточек с печеньем. Он был из прозрачного целлофана, и перевязан красной хлопковой тесьмой. На лицевой стороне изящными буквами было выведено: «Имбирное печенье Соккеркринглан». На обороте упаковки можно было ознакомиться с составом печенья. «Состав: сахар, масло, сироп, гвоздика, корица, имбирь, пшеничная мука, сода». Никакого миндаля, никаких орехов.

Мод попросила продать ей маленький бумажный пакет с нарисованным рождественским гномом – они стопкой лежали возле кассы – но продавщица возмутилась:

– Продать? Да ни за что на свете. Это бесплатно. Пожалуйста. Счастливого Рождества!

Мод поблагодарила и стала протискиваться к выходу. Довольная своими приобретениями, она отправилась домой. По пути она завернула в лавку полезных товаров на Васагатан и купила пакет миндальной муки. В магазине Хемшеп в паре сотен метров оттуда Мод приобрела пакет готового теста для имбирного печенья, маленький пакетик тающих рождественских конфеток и баночку молотого имбиря.

Теперь ей оставалось добыть лишь одну вещь, но это могло подождать и до завтра.

Вечером Мод собиралась заняться приготовлением совершенно особенного теста.

Мод подготовила все необходимые для имбирного теста ингредиенты и выставила на стол. Пшеничную муку, правда, она даже не стала доставать из буфета. Вместо нее Мод взяла пакет миндальной. Она скрупулезно следовала рецепту, но всех ингредиентов брала ровно по половине от указанного количества, а вместо пшеничной муки использовала миндальную. Через некоторое время у Мод получилось тесто, которое ничем не отличалось от обычного теста для имбирного печенья. Мод завернула его в пленку и убрала в холодильник. Наведя порядок в кухне, она сварила себе чашку кофе и устроилась перед телевизором – смотреть новости.

На следующее утро Мод была на ногах уже в семь часов. Установив духовку на 210 градусов, она вытащила из холодильника пакет с готовым тестом, и тесто на миндальной муке собственного производства. Мод быстро соединила оба вида теста, а потом раскатала кусочек на пробу. Очень важно, чтобы тесто было раскатано тонко. Вырубкой в форме большого сердца Мод вырезала печенья и выложила на смазанный маслом противень, который затем отправила в духовку. Через пять минут Мод достала противень. Печенья оказались бледноваты. Следующий противень Мод держала в духовке уже 6 минут. Когда она вытащила его, печенья выглядели точь-в-точь так, как должно выглядеть пряное имбирное печенье. Мод аккуратно сняла печенья с противня и выложила остывать на решетку. Оставшееся тесто она просто выбросила.

Удовлетворенная результатом, Мод налила себе большую кружку кофе. На блюде она положила две печеньюшки из бледной партии, и унесла все это к себе в комнату. Затем она в тишине и покое принялась за чтение утренней газеты, попутно наслаждаясь кофе с печеньем. Несмотря на то, что выпечка была бледной, вкус у нее был отменный. Пряный и отчетливо рождественский. А главное, миндальная мука совершенно не ощущалась.

Когда на часах пробило десять, Мод отправилась на площадь Ландала. Там в вино-водочном она купила две бутылки крепленого глегга. Одну Мод собиралась оставить себе, а вторую – подарить.

Теперь все приготовления Мод были окончены.

На дно бумажного пакета с нарисованным рождественским гномиком Мод положила большую красную салфетку. Следом поставила бутылку глегга. Рядом с ней уместились кулечек кофе, пакет английского печенья и баночка ревеневого конфитюра. Сверху Мод положила пакетик с тающими конфетками и целлофановый пакет с надписью «Имбирное печенье Соккеркринглан». В качестве завершающего штриха Мод вложила внутрь рождественскую открытку.

Мод отступила на шаг, любуясь результатом своих трудов. Композиция была пропитана рождественским уютом и выглядела весьма соблазнительно. С довольной ухмылкой Мод стащила с рук одноразовые перчатки.

Маленькие колкие снежинки врезались прямо в ее незащищенное лицо, но в целом Мод оделась как следует. На голове у нее была объемная меховая лисья шапка – Мод не носила ее уже лет двадцать. Это была импульсивная покупка на рождественской распродаже. Мод надевала ее всего несколько раз. В этой шапке она чувствовала себя комично. Но у лисьей шапки было и преимущество – она очень хорошо скрывала лицо, если как следует натянуть ее на лоб и уши. Пальто Мод тоже выбрала не новое, но теплое и красивое. Его она тоже в последние годы не жаловала. Важно было, чтобы никто из свидетелей впоследствии не смог описать женщину, чьи приметы походили бы на Мод.

В руке Мод несла сумку, которую обычно брала с собой за покупками, а в сумке скрывался бумажный пакет с рождественскими сладостями.

Под сенью зимних сумерек Мод выдвинулась в направлении дома номер шестнадцать по Крукслетской аллее. Идти было далековато – несколько километров, поэтому Мод в целях безопасности надела на обувь шипы. На асфальте был гололед, и Мод благословила свою предусмотрительность. Последнее, что ей сейчас было нужно – это поскользнуться и что-нибудь сломать. Порывы ледяного ветра заставляли Мод пригибаться к земле. Несмотря на то, что времени было всего семь вечера, и это была суббота, народу на улицах было не так уж много. Если ее кто-то и заметил, то запомнил лишь престарелую даму в широком пальто и объемной лисьей шапке.

Добравшись до нужного дома, Мод перво-наперво изучила список жильцов у ворот. В душе у нее зашевелился червячок сомнения, когда Мод не смогла отыскать нужного имени, но потом ей пришло в голову, что Юханнес, конечно, не стал бы вывешивать свои данные на всеобщее обозрение. Он ведь снимал квартиру в субаренду. И вероятно, не хотел, чтобы займодавцы смогли так легко его отыскать.

Мод сделала несколько шагов назад и внимательно оглядела окна второго этажа. Она сразу же вычислила, какие два из них принадлежали Юханнесу. Толстые хлопковые гардины с бело-зеленым узором на торцевых окнах были плотно зашторены. Внутри не горел свет. «Суббота, вечер, конечно, его нет дома. Небось, шляется в компании этого Тотте. Успешно делает вид, что все идет как обычно – он счастлив и никому ничего не должен. Пребывает в уверенности, что мамуля спасет своего птенчика из когтей хищных птиц. В этот раз не выйдет, засранец», – думала Мод. Она ощутила, как сжались челюсти, но несколько глубоких вдохов помогли ей расслабиться. Мод подошла к ближайшему домофону.

Уверенно набрала номер квартиры на верхнем этаже. Через пару мгновений в трубке зашуршало:

– Да? – послышался молодой женский голос.

– Я тетушка Юханнеса Петрена. Он вроде бы живет здесь, но его имени я не нашла... вы будете так любезны меня впустить? – фирменным голоском слегка-растерянной-старушки проворковала Мод.

– Конечно, входите.

Дверь запищала, и Мод вошла внутрь. В трехэтажном доме отсутствовал лифт, и ей пришлось подниматься на второй этаж пешком.

Дверь квартиры Юханнеса оказалась справа на площадке второго этажа. Мод слегка наклонилась вперед к табличке, чтобы прочитать, какое имя на ней указано. Над почтовой щелью кто-то липкой лентой прикрепил картонку, на которой синей тушью было небрежно выведено: «Ю. Петрен». Фирменный стиль Юханнеса.

Из-за закрытой двери не доносилось ни звука. Он либо спал, либо его не было дома. Вероятнее всего последнее.

Из своей продуктовой сумки Мод вытащила бумажный рождественский пакет и повесила его на ручку двери. Проверила, на месте ли открытка. Все было в порядке. В открытке машинописным шрифтом значилось:

«Счастливого Рождества и Нового Года желает вам
правление жилкооператива Крукен»

После этого Мод свернула пустую сумку, засунула ее под мышку и принялась спускаться вниз. Выйдя из дома, она тут же скрылась в снежной мгле.

Утром в понедельник Мод разбудил настойчивый звонок в дверь. Спросонья она отыскивала глазами радиобудильник. Была почти половина восьмого. В любом случае, пора было подниматься. Зевая, Мод выбралась из кровати и завернулась в халат. Еще не открыв дверь, она примерно представляла, кто мог находиться за ней.

За дверью стояла Эльза. На ней был костюм цвета морской волны, настолько мятый, будто она прямо в нем и спала. Очевидно, что именно так оно и было. В одной руке у нее был зажат скомканный носовой платок. Бедняжка была совершенно раздавлена. «Все глаза выплакала», – подумала Мод.

– Дорогая моя, что случилось? – воскликнула Мод, распахнув глаза в притворном удивлении.

Эльза только затрясла головой, издавая невнятные звуки – у нее не было сил ответить.

– Входи, входи, – засуетилась Мод.

Ей пришлось практически силой затаскивать Эльзу в холл. Словно ноги отказались той повиноваться. Мод аккуратно провела свою близкую к обмороку соседку в гостиную, и усадила в свое телекресло.

– Я поставлю кофе и сделаю несколько бутербродов, – объявила Мод, и скрылась в кухне.

Пока варился кофе, Мод успела настрогать четыре бутерброда с сыром. На маленькую тарелочку она выложила несколько имбирных сердечек из кафе Соккеркринглан. Это печенье она в субботу вытряхнула из пакета, заменив выпечкой собственного производства. Из миндальной муки. Затем Мод заботливо завязала на горловине пакета бант из красной тесьмы. Никто бы не понял, что пакет уже открывали, как и то, что печенье подменили. Очень довольная результатом, Мод положила пакет к другим рождественским сладостям, предназначавшимся в подарок Юханнесу.

«Очевидно, он их съел», – с едва заметной улыбкой размышляла Мод.

Когда Мод вошла в гостиную с подносом в руках, улыбка уже исчезла с ее лица, на котором читались теперь лишь беспокойство и сочувствие.

Разлив кофе по чашкам, она сказала:

– Ну-ну, дорогая, возьми же бутерброд и расскажи, что случилось.

Эльза покачала головой.

– Не могу... есть.

Она долго всхлипывала. За это время Мод успела съесть бутерброд. Расправившись с ним, она вновь обратилась к Эльзе:

– Что произошло? Ты продала квартиру, или что?

Этот вопрос вызвал очередной водопад слез. К тому моменту, как Эльза начала предпринимать храбрые попытки взять себя в руки, Мод разделалась еще с одним бутербродом.

– Это... Юханнес. Он...

Эльза прижала насквозь мокрый платок к носу и выдохнула:

– Он... мертв!

«Чудесно», – промелькнуло в голове у Мод. «Значит, Проблема решена. По шведским законам родственники усопшего не наследуют его долги. Эльза сможет остаться в своей квартире.»

– Что ты такое говоришь?! Когда... как? – воскликнула Мод, ухитрившись изобразить неподдельный ужас.

Потребовалось еще время, но постепенно Мод смогла прояснить для себя весь ход событий. Как ей уже было известно, Юханнес приходил к Эльзе на обед за день до ее дня рождения. Перед уходом он пообещал снова зайти пообедать в воскресенье. В пятницу и субботу они с Тотте были приглашены на рождественские вечеринки, поэтому в эти дни Юханнес прийти не мог.

Около четырех часов дня в воскресенье дома у Эльзы раздался звонок в дверь. Она радостно побежала открывать, пребывая в уверенности, что это Юханнес. Однако на пороге оказались двое мрачных полицейских, которые попросили позволения войти. Уже тогда Эльза почуяла беду. Ее худшие подозрения оправдались, когда полицейские сообщили ей о смерти Юханнеса. Его друг, Торстен фон Панцарклинга, обнаружил Юханнеса мертвым в собственной постели. По словам Тотте, оба они накануне посетили вечеринку в квартире на Йотабергсгатан. Завалившись домой к Юханнесу в четвертом часу утра, Тотте попросился переночевать у него на диване. Его собственный дом

был далеко – в Хувосе, и добираться туда в такую метель было бы слишком затруднительно.

Так вот, когда эти двое пришли к Юханнесу, на ручке входной двери они обнаружили пакет с рождественскими угощениями. По словам Торстена, в пакете обнаружились английское печенье, имбирное печенье и бутылочка крепленого глегга. Так как дома у Юханнеса не нашлось никакой другой выпивки, они решили в качестве снотворного хлебнуть на ночь чуток глегга. Они разогрели напиток в кастрюле, и выпили почти все. А на закуску съели все, что было в пакете. За исключением кофе, конечно. Потом Юханнес плюхнулся на свою кровать, а Тотте устроился на диване.

Тотте очнулся в районе полудня на другой день, и сразу ощутил зверский голод. Он отыскал кулечек с кофе и смог самостоятельно запустить кофемолку. В холодильнике он обнаружил несколько яиц, и состряпал яичницу. Когда завтрак был готов, Тотте отправился в спальню – будить Юханнеса.

Тогда Тотте и обнаружил, что его друг мертв.

Предварительное заключение медэксперта гласило, что Юханнес скончался во сне. Точную причину смерти еще предстояло выяснить, но предположительно у него произошел инфаркт, либо он захлебнулся собственными рвотными массами.

Пока Эльза рассказывала, Мод слушала молча, время от времени издавая полный сочувствия вздох. Когда Эльза замолчала, казалось, она немного успокоилась.

– Я пойду сварю тебе новый кофе. Этот совсем остыл, – проговорила Мод.

Она отправилась в кухню с двумя чашками – своей и Эльзиной. Она вылила холодный кофе, и заново наполнила чашки горячим ароматным напитком. Когда Мод вернулась в гостиную, Эльза так и сидела, сжимая в руках свой многострадальный носовой платок. Мод поставила чашки на стол и сказала:

– Сделай глоточек кофе. А еще лучше вместе с бутербродиком. Тебе это необходимо. Ты ведь со вчерашнего дня не ела, как я понимаю.

– Я... не могу... сил нет.

Тогда Мод взяла тарелочку с печеньем и подвинула к Эльзе.

– Ну маленькое печенье ты точно сможешь проглотить. Я купила их в Соккеркринглан, в Хаге. Выстояла длинную очередь, чтобы их

достать.

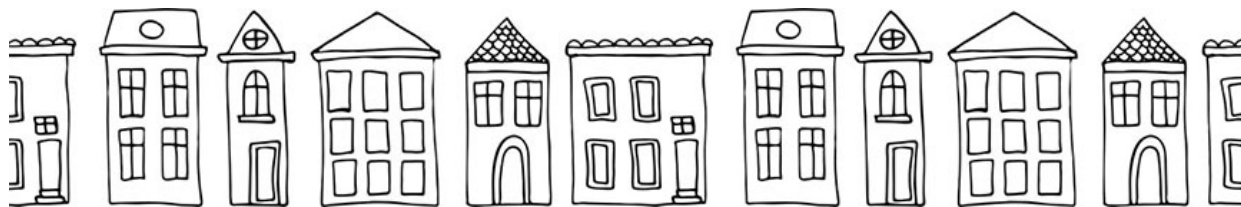
Эльза с сомнением взяла сердечко и осторожно откусила кусочек. Дрожащей рукой она взяла чашку и потянула губами теплый напиток.

– Спасибо. Вкусное печенье. Ты наверное права... мне нужно немного поесть, – произнесла она.

* * *

Губы Мод тронула улыбка. Эльза прожила в своей квартире еще шесть лет. Они с Мод время от времени встречались, и обеим было комфортно находиться в обществе друг друга. Однажды солнечным летним днем Эльза, потеряв сознание, упала на тротуаре возле кондитерской Юнгрен. Бригада скорой оперативно прибыла на место, но спасти жизнь Эльзы им не удалось. «Хорошая смерть, без лишних страданий», – решила Мод.

Временами Мод в самом деле скучала по их маленьким кофейным посиделкам.

Путешествие престарелой дамы в Южную Африку

Палящий зной стеной обступил Мод, едва та сошла с трапа самолета в аэропорту Йоханнесбурга. Если верить показаниям приборов в салоне, снаружи было плюс тридцать два градуса, но жара никогда особенно не беспокоила Мод.

В зале прибытия их поджидал высокий мужчина, на уровне груди державший табличку «Саут Африка Гран Тур». Мод догадалась, что это их гид. В брошюре было указано, что он должен встречать группу в аэропорту. Молодой человек был одет в светлые шорты, открывавшие взорам дочерна загорелые мускулистые ноги.

Справа на груди его футболки разместился скромный логотип – львиная голова с оскаленной пастью и буквы «САГТ» под ней. На ногах у него были добротные ботинки, а белые носки, края которых выступали за голенища, были закатаны вниз. В соответствии с информацией, которую до туристов довели перед вылетом, 22 участника должны былиделиться на две группы. Первая начинала свой тур в Йоханнесбурге – именно к этой группе относилась Мод. Другая группа вылетела из Дубая прямо в Кейптаун.

Через некоторое время вокруг гида собралась группа из семи человек. На четыре меньше, чем было указано в брошюре. «Где же остальные?» – удивилась Мод.

– Добро пожаловать всем вам в Южную Африку и в Йоханнесбург, – объявил гид по-английски с отчетливым южноафриканским акцентом.

Он с улыбкой уставился на кучку людей перед собой.

– Я и по-шведски говорю. Моя мама – шведка, а папа – южноафриканец.

«Боже мой! Этот юнец что, будет отвечать за группу там, посреди буша?» – подумала Мод. Несмотря на юный возраст гида, Мод не стала бы отрицать, что молодой человек производил надежное впечатление – у него было мускулистое, тренированное тело, и рост его также не мог не imponировать. У гида определенно была склонность к иностранным языкам – его шведский был совсем неплох, несмотря даже на

пробивающийся кое-где южноафриканский акцент. Еще Мод приходилось признать, что молодой человек был не чужд стиля. Длинные светло-каштановые волосы со светлыми прядями он носил убранными в конский хвост. Голубые глаза сияли, когда гид улыбался своей белозубой улыбкой.

– Меня зовут Питер Бут, и во время вашего пребывания в Южной Африке я буду вашим гидом. Как видите, в группе вас оказалось всего семеро. Одна семья из Норвегии не смогла прилететь. Они слишком поздно отказались от тура, и мы не успели предложить их места другим туристам.

На какое-то мгновение на лбу гида проступила тревожная морщинка, однако она тут же разгладилась, и Питер вновь улыбнулся собравшимся.

– Сейчас мы отправляемся в отель, но по пути успеем провести небольшую экскурсию по городу. Примерно через час мы будем на месте, и у вас будет время, чтобы отдохнуть и разобрать вещи. Прошу следовать за мной к нашему транспорту, – объявил он, и направился к выходу.

Микроавтобус был совсем небольшой – на двенадцать пассажиров, отметила про себя Мод. Он был новенький и чистый, с кондиционером – так гласили надписи на боковых стеклах. Водитель оказался крупным чернокожим мужчиной с уже тронутыми сединой вьющимися волосами. Он поприветствовал группу по-английски:

– Меня зовут Луандре, и на время путешествия я – ваш шофер. Добро пожаловать в Южную Африку.

Мод подумала, что этот зрелый мужчина будет хорошим тылом для юнца – гида. Прежде, чем залезть в автобус, она задержалась возле двери и сделала глубокий вдох. Удивительно – каждый раз, прилетая в Африку, Мод ощущала особый запах. Она ощущала этот запах даже сквозь пелену выхлопных газов от всех автобусов и автомобилей на парковке. Это был тяжелый, сухой, даже пыльный дух, который при этом раскрывался отчетливыми нотками цветущих растений и специй. Какой-то бальзамический аромат – Мод не могла его определить, но совершенно точно узнавала – также проплывал в воздухе. Она снова была в Африке.

Голос гида прервал размышления Мод:

– Вам помочь забраться на подножку? – спросил он, одарив Мод одной из своих ослепительных улыбок.

– Нет, – отрезала Мод, залезая в автобус.

Сопливый юнец! Можно подумать, ей нужна помощь! Да она даст фору многим молодым! Несмотря на то, что ей скоро стукнет восемьдесят девять. Вот так-то!

Питер Бут оказался хорошим гидом – он рассказывал о достопримечательностях и об истории тех районов города, которые они проезжали во время короткой обзорной экскурсии. Большинство пассажиров устали после перелета, а трое вообще уснули, – отметила про себя Мод. Сама же она в очередной раз наслаждалась видом многоцветной толпы, в которой смешались разные национальности.

Отель щеголевато демонстрировал пять звезд на табличке у входа. Лобби оказалось очень элегантным – вокруг столика из темного полированного дерева расположились изящные кожаные диваны и кресла светло-бежевого оттенка. Три высокие пластиковые ели стояли по углам. Из украшений на них были лишь красные стеклянные шарики и искусственный снег. Как ни странно, смотрелось все это довольно мило, – подумала Мод, которая в принципе не интересовалась рождественским убранством. Перед Рождеством максимум, что предпринимала Мод для украшения дома – доставала два электрических рождественских канделябра. Из скрытых динамиков, заполняя пространство лобби, лилась мелодия «White Christmas^[6]» Бинга Кросби. Мод утешалась тем, что уж по крайней мере это была не отвратительная «Джингл Беллз». В торцевой части большого помещения расположился бар, сверкавший стеклом, золотом и зеркалами. Напротив бара находилась стойка рецепции. Питер Бут направился напрямик туда, и заговорил с красивой молодой женщиной за стойкой. «С такими глазами и скулами ей бы не простаивать здесь, в отеле, а кошачьей походкой ступать по подиумам Парижа или Милана», – подумала Мод. Их гид всю улыбался, и уже практически лег грудью на стойку, однако в ответ получил лишь вежливую профессиональную полуулыбку и взгляд миндалевидных глаз. Покорно пожимая плечами, Питер достал список туристов и удостоверился, что все они, как полагается, зарегистрированы в номерах. Когда с формальностями было покончено, Питер вновь собрал группу вокруг себя.

– Ресторан отеля считается одним из лучших в Йоханнесбурге. Как вы, конечно, уже знаете из программки, в восемь часов вечера у нас с вами по плану ужин в этом ресторане. В районе семи часов увидимся на крыше за коктейлем.

Сказав это, гид включил свою стоваттную улыбку, а затем, помахав им рукой, скрылся за большой поворотной дверью из стекла.

Когда Мод открыла дверь своего номера на восьмом этаже, она невольно выпустила из рук сумку и сделала несколько больших шагов вперед, озираясь вокруг. Никогда прежде в своей жизни Мод не останавливалась в таком большом и шикарном номере. Именно этого она и хотела, когда решила лететь в путешествие – потому что, вероятнее всего, путешествие это должно было стать одним из последних больших приключений в ее жизни. Теперь можно было ни в чем себе не отказывать – ведь в средствах Мод была совершенно не ограничена! Для начала неплохо было отведать фруктов с резного деревянного блюда, которое стояло на столе возле белого кожаного дивана.

Немного вздремнув прямо на золотистом шелковом покрывале, которым была убрана кровать, Мод стала готовиться к коктейлю и ужину.

Когда Мод поднялась на четырнадцатый этаж и вышла на открытую террасу на крыше, остальные уже были там. Они сидели вокруг стола, любуясь потрясающим видом Йоханнесбурга. Закатные лучи заставили все городские крыши пылать красным огнем. Официант в белоснежной куртке обходил гостей, принимая заказы. Когда Мод заняла последнее свободное кресло, официант обернулся к ней и на ломаном английском поинтересовался, чего она желает выпить.

– Я бы хотела джин с тоником, будьте любезны, – без тени сомнения отозвалась Мод.

«В Африке я *всегда* пью джин с тоником», – собралась было добавить Мод, но по счастью сдержалась. Нигде больше не были так хороши джин с тоником, как здесь. Но это было ее личное мнение, и остальных совершенно не обязательно было в него посвящать. Им также вовсе незачем было знать, что Мод прежде уже бывала в Южной Африке. Хотя в Йоханнесбурге она провела всего два дня в первую из двух своих поездок. Во время второй Мод по большей части

путешествовала вокруг Кейптауна. Она с нетерпением ждала возвращения туда.

Когда всем принесли напитки, они подняли свои бокалы, и Питер в очередной раз пожелал туристам приятного пребывания в Южной Африке. Затем он предложил всем познакомиться. Гид повернулся к Мод, и попросил ее начать. Она назвала свое имя и рассказала, что живет в Гетеборге, и что она учитель иностранных языков на пенсии. Мод решила, что этого достаточно. Когда Питер понял, что Мод не собирается больше ничего рассказывать, то кивнул ее соседу – плотному мужчине, который сидел по левую руку от Мод. Мод еще в автобусе распознала, что они с супругой говорили по-датски. Мужчина представился, как Мортен Йенсен, управляющий недвижимостью, что бы это ни означало. Указывая на свою значительно более юную супругу, Йенсен пояснил:

– А это моя жена Ализе.

Хрупкая блондинка кивнула и несмело улыбнулась. Мод была раздосадована тем, что этой женщине не позволили представиться самостоятельно. Краснолицему управляющему было никак не меньше шестидесяти пяти. Избыточный вес его зашкаливал, а под мышками на его светло-серой рубашке образовались большие темные круги от пота. Редкие слипшиеся от пота волосы были расчесаны на пробор. Супруге его на вид можно было дать от сорока до пятидесяти. «Хорошо сохранилась», – про себя отметила Мод, – «Он явно подавляет ее». Женщина была одета в белое облегчающее льняное платье, которое сидело на ней просто фантастически. «Вне всяких сомнений – неслыханно дорогая дизайнерская вещь», – размышляла Мод. На безымянном пальце левой руки сверкал оправленный в белое золото крупный бриллиант. Мочки ушей украшали бриллиантовые же пуссеты. «Балует ее дорогими подарками», – продолжала свои наблюдения Мод, ощущая себя очень пронизательной. «Супруга ему практически в дочери годится». Едва Мод успела додумать эту мысль, как Ализе Йенсен повернула голову, и на долю секунды встретилась с ней взглядом. Ясные голубые глаза смотрели пронзительно и светились умом. Мод немного удивилась, но одновременно и обрадовалась за женщину. Значит, он не смог подавить ее целиком и полностью. Напротив, за тот краткий миг, когда их взгляды встретились, Мод успела ощутить в Ализе внутреннюю силу.

Рядом с Ализе Йенсен сидела еще одна блондинка. Сомнительно, однако, что цвет ее волос был натуральным. Она носила стрижку «паж» длиной по плечи. Сама по себе она не была хрупкой, как малышка фру Йенсен, напротив – довольно рослая и статная женщина. На второй блондинке было платье с глубоким декольте из тонкого шифона с узором из розочек. Макияж ее отличался скромностью, чего не скажешь о маникюре – длинные ногти были покрыты лаком кричаще-розового оттенка. Мод прикинула, что этой блондинке было около пятидесяти.

Женщина откашлялась и проговорила:

– Меня зовут Элизабет Карлетон. Сейчас я живу в Эребру, но родом из Стокгольма. Я – стоматолог частной практики, работаю вместе с тремя коллегами. Я одинока, поэтому сама себя пригласила в это путешествие. Как раз в Новый Год мне исполнится пятьдесят. Но праздник для друзей и родных я собираюсь устроить на День Святого Валентина. Ваше здоровье! Она подняла свой бокал, просияв почти такой же ослепительной улыбкой, как их гид. «Подозреваю, что и зубы у нее все один к одному, и по цвету не отличаются», – кисло подумала Мод. Когда все поставили свои бокалы после провозглашенного Элизабет тоста, взгляды присутствующих обратились к мужчине, сидевшему рядом с ней.

Он был одет в белую рубашку с коротким рукавом и бежевые льняные брюки. Вид у него был молодежавый и крепкий – так решила Мод. Однако его густые темные волосы у висков уже слегка серебрились, а возле глаз, когда он смеялся или улыбался, проступали глубокие «гусиные лапки». В целом же по лицу этого мужчины было довольно-таки сложно определить его возраст. Мод в глубине души считала молодыми всех, кому было меньше шестидесяти. Этому парню могло быть от сорока до пятидесяти. Мод решила, что на вид он был вполне приятен.

– Привет всем, меня зовут Фредрик Зиандер. Сейчас я живу в Гетеборге, но родом из Венерсборга. Так что рассказать какую-нибудь из Гетеборгских шуточек я не смогу, и не просите – пустое занятие.

Он улыбнулся собственной шутке, отчего мгновенно проступили симпатичные морщинки вокруг его медово-карих глаз. «Как минимум, сорок пять», – вынесла свой вердикт Мод.

Фредрик Зиандер, тем временем, продолжал:

– Я – ректор Мельндальской гимназии. Мы с отцом планировали вместе поехать на это сафари, когда ему исполнится семьдесят пять. Моя мать умерла несколько лет назад, братьев и сестер у меня нет, так что у нас с отцом никого больше не было. Он скоропостижно скончался два месяца назад, поэтому его бронь мне пришлось снять. Я тоже одинок, но решил, что все еще хочу совершить это путешествие. Папа хотел бы этого.

После его слов на мгновение повисла тишина. Ее нарушила Элизабет Карлетон, которая, повернувшись к Фредрику, подняла бокал и заявила:

– Ты поступил абсолютно правильно!

Когда все чокнулись и еще раз выпили, скованность присутствующих окончательно спала.

Настал черед знакомиться с пожилой шведской парой. На вид им было слегка за шестьдесят. Жена была немного пухловата. Ее выющиеся седые волосы были коротко подстрижены. Васильково-синее платье без рукавов по цвету точь-в-точь подходило к ее живым глазам. «Ничто не ускользнет от внимания этой женщины», – подумала Мод. Муж ее был высоким и очень худым, и уже допивал второй бокал и докуривал вторую сигарету. На нем были очки с толстыми линзами, а белые волосы были так коротко острижены, что казалось, череп его совершенно гол. Питер Бут подбодрил его кивком, однако слово взяла супруга.

– Нас зовут Сюзанна и Ларс Хоканссон, мы приехали из Шевде. Мы решили поехать в это фантастическое путешествие, потому что оба вышли на пенсию. А еще мы женаты сорок лет, у нас годовщина свадьбы – так что поводов для праздника целых два. Три наших дочери замужем, и у нас есть пятеро внуков.

Сюзанна ободряюще взглянула на мужа, который просто-напросто поднял свой бокал и сказал:

– Ваше здоровье!

«Сколько местоимений «мы» она ухитрилась вставить в свой рассказ? *И станут двое одною плотью*^[7]...» – насмешливо подумала Мод.

– Сорок лет! Я была замужем двадцать лет, и это было уже пятнадцать лет назад! – со смехом воскликнула Элизабет Карлетон. Остальные воспользовались моментом, чтобы отхлебнуть еще по

глоточку своих напитков. Фокус внимания группы теперь сместился на гида. Тот сдержанно откашлялся и заговорил:

– Ну, значит, остался я один. Так вот, зовут меня Питер Бут, я родился и вырос здесь, в Южной Африке. Как я уже говорил, моя мама – шведка. Я много раз бывал в Швеции, и однажды даже прожил там целый год. Мне тогда было десять. Но мои родители скучали по Африке, поэтому все-таки решили вернуться сюда. Как вы уже поняли, мой папа – южноафриканец. Он родом из Кейптауна – именно там и находится головной офис компании «Саут Африка Гран Тур». Это семейный бизнес. Я работаю гидом уже четырнадцать лет. Начал, когда мне исполнилось восемнадцать. Мой брат занимается группой, которая начинает свое путешествие в Кейптауне.

Когда Питер сказал, что работает гидом уже четырнадцать лет, Мод усомнилась в правдивости этих слов. Ни один ответственный отец не возьмет маленького мальчика с собой на сафари, ведь вокруг множество диких животных. Однако, когда Питер пояснил, что ему было восемнадцать, Мод быстро прикинула, что малышу на сегодняшний день должно было исполниться уже тридцать два годика. Она была слегка обескуражена тем, что так грубо ошиблась в определении его возраста. С другой стороны, как уже говорилось, всех, кто еще не достиг шестидесяти лет, Мод почитала за молодежь.

Питер сделал большой глоток своего желтого фруктового напитка и снова заговорил:

– Так как Сочельник и второй день Рождества в Южной Африке считаются большими праздниками, мы с вами проведем дополнительный день здесь, в Йоханнесбурге. Это как раз будет Сочельник. В этот день мы не сможем организовать никаких экскурсий, но отель предлагает нам довольно интересные мероприятия. Программки будут доставлены в ваши номера завтра. Информация обо всех наших традиционных экскурсионных маршрутах у вас уже имеется.

Все согласно закивали, бормоча что-то невнятное. Несколько листочков с исчерпывающей информацией о путешествии были выданы каждому путешественнику турагентством. Надо быть идиотом, чтобы пропустить автобус или перепутать время вылета. Чудесно, когда можно не напрягать мозг, а просто плыть по течению.

– Теперь поговорим немного о серьезных вещах. Грабежи и карманные кражи здесь случаются, так что постарайтесь не стать легкой добычей для воров. Не стоит демонстрировать дорогостоящие предметы вроде украшений или смартфонов, и прочих гаджетов. Сумки старайтесь держать на виду, на животе. Очень важно никуда не ходить в одиночку, когда на улице темно. В дневное время тоже – особенно если вы находитесь в каком-то уединенном месте, в трущобах или предместьях городов. Держитесь туристических маршрутов – там всегда многолюдно. Если все-таки вас попытаются ограбить, не стоит оказывать сопротивление. Отдайте этим людям то, что они хотят. О краже сразу сообщайте в полицию. Не забудьте записать номер своего заявления для того, чтобы в дальнейшем предоставить его в страховую компанию.

– А часто грабят ваших подопечных? – поинтересовалась Сюзанна Хоканссон с тревожной ноткой в голосе.

– Нет. Нам удавалось избегать краж. Единственный раз, когда произошло неприятное происшествие, был вскрыт наш автобус. Но теперь с нами работает наш фантастический шофер Луандре. Он не покинет автобус, это я гарантирую.

Так они сидели и болтали на террасе, пока не пришло время ужина. Питер Бут распрощался с ними и пожелал всем приятного вечера. Он не преувеличивал – еда в ресторане отеля действительно оказалась сказочно вкусна. Это была некая смесь французской кухни с африканской, с определенным перевесом на стороне французской. К трапезе были предложены изысканные вина. Сытая и довольная, Мод вернулась к себе в номер. Никто из членов группы не заметил, когда она ушла.

Отлично выспавшись на шикарной кровати, Мод проснулась в бодром расположении духа, и теперь жаждала увидеть все, что упустила в свой предыдущий, слишком короткий визит сюда. Вот только обзорную экскурсию в Соуэто^[8], которая значилась у них в графике сегодня в первой половине дня, Мод намеревалась пропустить. Она повидала трущобы многих больших городов, и не находила в них никакого шарма. Трущобный туризм – развлечение не для Мод. Стройте продуманные современные города, выбирая для них грамотное расположение, вводите пособия на оплату коммунальных услуг и жилья, создавайте для нищих обитателей трущоб приемлемые условия

жизни. А трущобы нужно снести, гигантскими бульдозерами сравнять с землей и навсегда искоренить, как явление. Вот таких взглядов придерживалась Мод.

В программке значилось, что обед сегодня пройдет в традиционном *шибине*^[9]. Никогда в жизни Мод не согласилась бы посетить бар в Соуэто, какими бы хлебосольными ни оказались аборигены. В Йоханнесбурге было множество первоклассных ресторанов, это Мод знала по собственному опыту.

После завтрака Мод вместе со всеми отправилась к уже ожидавшему снаружи автобусу. За рулем был Луандре, а Питер Бут стоял рядом и пересчитывал подопечных по головам – с этим он справился довольно скоро. Когда Мод сообщила гиду, что собирается пропустить утреннюю экскурсию, тот выглядел встревоженно, но спорить с нею не стал, приняв к сведению эту информацию. Возможно, он решил, что старушка устала от множества новых впечатлений, и ей необходим отдых.

Прежде, чем окунуться в сутолоку большого города, Мод заглянула к себе в номер. Там она надела свою поясную сумочку, положив в нее несколько банкнот из сейфа. 500 рандов должно было хватить, решила Мод. Перед выходом Мод прихватила свою трость. Это была самая обычная тросточка с прямой ручкой. Примерно год назад она в секундном помутнении прихватила эту трость в поликлинике. Владелец, вероятно, забыл ее в зале ожидания. «Такая вещь может пригодиться когда угодно», – подумала Мод. В последний момент она решила взять ее с собой в путешествие. Не потому, что ей нужно было на что-то опираться. Просто Мод пришло в голову, что неплохо будет иметь при себе что-то подобное, когда она будет в одиночестве гулять здесь по улицам.

Совсем рядом с отелем располагалась автобусная остановка, куда подъезжали автобусы с табличками «Hop-on-Hop-off^[10]». Мод купила билет, по которому можно было кататься весь день. Она выбрала свободное место рядом с кабиной водителя. Когда автобус остановился возле Театра «Маркет», Мод сошла, внимательно посмотрела по сторонам, прежде чем перейти дорогу, и направилась прямо к входу в Музей Африки. Ей повезло – Мод смогла присоединиться к экскурсионной группе, гид которой говорил по-английски. На выставке демонстрировалось, как Йоханнесбург из примитивной стоянки

золотоискателей превратился в космополитический центр, пульсирующий деловой энергией. Экскурсия была довольно интересна, и Мод осталась довольна той альтернативой, которую предпочла посещению трущоб.

Выйдя обратно на залитую светом улицу, Мод остановилась на верхней ступеньке, озираясь вокруг. «Так... нужно сориентироваться. Вот это Бри Стрит... Значит, нужно спуститься еще на два квартала вниз», – рассудила Мод. Крепко ухватив трость, Мод начала свой путь. Она все время старалась держаться в толпе. Она свернула на Симмондс Стрит, затем – на Диагональ Стрит. Там она немного повременила, разглядывая округу. Улица выглядела точь-в-точь такой, какой Мод ее запомнила. Старинные дома постройки конца девятнадцатого века с коваными решетками на балконах и богато украшенными фасадами остались на своих местах. К тому же, в этом районе было полно хороших ресторанов.

Но прежде Мод планировала заглянуть в КваЗулу Мути. Нужно было еще немного пройти – почти до конца Диагональ Стрит. Этот магазин точнее было бы назвать природной аптекой. Только все препараты в этой аптеке были изготовлены не из растительного сырья, а из животного – из шкур, рогов и когтей, а еще из сушеных змей, летучих мышей, жаб и насекомых. Для многих южноафриканцев старинная традиционная медицина была по-прежнему важна, а Мод с большим уважением стала относиться к этому древнему ремеслу, еще когда приезжала в Африку в первые два раза. Здесь, конечно, много было всякой чепухи, но этой чепухи, по мнению Мод, полно было и в современной медицине. Мод уже бывала в КваЗулу Мути – когда впервые побывала в Африке, десять лет назад. Она уже знала, какие средства ей пригодятся на сафари и во время путешествия к водопаду Виктория.

На полках по стенам теснились стеклянные баночки с разноцветным содержимым. За небольшим прилавком стоял высокий человек в длинном – до пят – одеянии с традиционным африканским мотивом. Увидев Мод, он дружелюбно кивнул, и направился прямо к ней. Несмотря на то, что человек выглядел очень молодо, по одежде Мод распознала в нем *сангорна* — африканского натуртерапевта. Мод знала, что и сегодня люди этой профессии в ЮАР пользуются большим уважением.

– Добрый день, мадам, чем я могу помочь? – улыбаясь, вежливо поинтересовался он.

– Добрый день, господин *сангорна*, я хотела бы приобрести средство от насекомых. Я принимаю противомаларийное средство для профилактики, но хотела бы иметь что-то для отпугивания любых насекомых.

Человек кивнул и направился к стеллажу позади прилавка. Там он без колебаний выбрал маленький пузырек с ярко-желтым содержимым.

– Эту мазь нужно втирать в ладони и ступни, и мазать ею вокруг шеи. У нее присутствует слабый, практически неразличимый аромат, который невыносим абсолютно для всех насекомых, – пояснил он.

– Тогда я ее возьму, спасибо.

– Что-нибудь еще?

– Благодарю, еще я хотела бы что-то... укрепляющее. Я немного старше своих товарищей по группе, а мы собираемся на сафари...

Мод не договорила, но *сангорна* уже кивнул, и, как показалось Мод, украдкой улыбнулся.

– *Сила жизни*. Один из наших самых популярных продуктов, – сказал *сангорна*.

«Подумать только, он дарит жизненную силу», – усмехнулась про себя Мод. Это очень неплохой ликер, настоянный на разных травах, и содержит не менее тридцати процентов алкоголя. А еще несколько секретных ингредиентов, над которыми Мод и задумываться не хотела. Этот эликсир она оценила еще в свой первый визит в Йоханнесбург. Эффект от него был не просто бодрящий и укрепляющий – напиток имел еще и свойство успокаивать кишечник. Юный *сангорна* упаковал товары в бумажный пакет и пробил чек. Ровно сто рандов. «Дешево», – решила Мод.

Довольная своими приобретениями, Мод направилась в сторону Карлтон Центра – пятидесятиэтажного здания, носившего звание высочайшего в Африке. Она собиралась подняться на смотровую площадку «Вершина Африки». Там Мод не успела побывать в прошлый раз. Но для начала нужно было подкрепиться.

На теневой стороне улицы Мод заметила небольшой уютный индийский ресторанчик с террасой. Идеальное сочетание пряностей в *тикка масала* было точь-в-точь как в Бомбее, а ледяное пиво – как раз то, что было нужно Мод. Будучи путешественницей мудрой и бывалой,

Мод заказала еще бутылочку воды среднего объема. Солнце стояло высоко на небе, и температура воздуха явно перевалила отметку в тридцать градусов. В такую жару нужно много пить. Но здесь, в тени, Мод было вполне комфортно. Остальные могут сколько угодно сидеть в своем шибине в Соуэто, Мод им совершенно не завидовала. Она спокойно сидела, потягивая уже второе пиво, и разглядывая проходящих мимо людей.

Ощувив прилив сил после добротного ланча, Мод наконец направила стопы к Карлтон-Центру. Там на лифте она поднялась на смотровую площадку. Вид был и вправду потрясающий – весь город как на ладони. На такой высоте дул приятный ветерок, поэтому Мод там довольно долго задержалась, прежде чем спуститься обратно.

Немного утомленная, но довольная собственной маленькой экскурсией, Мод села на автобус «Hop-on-Hop-off», чтобы ехать обратно в отель. Не встретив в лобби никого из группы, она поднялась к себе в номер. Как прекрасно было дать отдых ногам и немного вздремнуть на прохладном шелке покрывала!

Около шести часов вечера Мод поднялась на террасу ресторана, чтобы выпить с остальными перед ужином. Питер Бут, разумеется, был там. Он поинтересовался у Мод, хорошо ли та провела время в отеле. Мод с самой невинной старушечьей улыбкой ответила «да».

– Вы завтра поедете с нами? – спросил Питер.

– Само собой, – отозвалась Мод.

На лице Питера читалось облегчение. Возможно, он боялся, что старуха не выдержит длительного путешествия. Но сегодняшний день прошел очень продуктивно для Мод, как она себе и представляла. Теперь она сидела, держа в руках бокал ледяного джина с тоником, и любовалась закатом солнца над многомиллионным городом. Отличное завершение чудесного дня.

Питер поднялся на ноги и попросил минуточку внимания.

– Друзья мои, завтра наступает Сочельник, но здесь, в Южной Африке, это не выходной день. Праздничным днем здесь считается сам день Рождества. В Рождество здесь почти все закрыто. Всю информацию вы найдете в своих программках, которые вечером доставят к вам в номера.

Питер прервался ненадолго, чтобы отхлебнуть своего темно-красного напитка. Прежде, чем возобновилась беседа, он снова

заговорил:

– Так что завтра нам с вами предстоит экскурсия на полный день. Мы увидим много животных. Они свободно перемещаются в пределах огороженной территории. Отправляемся в девять часов. Автобус с Луандре будет вас ждать на том же месте, где он был сегодня утром. Ровно в девять часов, – повторил Питер.

С этими словами гид опустил обратно в свое кресло. Все члены группы принялись делиться впечатлениями о посещении Соуэто. Мод различала реплики вроде «доброжелательная атмосфера», «максимально эффективно используют свое положение» и даже «колоритное свидетельство сохранения их исконного образа жизни». «Исконный образ жизни», – мысленно повторила Мод. «Что за чушь!» Соуэто возникло, когда в 1950-х правительство велело чернокожим жителям София-тауна, живописного бедного района, расположенного примерно в миле от Йоханнесбурга, переезжать в заболоченную местность в Мидоулендсе, которую позже стали называть Соуэто. Но Мод не стала вступать в дискуссию, она делала это крайне редко. Она тихонько сидела со своей выпивкой, наслаждаясь бархатным африканским вечером, который опускался на город.

Когда в Сочельник утром члены группы садились в автобус, все выглядели свежими и довольными. За исключением Мортена Йенсена, который уже через несколько минут провалился в сон. Чета Йенсенов сидела как раз перед Мод. Ализе слегка повернула голову, и взглянула на мужа. Мод с удивлением наблюдала, как Ализе взяла его руку и прижала к губам. Она легонько поцеловала тыльную сторону его большой ладони, а потом прижала ее к своей щеке. Он никак не отреагировал, продолжая спать.

Мод видела профиль Ализе – в уголках ее глаз блестели слезы. «А она ведь не обычная “трофейная” жена», – пронеслось у Мод в голове. «По-настоящему любит своего старика». Мод в который раз вынуждена была констатировать, что сфера чувств и отношений для нее – терра инкогнита.

Луандре ехал около двадцати минут, а потом свернул возле знака, оповещающего о прибытии в Национальный Ботанический Сад Уолтера Сисулу.

– Сделаем остановку в этом прекрасном парке. Он знаменит обилием птиц. Обычно хватает часа, чтобы его осмотреть. В кафе возле

входа можно приобрести напитки, – объявил Питер.

Он спрыгнул со ступеньки, пояснив, что все, кто желает, могут прогуляться самостоятельно, прочие же могут составить компанию ему. Чета Хоканссон тут же поспешно ретировалась в компании бинокля и камеры. Очевидно, Ларс Хоканссон был страстным орнитологом, да и Сюзанна выглядела не менее заинтересованной. Мод слышала, как Ализе приглушенным голосом попросила у Питера разрешения остаться вместе с мужем в автобусе. «У него была бессонная ночь», – пояснила Ализе.

Питер обеспокоенно заговорил:

– Луандре останется здесь. Но позвольте спросить... Мортен болен?

Ализе несколько раз сглотнула, и глаза ее снова увлажнились:

– Он уже выздоравливает. Но... еще не пришел в себя. За прошедший год он прошел... много непростых процедур. Он быстро устает и ему нужен отдых.

– Ему по силам наше турне? – осторожно поинтересовался гид.

– Лечащий врач дал ему добро, – коротко отозвалась Ализе.

Она развернулась на каблучках и снова поднялась в автобус, где уже заворочался, просыпаясь, Мортен. Питер задумчиво глядел ей вслед. Потом он заметил присутствие Мод и с дежурной улыбкой произнес:

– Как ваши дела, фрекен Мод? У вас хватит сил составить мне компанию?

– Вне всяких сомнений, – улыбаясь сладчайшей старушечьей улыбкой, отозвалась Мод.

Осмотрев красивый парк, они проехали еще около мили вперед и остановились возле пещер Стеркфонтейн^[11].

– Должен предупредить, что экскурсия по пещерам требует определенной физической подготовки. Луандре присмотрит за теми из вас, кто не захочет или не в состоянии спуститься в пещеры.

Мод задержалась в автобусе вместе с четой Йенсен. Она немного покопалась в небольшой холщовой сумке, которая была у нее с собой, и когда остальные уже зашагали к входу в пещеры, извлекла небольшую пластиковую бутылочку с темно-коричневой жидкостью внутри, и две пластиковых кружечки. Кружечки она прихватила утром из отеля – они стояли возле питьевого фонтанчика в лобби. Налив граммов пятьдесят коричневой жидкости в одну из кружечек, Мод вручила ее Мортену

Йенсену. Тот удивленно принял угощение, с сомнением приносиваясь к содержимому. Мод тем временем налила немного меньше напитка в другую кружечку, и вручила ее Ализе. Та тоже принялась к темному напитку.

– Что это такое? – с любопытством спросил Мортен.

– *Сила жизни*. Эликсир, дающий новые силы. Местное натуральное средство, – пояснила Мод.

Ализе с силой потянула носом аромат.

– Пахнет травами и пряностями... и чем-то еще.

«Чем-то еще» были высушенные и измельченные в пудру тестикулы саблерогой антилопы, но об этом Мод предпочла промолчать. Люди бывают такими привередливыми!

– Некоторые ингредиенты, входящие в состав эликсира, держатся в секрете, – с улыбкой проговорила Мод.

Переглянувшись, супруги Йенсен пожали плечами. Они пригубили тягучую жидкость, немного почмокав губами, а затем сделали по нормальному глотку.

– На самом деле очень вкусно! – радостно сообщил Мортен.

Мод кивнула, и устремилась прочь из автобуса, чтобы нагнать остальных.

Экскурсию по пещерам проводила темнокожая женщина средних лет, говорившая на прекрасном английском. Она отрекомендовалась, как археолог, пояснив, что является здесь главным гидом. Путешественники направились к входу в первую из пещер. Экскурсия началась еще прежде, чем они вошли под своды пещеры.

– Эта разветвленная система пещер и гротов является одним из самых важных для археологов мест на земле. Именно здесь были обнаружены несколько древнейших в мире ископаемых останков человека. В 1980 году четыре берцовых кости были обнаружены в местном гроте. Находку окрестили «Литл фут». По оценкам ученых, ее возраст составляет более трех с половиной миллионов лет.

«Литл Футу» было 3,6 миллиона лет. Стеркфонтейн в самом деле заслуживал звания «колыбель человечества». Мод призналась сама себе, что она впечатлена.

Они вошли в пещеру, и гид принялась увлеченно рассказывать туристам обо всем, что они видели вокруг. Мод всю дорогу успевала за группой, но когда они выбрались обратно на свет солнца, внезапно

почувствовала себя обессиленной. Откровенно говоря, она была рада, что прихватила с собой трость. Когда они вернулись в автобус, Мод констатировала, что Ализе снова была похожа на саму себя, а Мортен стал выглядеть бодрее. Он заявил, что проголодался, и Питер успокоил его, заверив, что они пообедают, как только придут на ранчо «Хейя Сафари». От Стеркфонтейна до ранчо было едва ли полчаса езды.

Приехав на ранчо, путешественники, не выходя из автобуса, поехали вперед по обширной территории, где свободно бродили зебры, антилопы импалы и антилопы гну. Автобус остановился на берегу Крокодиловой Реки, где в окружении нескольких стилизованных хижин и ресторана расположился конгресс-центр.

– Рекомендую вам взять с собой плавательные принадлежности, если вы захотите искупаться. Не здесь, само собой. Купаться будем у плотины Хартбиспорт. Река ведь не просто так называется Крокодиловой, – сказал Питер.

Они расположились на террасе за большим столом, который стоял в тени, под крышей. От большого открытого мангала доносились умопомрачительные ароматы. Официанты сновали с большими тарелками, на которых лежало жареное на углях мясо импалы, «бурворс» и «сноек». Колбаски бурворс не вызвали каких-либо сложностей восприятия, но Питеру пришлось потратить немало времени, убеждая Сюзанну Хоканссон, что снок – это не змея, а рыба.

По дороге обратно к автобусу Мортен поравнялся с Мод.

– Этот эликсир просто чудо. Где его можно достать? – спросил он.

– Он продается в аптеке натуральных лекарственных препаратов. Но я могу отдать вам этот, – ответила Мод, протягивая Мортену маленькую пластиковую бутылочку.

Мортен запротестовал, но Мод лишь отмахнулась от него. На самом деле, у нее в номере в большой бутылке оставался еще почти литр. Так что сама Мод должна была продержаться еще какое-то время.

Сытые и довольные, путешественники поехали к Плотине Хартбиспорт.

– Плотина является частью природного заказника Хартбиспорт. Жители Йоханнесбурга в этих местах занимаются различными видами водного спорта. Также здесь популярна рыбалка, и можно взять необходимое снаряжение напрокат, – объявил Питер.

У плотины они весьма приятно провели несколько часов. Немного прогулявшись, Мод облюбовала маленький столик в тени какого-то местного дерева с раскидистыми ветвями. Немного поодаль чета Йенсен прогуливалась, держась за руки. Он кивком указал на здание ресторана, и она выпустила его руку. Ализе что-то сказала мужу, но Мод не смогла разобрать, что именно – расстояние было слишком большим. Тут Мод поняла, что Ализе указывает на нее. Мортен направился в ресторан, а Ализе направила стопы к столику Мод. Подойдя поближе, Ализе поинтересовалась, не станет ли Мод возражать, если она присядет рядом. Мод кивнула, приглашающим жестом указав на стулья по другую сторону столика.

На Ализе было воздушное платье с желтыми цветами, и сандалии в тон. С немного заговорщицким видом она улыбнулась.

– Мортену понадобился туалет. Но он обещал заказать для нас троих бутылочку белого вина и воды.

– О... благодарю, я хотела сказать, – немного растерянно произнесла Мод.

Она не привыкла, чтобы ее чем-то угощали. С другой стороны, она ведь угостила Мортена маленькой бутылочкой «Силы жизни».

– У Мортена рак. Рак предстательной железы, – внезапно призналась Ализе.

Мод вздрогнула, не зная, что следует сказать, и какой реакции вообще от нее ожидают. Поэтому она еле слышно пробормотала:

– О, это так печально.

Ализе глубоко вздохнула, и слова внезапно полились из ее уст рекой.

– Да. Две тысячи двенадцатый год был ужасен! Надеюсь, новый год будет лучше. Мортен уже прошел через операции и лучевую терапию. Он принимает эстроген и проходит химиотерапию. Его тело раздулось... И все равно он захотел поехать со мной в это путешествие. Мортен хотел совершить это путешествие во что бы то ни стало.

В уголках глаз Ализе снова заблестели слезы. Мод растерялась. Чтобы скрыть свое состояние, она спросила:

– Вы давно женаты?

– Летом исполнилось двадцать пять лет.

«Серебряная свадьба. Господи боже! Ализе, должно быть, ребенком выходила замуж!»

Словно прочитав мысли Мод, Ализе продолжила свой рассказ:

– Мортен работал на моего отца. Более того, они дружили. Так мы и познакомились. Я училась на юриста, а Мортен уже много лет возглавлял экономический отдел на предприятии. Он был разведен, без детей. Мы без памяти влюбились друг в друга, и поженились, едва я сдала выпускные экзамены. У нас уже взрослые сыновья. Оба изучают экономику в Копенгагене. Мы надеемся, что они в дальнейшем возьмут на себя управление семейным бизнесом.

Ализе замолчала, тыльной стороной ладони смахивая слезы.

– Когда мы знакомились, Мортен сказал, что управляет недвижимостью...

Неоконченная фраза Мод повисла в воздухе. Ализе кивнула.

– Так и есть. Предприятием владею я. У меня нет братьев или сестер, так что после смерти отца все унаследовала я.

Ализе оказалась не «трофейной женой». Она была хорошо образованной владелицей бизнеса.

– Чем занимается ваше предприятие? – поинтересовалась Мод.

– Мы сдаем в аренду недвижимость, которой владеем. Понемногу строим новое жилье. Фактически, в Дании наша компания является одним из лидеров на рынке недвижимости.

Когда Ализе внезапно протянула свою руку, накрыв ею ладонь Мод, та была совершенно не готова к такому развитию событий, и едва удержалась от того, чтобы не отбросить ее, сумела совладать с собой.

– Спасибо вам, милая Мод, что разрешили поговорить с вами. Так редко можно встретить понимающего человека, который, к тому же, умеет слушать, – проговорила Ализе.

Через плечо Ализе Мод разглядела приближавшуюся фигуру Мортена. В нескольких шагах позади него семенил официант с подносом. На подносе стояло ведерко со льдом, из которого торчало горлышко винной бутылки, большая бутылка воды, три винных бокала и три бокала для воды.

Мод очень мило провела время в тени дерева, в компании четы Йенсен.

Возвращаясь обратно в Йоханнесбург, они сделали остановку еще в одном заповеднике – Алоэ Ридж. Об этом просила чета Хоканссон – там обитали несколько редких видов птиц, на которых они очень хотели взглянуть поближе. Пока Хоканссоны наблюдали за птицами,

остальные совершили небольшой тур по заповеднику, где успели полюбоваться на нескольких буйволов и жирафов.

Рождество прошло так спокойно, как только можно себе представить. В дневное время, до обеда, в отеле был организован концерт церковного хора. Рождественские псалмы и гимны исполнялись на разные голоса.

Около двух часов дня состоялся рождественский обед. Он был организован в виде роскошного фуршета. Каждый гость также получил в подарок небольшой пакет. Заранее приготовленные пакеты лежали на столах, рядом с именными карточками гостей. Когда все развернули упаковку, внутри оказались миниатюрные резные животные. Работа по дереву была очень тонкой. Мод нежно провела пальцами по гладкой спинке своего маленького слоника. Слоны приносят удачу. Наверное, поэтому Мод так обрадовалась подарку.

На следующее утро без четверти девять Луандре собрал их немногочисленную группу возле отеля, чтобы отвезти в аэропорт. Все были готовы, но кое-кто выглядел довольно измотанным. Очевидно, до поздней ночи засиделись в ресторане на крыше.

Когда путешественники сошли с самолета, они ступили уже не на южноафриканскую землю – они прилетели в Зимбабве. Температура уже поднялась выше тридцати градусов, и в воздухе не ощущалось ни малейшего движения. Нанятый микроавтобус уже ждал их возле терминала. Когда все пассажиры расселись, и багаж был уложен, Луандре сел за руль и повез их к водопаду Виктория. Через какое-то время Питер взял микрофон:

– Ну что ж, дорогие друзья. Мы с вами на пути к водопаду Виктория. Его первооткрыватель, миссионер Дэвид Ливингстон, окрестил этот водопад в честь королевы Виктории. Но у водопада, конечно, уже было местное имя – Моси-оа-Тунья – что означает «Гремящая дымка». И он действительно гремит. Вода со страшным грохотом срывается со ставосьмиметровой высоты. Поэтому я хотел бы рассказать вам все основное прямо здесь и сейчас – наверху мы друг друга не услышим.

Договорив, гид покосился на Мод, которая устроилась в первом ряду. Само собой, она и виду не подала, что заметила его взгляд.

– Водопад находится на реке Замбези, на границе между Ливингстоном в Замбии и Викторией Фоллз в Зимбабве. Насыщенный

влагой туман стелется над равниной у подножия водопада, благодаря чему там с течением времени вырос удивительный тропический лес.

– Там обитают уникальные виды птиц, – вставил Ларс Хоканссон.

Мод фактически впервые услышала, как Ларс произносит законченное распространенное предложение. «Этот точно с приветом», – подумала Мод.

Питер не выказал ни малейшего недовольствия из-за того, что его прервали, напротив, с улыбкой закивал и продолжил:

– Мы пробудем у водопада несколько часов. Там же мы сможем пообедать. Затем Луандре отвезет нас на пару миль вниз по течению. Там ждет у причала наше круизное судно «Королева Замбези». На борту нам подадут традиционный пятичасовой чай. Ровно в пять, не пропустите! После чая мы с вами снова встретимся, и я вам расскажу чуть больше.

Водопад Виктория и вправду оказался тем грохочущим великаном, каким описал его Питер. Группа туристов Саут Африка Гран Тур вместе с другими путешественниками поднялась на мостик над ущельем, откуда открывался вид практически на весь водопад. Тропический лес изобилует пышной зеленью, и супруги Хоканссон вместе со своими птичьими справочниками, биноклями и камерой с телескопическим объективом скрылись в его зарослях.

Когда группа собралась вместе, чтобы пообедать, их ожидал приятный сюрприз. Луандре накрыл стол, выставив вино, пиво и воду, заботливо нарезанные пироги, конвертики из тонкого теста с разнообразными начинками, а также свежие и вяленые фрукты. Белое вино было охлаждено до идеальной температуры и оказалось очень вкусным, несмотря даже на то, что пить его пришлось из пластиковых стаканчиков.

После вкусного обеда сил у них прибавилось, так что сытые и довольные они снова погрузились в автобус и поехали по дороге вдоль реки Замбези. Национальный парк Виктория раскинулся на первые четыре мили пути. Что касается животного мира, они смогли на расстоянии увидеть несколько слонов и жирафов, и едва не переехали молодого павиана, который внезапно выскочил на дорогу. Элизабет Карлетон утверждала, что видела, как за несколькими высокими валунами спрятался лев, но больше никто этого не заметил. «Если

подумать, во время *брааи* она выпила лишку, да и с утра выглядела сильно захмелевшей», – подумала Мод.

«Королева Замбези» на все сто оправдала свою репутацию роскошной яхты. На открытой верхней палубе располагался небольшой бассейн, вокруг которого были расставлены шезлонги. На первой и второй палубах оказалось 12 кают, каждая из которых располагала большим балконом с удобными шезлонгами. Обстановка в каютах была изысканная, и в каждой, конечно, были собственный душ и туалет. Мод вышла на свой балкон, выходящий на теневую сторону яхты. Со стоном наслаждения она опустилась на мягкое сиденье. Ей начинало казаться, что вокруг нее слишком много людей, с которыми она вынуждена общаться. Мод, конечно, осознавала, что все дело здесь в отсутствии у нее самой привычки находиться в обществе сколько-нибудь долго. В то же время, одиночество, и в первую очередь – тишина были необходимы Мод. Она закрыла глаза и прислушалась к голосам птиц, перемежавшимся криками обезьян. Звуки Африки. Прежде, чем Мод уснула, губы ее тронула улыбка.

Проснувшись, Мод взглянула на часы и поняла, что до пятичасового чаепития, которое Питер советовал не пропускать, оставался час. Едва подумав про гида, Мод заметила его прямо за окном. Он шел по тропинке, но внезапно свернул с нее, и исчез среди валунов и кустарника. Находиться в лоне африканской природы для Питера было привычно, так что он не нуждался в компании для прогулок. Возможно, он был вооружен. Так или иначе, с ним все будет в порядке. Но вот самой Мод необходимо было немного размять ноги, прогулявшись по пляжу – это она должна была успеть. В целях безопасности Мод снова прихватила трость. Ведь никогда не знаешь, с чем столкнешься, гуляя по берегам Замбези.

Первым, что увидела Мод, сойдя с трапа, была спина ректора Фредрика Зиандера. Он легко шагал по тропинке, и вскоре скрылся за поворотом. За ним чуть более степенно следовал Ларс Хоканссон. Казалось, он прямо на ходу щелкает своим объективом. Странно было видеть его не в компании супруги, но та, вероятно, решила отдохнуть, пока не пришла пора пить чай, – рассудила Мод. Ей не показалось, что эти двое идут куда-то вместе, скорее каждый шел по своим делам. Так как они оба направились в одну сторону, Мод приняла решение идти в другую.

Риск нарваться на крокодила или бегемота был минимален, потому что они предпочитали держаться верхнего течения реки, у водопада. Но были и другие животные, которых следовало остерегаться. Пройдя около километра, Мод заметила толстую змею, которая без всякой спешки свивала кольца посреди дороги. Мод узнала змею – это была шумящая гадюка. Таких змей Мод уже встречала, и знала, что их нужно остерегаться. Гадюку легко раздражить, и она сразу нападет, если ее потревожить. Что было хуже – если вы встретили одну гадюку, значит, поблизости есть и другие. Элизабет Карлетон, к тому же, рассказывала про льва... Обычно Мод не пугала встреча с дикими животными, но она вынуждена была признать, что определенный страх перед змеями у нее присутствовал. И несмотря на то, что охотятся обычно львицы, голодный самец тоже не прочь будет воткнуть когти в сухонькую старушку. Кажется, идея прогуляться была не самой блестящей. Мод решила вернуться назад, и посидеть с книгой на балконе.

Пассажиры яхты собрались в баре за несколько минут до назначенного времени. Маленькая группа туристов Саут Африка Гран Тур окружила Питера и Луандре. Мод тут же заметила, что Фредрик Зиандер и Ларс Хоканссон не пришли. За соседним столом сидели туристы из французской группы.

Питер не преувеличивал, этот пятиминутный чай оказался действительно чем-то особенным. На барной стойке красовались большие блюда с вкуснейшей выпечкой и разнообразными лакомствами на один зубок. Чай подали в широких пиалах тонкого фарфора. На выбор предлагалось несколько сортов: красный ройбуш, зеленый китайский, черный кенийский и привычный эрл грей. Мод, разумеется, иногда пила чай, но все же предпочитала кофе. Однако кенийский чай и все эти крошечные лакомства совершенно покорили ее сердце. Мод позволила себе насладиться от души. По этой причине прошло целых полчаса, прежде чем до нее дошло, что Зиандер и Хоканссон так и не объявились. Мод потянулась через низкий столик и заново наполнила свою пиалу, внезапно встретившись взглядом с Сюзанной Хоканссон.

– Я видела, как ваш супруг выходил отсюда с камерой около четырех часов. Он еще не вернулся? – нейтральным тоном спросила Мод, стараясь не выдать своего любопытства.

Сюзанна закатила глаза и улыбнулась:

– Ему показалось, что на реке по пути сюда были цапли-голиафы. Где-то в километре вверх по течению, по его прикидкам. Но очевидно, цапли оказались дальше. Или он вообще ошибся. Цапли вообще могли улететь. А он мог наткнуться на что-то более интересное. Откуда мне знать?

Сюзанна пожала плечами, и со своей тарелкой отправилась за добавкой. Уже на пути назад она замедлила шаг и остановилась, как вкопанная, неотрывно глядя в направлении входа. Мод проследила ее взгляд. В дверях стоял перепачканный с ног до головы Ларс Хоканссон, на лбу которого зияла кровоточащая рана. Руки у него тоже были в крови, в одной из них он держал телескопический объектив. Ларс горестно взглянул на жену.

– Я упал... объектив разбился, – еле слышно пробормотал он.

Сюзанна Хоканссон поставила свою тарелку на ближайший столик и бросилась к мужу. Питер тоже встал на ноги.

– Давайте отведем его к штурману. Он кое-что смыслит в медицине, – предложил Питер.

И все трое скрылись на половине экипажа.

Вернулись в бар они уже в компании Фредрика Зиандера. Одна рука у того была перемотана бинтом. У Ларса были забинтованы обе руки, а на лбу красовался большой кусок пластыря.

– Что с вами произошло? Вы подрались? – с хриплым смехом спросила Элизабет Карлетон.

Вместо пострадавших ответила Сюзанна Хоканссон:

– Когда мы пришли в медпункт, там уже был Фредрик. Его покусал... неважно, кто бы это ни был. А бедный Ларс свалился с прибрежного склона и чуть не упал в реку!

– Но зато я заполучил прекрасное фото цапли-голиафа, – вставил ее супруг.

– Кто же тебя укусил? – не унималась Элизабет, ободряюще глядя на Фредрика Зиандера.

Он покачал головой.

– Никто не кусал. Маленькая зеленая мартышка прыгнула на меня, когда я собирался съесть кусочек вяленого манго, который остался у меня с обеда. Она поцарапала меня, и отобрала манго. Так что штурман обработал мои раны йодом, и тщательно перевязал.

Зиандер с улыбкой продемонстрировал всем свою пострадавшую правую руку.

Мод обратила внимание на то, что оба мужчины успели переодеться. Несмотря на свои приключения, оба выглядели бодрыми и свежими. С отменным аппетитом они принялись уминать все поданные к чаю вкусности. Вероятно, с ними все было в полном порядке.

На следующее утро, услышав шум мотора, Мод поняла, что яхта уже отошла немного вниз по течению. Придя в бар, где также должны были подать завтрак, Мод поняла, что встала одной из последних. Завтракать собирались только она и еще трое французских туристов. Больше никого не было видно. Наверняка все уже поднялись на прогулочную палубу. Или сидели у себя на балконах, разглядывая природу по берегам реки.

В общем-то, это было единственное развлечение. Кто-то купался в бассейне или загорал на удобных шезлонгах, кто-то решил поближе познакомиться друг с другом, потягивая напитки в тени большого тента, натянутого над частью палубы. Мод в основном сидела у себя на балконе. Оттуда она смотрела на зебр, жирафов, разных антилоп и целые стаи обезьян. Если Мод хотелось пить, она брала то, что ей нужно, из небольшого холодильника у себя в номере. Это было удобно. Но, если совсем честно, Мод становилось скучновато.

На другой день ранним утром яхта повернула обратно, и теперь следовала вверх по течению, к тому месту, откуда они отплыли. Когда около трех часов пополудни они пристали к берегу, у причала их уже поджидали несколько полицейских в форме. Прежде, чем кто-то успел сойти на берег, один из полицейских – видимо, старший по званию – взошел на борт.

– Я – интендант уголовной полиции Сдumo Мапаила. Никому не разрешается покидать судно, пока мои люди не побеседуют со всеми вами, – сурово проговорил он.

– Но нам нужно успеть на самолет, – попробовал возразить Питер.

– Значит, полетите следующим рейсом, – процедил интендант, смерив гида ледяным взглядом.

В течение трех часов велся допрос всех без исключения пассажиров мужского пола. У женщин лишь поинтересовались, не слышал или не видел ли кто-то из них чего-то странного, но те ничем не смогли помочь полиции. За исключением, вероятно, одной Мод, но

та предпочитала держать при себе свои наблюдения. Она старалась без необходимости не привлекать внимания полиции. Из того, что стало известно в ходе допроса, пассажиры сделали вывод, что произошло изнасилование очень юной девочки. Судя по всему, она серьезно пострадала. «Просто неслыханно», – подумала Мод. Она знала, конечно, что в южной части Африки изнасилования – обычное дело. Некоторые ВИЧ-инфицированные африканские мужчины верят, что половой акт с юной невинной девочкой избавит их от заразы. Так почему же полиция подозревает мужчин с борта «Королевы Замбези»?

Сюзанна Хоканссон выслушала рассказ своего несчастного супруга. Полиция крепко прижала его по причине ран. Однако он смог показать им место, где свалился с обрыва, и полиция обнаружила следы крови на камне, о который Ларс ударился лбом. Очевидно, это место оказалось довольно далеко от того, где произошло преступление.

Жертвой оказалась одиннадцатилетняя девочка – дочка одного из членов экипажа «Королевы Замбези». В двух километрах от берега было небольшое поселение, в котором жили семьи некоторых членов команды. Девочку изнасиловали и нанесли удары по голове. Нападение произошло во второй половине дня, ближе к вечеру, в тот самый день, когда яхта стояла пришвартованная у пристани. Девочка очнулась лишь на следующее утро. Она ничего не помнит ни о нападении, ни об изнасиловании. Единственное, что она все время повторяет – это слова «белый мужчина». Более детального описания она дать не в силах.

Полиция покинула судно в районе шести часов вечера. Очевидно, подозреваемых на борту не нашлось. Однако все пребывали под впечатлением от событий последних часов. В бар, где собралась группа Гран Тур, пришел Питер.

– Я поговорил с капитаном, и он разрешил нам всем провести ночь на борту, так как последний рейс мы пропустили. Вечером нас накормят ужином. Но завтра нам нужно выехать отсюда уже в пять часов утра, чтобы вылететь первым рейсом. Кок приготовит для нас бутерброды, чай и кофе. Так что если вы хотите позавтракать, не забудьте захватить это с собой, потому что следующая возможность поесть появится, только когда мы приземлимся в Йоханнесбурге, – объявил гид.

Мод впервые заметила следы усталости на лице юного гида. Усталость слышалась в его голосе и читалась во взгляде.

Около восьми часов вечера все собрались выпить перед ужином, но подавленное настроение никуда не делось. Притихшие, они поужинали, и большинство сразу же разошлось по своим каютам.

Ровно в пять часов утра участники туристической группы Саут Африка Гран Тур сидели в автобусе, держа в одной руке по бутерброду, а в другой – картонный стакан с горячим кофе навынос. Все выглядели уставшими, и никто даже не пытался завязать беседу.

Обратный полет в Йоханнесбург прошел без приключений. Их автобус стоял на своем месте возле терминала. Луандре залез внутрь и завел мотор. Путешественники уже привычно сложили свои сумки в багажный отсек. Всеми словно овладело желание поскорее бежать от какой – то неведомой опасности.

Питер взял микрофон и попытался изобразить на лице улыбку.

– Теперь мы с вами наконец-то отправляемся в центральную часть парка Крюгера. Жить мы с вами будем в лагере «Ройял Сафари Кэмп» – это частный кемпинг, расположенный в районе Ходспруит. Условия проживания там просто фантастические, а сам кемпинг практически граничит с парком Крюгера. Там имеется бассейн, а все номера оборудованы по высшему разряду. В окрестностях располагается множество ресторанов на любой вкус. Ваша система «все включено» распространяется на обслуживание в любом из этих ресторанов.

– Только теперь, выходит, мы пропустили целый день в этом сказочном кемпинге, – со значением глядя на гида, оборвала его Элизабет Карлетон.

В этом она была совершенно права. «На это точно стоило указать», – пронеслось в голове у Мод, которая была рада поступку Элизабет.

Питер выглядел озадаченно, но постарался это скрыть.

– Да, само собой, вы получите компенсацию... в каком-то виде. Мне необходимо переговорить с главным офисом в Кейптауне. Мы все организуем, когда прибудем на место.

Во время поездки Мод услышала, как Мортен Йенсен предлагает Ларсу Хоканссону воспользоваться своей камерой – ведь его собственный объектив разбился при падении. Ларс запротестовал, аргументируя тем, что камера понадобится самому Мортену. Датчанин звонко засмеялся и ответил, что хоть камера и была только что куплена, для него она оказалась слишком навороченной. К тому же, к ней

прилагались целых два отличных объектива, которые Мортен даже не смог приспособить на нужное место. Единственное условие, – добавил Мортен, – Ларс должен потом скопировать все свои прекрасные снимки и переслать Мортену. Ларс был очень воодушевлен, и не знал, как благодарить соседа.

– Просто пришли мне фотографии, и будем в расчете, – со смехом повторил Мортен, вручая Ларсу свой дорожный Canon.

Остаток времени в поездке Ларс провел за изучением камеры, и исследовал все ее возможные функции. С его места то и дело сверкали вспышки. Путешествие было спасено, теперь Ларс снова сможет фотографировать птиц. «Только теперь ради Мортена ему еще придется размениваться на всяких львов и слонов», – подумала Мод.

Когда автобус вырулил на площадку перед главным зданием «Ройял Сафари Кэмп», все издали вздох облегчения. Лагерь состоял из низких каменных домиков с травяными крышами, которые обступили большое двухэтажное строение. На расстоянии нескольких метров от большого дома сверкала гладь широкого бассейна. В главном здании, как оказалось, располагались рецепция, бар, спа, оздоровительный центр, спортивный зал, несколько магазинов одежды и сувениров, прачечная для гостей и химчистка.

«Кто, черт побери, станет сдавать одежду в химчистку во время путешествия?» – фыркнула Мод себе под нос. В ее представлении настоящее сафари должно быть... первобытным. Пустынная саванна, заросли буша у палатки, разговоры у костра по вечерам, ранний отход ко сну и ранний подъем, чтобы наблюдать за жизнью диких животных.

Единственное, что соответствовало ожиданиям Мод – это ранний подъем. На другой день их разбудили еще до того, как встало солнце, и туристы, наскоро одевшись, поспешили занять места в двух больших открытых джипах. В каждой машине помещалось пять человек, включая водителя, который по совместительству был их гидом. Мод выпало ехать с Фредриком Зиандером и Элизабет Карлетон. Эти двое воображали, что Мод совсем не замечает, как сплетаются на заднем сиденье их руки. Сама Мод устроилась на пассажирском сиденье рядом с гидом. Тот представился, как Сирил Мбеки. В Сириле было почти два метра роста, и сложения он был могучего. Когда Элизабет спросила, что он станет делать, если на них нападет дикое животное, Сирил продемонстрировал огромное ружье, пояснив при этом, что случая им

воспользоваться ему еще не представилось. Мод была совсем не уверена, что Сирил говорит правду, но решила не развивать тему.

Оба джипа выехали одновременно. Уже через четверть часа они увидели стадо буйволов, которые, по словам Сирила, направлялись на водопой, к какому-то искусственно созданному источнику воды. Когда машины медленно подъехали к источнику, стало ясно, что на водопой пришли еще и зебры с импалами. Чуть поодаль четыре жирафа меланхолично обедали ветви акаций.

Сирил взял бинокль, и стал обозревать окрестности источника. Внезапно он замер, интенсивно вглядываясь в точку рядом с жирафами.

– Направьте бинокли на жирафов, – тихо скомандовал он.

Пассажиры послушно выполнили команду.

– Сместите фокус немного влево. Смотрите в кустарник под большой акацией. Что-нибудь движется?

В нужном месте Мод заметила медленное текучее движение. Львица. А за ней – еще одна.

– Лев! – в восторге полушепотом воскликнула Элизабет.

– Держите бинокли наготове, – предупредил Сирил.

В течение нескольких минут ничего не происходило, но Мод видела, как большие кошки осторожно передвигаются под защитой кустарника.

Маленький жеребенок зебры стал щипать траву у плотины. Тут, словно по невидимому сигналу, кустарник пришел в движение, и оттуда выскочили три львицы. Они схватили жеребенка – шансов у него не было никаких – и быстро его прикончили.

В соседнем джипе Ларс Хоканссон уже давно настроил самый большой объектив, и теперь вовсю щелкал.

– Черт побери! – выругалась Элизабет Карлетон.

Мод подумала, что как зубной врач Элизабет должна была бы давно привыкнуть к виду крови. Сюзанна Хоканссон вскинула руки ко рту, но промолчала. Единственными звуками в тишине были щелчки затвора камеры в руках Ларса.

После львиной атаки среди животных у водопоя началась паника, и вскоре стадо разбежалось в разные стороны. Когда хищники расправились со своей добычей, стадо быстро вернулось обратно. Покой был восстановлен.

– Такова жизнь. И смерть, – лаконично подытожил Сирил.

Из трех утренних сафари, на которых побывала Мод, это оказалось самым драматичным. Путешественники смогли увидеть и слонов, и буйволов, и льва, и носорога, и даже леопарда. Иными словами, Большую Африканскую Пятерку. «Вот и славненько», – решила Мод. Она никогда не любила вставать спозаранку, и сейчас, накануне девяностолетия, не собиралась менять свои привычки. По этой причине в оставшиеся два утра она вместо сафари спала у себя в номере. Если верить Сирилу, самое удивительное – то, что им удалось увидеть носорога, потому что браконьеры беспощадно их истребляют. Велики шансы, что вид вообще исчезнет. Та же судьба может постигнуть и слонов. Животных истребляют ради рогов и бивней, – так со всей серьезностью сказал им гид.

В Новый Год утреннего сафари не было. Что было очень даже кстати, поскольку большинство гостей Ройял Сафари Кэмп нуждались в хорошем отдыхе после ночного празднования. Как и в Йоханнесбурге, они были приглашены на большой *брааи*. В этот раз один из местных ресторанов закатил гриль-вечеринку. Среди гостей были туристы со всех уголков света, и несколько южноафриканцев из Йоханнесбурга, которым захотелось немного подышать свежим воздухом и побывать на сафари. Они устроились за одним столом с Мод и ее товарищами по путешествию. Элизабет Карлетон пребывала в лучезарном настроении – наступил ее пятидесятый день рождения. Она много раз повторила, какой это для нее прекрасный праздник, и постоянно заказывала шампанское.

Последующие дни проходили спокойно. Мод ходила на spa-процедуры, прогуливалась в окрестностях лагеря, или же читала у себя на лоджии. Она приобрела привычку заказывать обед и ужин в номер. Стоило это ей лишь несколько дополнительных рандов, но оно того стоило. Конечно, все в группе казались Мод довольно милыми людьми, но столь активное общение Мод находила утомительным. В этой роскошной жизни были, конечно, свои прелести, но Мод заскучала. Она уже стремилась в Кейптаун. Этот город ей очень нравился, и Мод давно мечтала побывать там еще разок. И это впечатление Мод желала пережить в одиночестве, если это вообще возможно!

Кейптаун приветствовал группу солнечной погодой. Когда Луандре повел их к автобусу, над автостоянкой дул теплый, но довольно сильный ветер.

– Этот ветер зовется Кейп Доктор. Считается, что он разгоняет все загрязняющие вещества. Ветра дуют здесь только летом, – просветил их Питер.

Мод первой забралась в автобус и заняла местечко у окна за спиной Луандре. Наконец-то они добрались до Кейптауна! Мод во что бы то ни стало хотела ничего не упустить. Точно так же, как было в Йоханнесбурге, трансфер до отеля был совмещен с короткой обзорной экскурсией по городу. За прошедшие пять лет кое-что изменилось, констатировала Мод, однако в целом она все хорошо помнила.

Отель располагался в районе Грин Пойнт, неподалеку от Вотерфронта. Отель был шикарный, и построен совсем недавно. Мод достался номер на одиннадцатом этаже, из окон которого открывался вид на сверкающий под солнцем Атлантический океан. Обстановка в номере была стильной и современной. На стенах были развешаны броские работы новых африканских художников. Несмотря на это, Мод с тоской вспоминала небольшой отель, скорее даже пансионат, в котором она останавливалась в прошлый раз. Хозяев звали Джон и Сизи Мотланте. Они вместе занимались домом и заботились о постояльцах. Комнаты там были просторными и уютными, а на подоконниках были расставлены горшки с цветами. Каждое утро Сизи подавала великолепный завтрак – она накрывала стол на большой застекленной веранде. Мод очень приятно провела там неделю. Ей понравились оба – и Джон, и Сизи. Им сейчас должно быть около шестидесяти. Возможно, стоит их навестить? Почему бы и нет? Мод решила иметь это в виду, на случай, если окажется в той стороне.

Мод разложила те немногие вещи, что были у нее в сумке, и переделась к коктейлю и последующему ужину. Кинув беглый взгляд на программку, Мод со вздохом констатировала, что их снова ждет *брааи*. Конечно, мясо на гриле и все такое прочее – это очень вкусно, но для вечерней трапезы такая пища чересчур тяжела. Мод предпочла бы легкие блюда из рыбы или ракообразных. Их она ненасытно поела в прошлый свой приезд.

Во время коктейля, который был организован в баре, Питер Бут объявил:

– Завтра во второй половине дня у вас будет свободное время. Прежде, чем мы все разойдемся, нам предстоит пообедать в ресторане «Якорь». Он отмечен на карте, в самом конце ваших программ. А до

того, в одиннадцать часов, у нас с вами экскурсия в музей бриллиантов Шимански. Не пропустите!

Мод как раз это и намеревалась сделать. Бриллианты никогда не входили в сферу ее интересов. Очень велика была вероятность, что и обед она тоже пропустит, но это было еще не точно. Мод остановила Питера, когда все уже собрались идти на *брааи*.

– Я не пойду с вами в музей бриллиантов.

– Но нас туда везет Луандре, – возразил Питер.

– Тем не менее, я не поеду, – уверенно повторила Мод.

– Но на обед вы придете?

– Посмотрим... как я буду себя чувствовать, – слегка усталым голосом проговорила Мод.

Питер кивком дал понять, что принял информацию к сведению. Престарелой даме может потребоваться какое-то время, чтобы собраться с силами под конец такого масштабного путешествия.

На следующее утро Мод проснулась рано. Она чувствовала себя бодрой и выспавшейся. Все внутри нее горело от нетерпения. Сейчас ей стало совершенно ясно, что целью ее путешествия был именно Кейптаун. Конечно, все остальное было интересно, но именно сюда она стремилась душой.

Съев превосходный завтрак, Мод вышла на улицу. Погода стояла весьма приятная: солнце, 23 градуса тепла, которые в течение дня должны были вырасти до 26. *Кейп Доктор* сменился нежным бризом. Слегка опираясь на свою трость, Мод прогулочным шагом отправилась в сторону Ватерфронта. Это место с сотнями магазинов – настоящий рай для шоппинга. Собственно, Мод привлекал там не шоппинг, а близость к воде. От пристани отходили экскурсионные кораблики, которые предлагали туры вокруг гавани или к острову-тюрьме Роббен Айленд, где сидел в свое время Нельсон Мандела. Остров Мод уже видела, когда была в Кейптауне в первый раз. Она стала не спеша прогуливаться вдоль пристани. Так чему же Мод собиралась посвятить свой день? В голове ее снова всплыла идея навестить Джона и Сизи Мотланте в их замечательном пансионате. Без долгих раздумий Мод решила, что так и поступит.

На автобусе «Hop-on-Hop-off» Мод добралась до центра. Она купила билет на весь день – так ей казалось проще. Передвигаться по городу на туристическом автобусе – не быстро, но так Мод чувствовала

себя увереннее. Автобус повернул в сторону университета, и оттуда Мод пришлось проехать два оставшихся километра на городском транспорте.

Оказавшись перед высокой кованой оградой, Мод удивленно заглянула во двор – ей показалось, что в доме слишком тихо. Таблички с названием отеля не было. Неужто Джон и Сизи больше не владели этим домом? А немного поодаль от пансионата вырос новый двухэтажный дом. Первый этаж его щеголял просторной застекленной верандой, а на втором этаже над верандой была устроена терраса. Это был красивый кирпичный дом. Мод долго стояла, обозревая окрестности, и не решаясь войти.

– Миз Мод?

Голос за спиной заставил Мод вздрогнуть. Обернувшись, она обнаружила позади себя Сизи. Та похудела и состарилась, но ее все же можно было легко узнать. В обеих руках Сизи держала сумки с продуктами.

– Добрый день, Сизи... Я снова приехала в Кейптаун... и решила вас навестить, – выдавила Мод.

Сизи поставила сумки на тротуар, подошла к Мод и, распахнув объятия, заключила в них старушку. Мод остолбенела, но в то же время ощутила, как потеплело на душе. Реакция Сизи ее удивила. Они не виделись пять лет, и не поддерживали связь ни по обычной, ни по электронной почте. Тем не менее, Сизи узнала Мод, и, очевидно, была рада новой встрече. Вот только когда Сизи отпустила ее, Мод заметила, как по щекам женщины текут слезы. Прежде, чем Мод успела что-либо спросить, Сизи сама заговорила плачущим голосом:

– Миз Мод, с нами столько всего случилось... Столько всего.

Она запнулась, медленно покачала головой и, прежде чем снова заговорить, какое-то время глядела на Мод.

– У меня на обед жареный цыпленок с овощами. Нужно только разогреть. Буду рада, если вы составите мне компанию.

– С удовольствием, – ответила Мод, не успев даже подумать.

Вслед за хозяйкой она вошла в притихший дом. Насколько могла видеть Мод, внутри ничего не изменилось. Сизи попросила посидеть на веранде, пока она накроет на стол.

Мод разглядывала цветущий сад. Какой-то старик ходил вокруг клумб, и поливал цветы из шланга. Лужайку огибала высокая ограда с

острыми, как пики, наверхиями. Единственный вход был через кованые ворота. Конкретно этот район, между Вудстоком и Обсерваторией, считался тихим и спокойным, но так как общий уровень преступности в Кейптауне был высоким, горожанам приходилось изобретать способы защитить себя и свое имущество, – размышляла Мод.

На веранду вышла Сизи, держа в каждой руке по тарелке. От еды соблазнительно пахло, и Мод внезапно ощутила, как сильно она успела проголодаться. Это было странно, учитывая съеденный ею плотный завтрак. Они приступили к еде, и разговор вертелся пока что вокруг впечатлений Мод от посещения северной части страны. После еды Сизи сварила кофе, к которому подала шоколадное печенье. Снова усевшись на стул, она подняла на Мод полный грусти взгляд.

– Мой Джон умер... инфаркт... в ноябре. Он не был болен... Вот еще только что он был здесь, со мной. А в следующее мгновение он уже... умер, – треснувшим голосом произнесла Сизи.

За этими словами ненадолго воцарилась тишина, а потом Сизи стала рассказывать, что произошло за прошедшие пять лет. Новый двухэтажный дом был построен для того, чтобы они сами смогли переехать туда. Он был готов еще четыре года назад. Два этажа в нем потому, что их единственный сын Блейд вместе со своей маленькой семьей тоже собирался там жить. Прежде семейство Мотланте занимало три комнаты на верхнем этаже пансионата, а Блейд с семьей жили в тесной съемной квартирке в центре Вудстока. Теперь же их квартира на верхнем этаже пансионата была переделана в четыре комнаты под аренду. Джон твердо собирался сворачивать отельный бизнес. Эта работа требовала двадцатичетырехчасового присутствия, к тому же приходилось держать немаленький штат. А в Вудстоке живет множество студентов – район расположен вблизи университета – поэтому пансионат легко можно было переделать в съемное студенческое жилье.

– Сейчас у меня двенадцать арендаторов, все – девушки. Они все очень работающие и старательные. Но у меня есть правила. Например, ворота закрываются в определенное время. И само собой, никаких мальчиков в комнатах. Никаких наркотиков или алкоголя. Того, кто нарушает хоть одно правило, я без промедления выселяю. Бизнес идет

хорошо. Девушки обслуживают себя сами. Проблема в том... что Джон умер. А Блейд переехал.

Сизи заново наполнила чашку Мод и свою собственную, и снова заговорила:

– Как вам известно, Блейд был политически активен еще с подросткового возраста, и вступил в ряды ANC^[12]. В университете он изучал политологию и английский язык. Там он и познакомился с Лаву. Но с ней ты, наверное, никогда не встречалась? – спросила Сизи.

– Нет, – согласилась Мод, покачав головой.

Мод помнила только Блейда, высокого молодого человека, у которого всегда находилась улыбка для каждого.

– Лаву – замечательная девочка. Они поженились, и у них родился мальчик, его назвали Джеймсом. Сразу после рождения сына Блейду предложили должность в партийной канцелярии в Претории. Хорошая зарплата. Конечно, он не мог отказаться, и они вот уже почти год, как переехали. Лаву тоже получила работу в канцелярии. Сейчас они снова ждут ребенка, и Блейд просит меня переехать к ним в Преторию. И я бы сама этого очень хотела. Они – все, что у меня осталось, и я хочу быть рядом со своими внуками.

Информации было слишком много. Мод некоторое время сидела молча.

– Что же тогда ты станешь со всем этим делать? – спросила Мод, жестом обводя вокруг.

– Продам, – с тяжким вздохом отозвалась Сизи. Мод, к собственному удивлению, опечалилась. Ей было жаль, что этот уютный уголок прекратит свое существование.

– Я уже подготовила все к продаже. Я хочу быстро оформить сделку, поэтому цену установила невысокую – четыре миллиона рандов. Это очень дешево, но по крайней мере эта сумма покроет мои долги. Строительство нового дома обошлось дороже, чем мы предполагали. А мой ежемесячный доход от сдачи комнат студентам – около сорока тысяч рандов.

«Как жаль, что я не могу его купить», – пронеслось у Мод в голове. На самом деле, она могла бы, если бы продала картину Андерса Цорна. В таком случае у Мод даже осталось бы несколько миллионов. Но сама идея показалась Мод безумной. Не может же она сюда переехать. Тогда здесь пришлось бы жить круглый год. А зимы в Кейптауне

одновременно холодные, дождливые и ветреные. А в Швеции в это время лето. А в возрасте Мод вообще можно в любой момент отдать концы. Мысли ее вновь подобрались к факту отсутствия наследников. Всеми ее деньгами станет распоряжаться Фонд Общественного Наследия, который распределит средства между различными организациями или направит на какие-то цели. Вот только Мод уже не будет принимать в этом участия, и ее мнения никто не спросит. Эта мысль привела Мод в уныние.

– Мод, вы должны меня извинить, но мне нужно идти. У меня запись к парикмахеру, – пояснила Сизи, взъерошив свои тронутые сединой волосы.

Мод немного проводила хозяйку. Сама она собиралась в природную аптеку, которая располагалась чуть дальше по улице. Пришло время приобрести очередную порцию «Силы жизни». Мод собиралась купить две бутылочки. Мортен Йенсен перевозносил эликсир выше всех похвал. Мод регулярно подливала напиток в его небольшой пузырек. Мортен строго следовал рекомендациям Мод: по 40 мл эликсира принимал по утрам, а при необходимости – такую же дозу и по вечерам. Мод и сама придерживалась такого режима.

Они с Сизи распрощались, наскоро обнявшись. Мод пообещала еще разок ее навестить перед тем, как вернется домой, на Север. Сизи вручила Мод свою визитку.

– На всякий случай позвоните заранее, чтобы я была дома, – сказала она.

Аптека устроилась в торговом ряду на первом этаже длинного здания, среди прочих лавок и магазинов. Мод уже было собралась толкнуть дверь аптеки, как внезапно в поле ее зрения оказалась чья-то знакомая спина. Что-то в походке этого человека привлекло ее внимание. Человек воровато огляделся по сторонам, одновременно ускорив шаг. Назад он не оглядывался, иначе определенно заметил бы Мод. В двадцати метрах впереди него шагала девчонка, едва ли даже подросток на вид.

Мод вспомнила, что видела в тот день, когда сидела на балконе своей каюты на борту «Королевы Замбези», пришвартованной у пристани.

Не раздумывая ни секунды, она выпустила дверную ручку и последовала за знакомой спиной.

Позади длинного здания с магазинами стоял большой ангар, стены которого были сделаны из гофрированной жести – вероятно, складское помещение. Девчонка проскользнула в узкий переулок между ними, и человек со знакомой спиной последовал за ней. Мод прибавила шагу, одновременно поудобнее перехватывая свою трость.

В тесном переулке воняло мочой и блевотой. У задних дверей магазинов стояли переполненные мусорные баки. На земле повсюду валялся всякий хлам и мусор. Свернув в переулок, Мод на мгновение остановилась, давая глазам привыкнуть к царившему там полумраку, и одновременно оценивая ситуацию. То, что предстало перед ее глазами, привело Мод в бешенство. Человек схватил девчонку и повалил на землю. Он зажал ее между мусорных баков, так что оттуда виднелись лишь ноги. Подкравшись поближе, Мод увидела, что девчонка лежала в полном оцепенении, а в глазах ее застыл животный страх. Одной рукой человек стаскивал с нее трусы, а другой крепко зажал девочке рот. В это мгновение Мод быстро подняла трость, взвесила ее в руке, и перехватила, взявшись за нижнюю часть, а потом взмахнула ею, словно клюшкой для гольфа, и та, описав красивую дугу, с глухим звуком впечатала мощный удар набалдашника прямо в висок злоумышленника. Насильник вздрогнул, а затем сразу обмяк. Мод изо всех сил постаралась оттащить тяжелое тело и, в конце концов, смогла сдвинуть его, освободив девочку. На всякий случай она еще разок приложила насильника тростью по голове, ударив в то же самое место.

Девочка так и лежала в оцепенении, полным ужаса взглядом взирая на Мод. Та, в свою очередь, на девчонку вовсе не смотрела. Внимание Мод было приковано к наручным часам насильника. Крупная, тяжелая вещь, с множеством настроечных головок и маленьких циферблатов. Вероятно, это были хронометры и прочие прикамбасы. Питеру Буту в ближайшее время часы не понадобятся. К тому же, все должно выглядеть, как обычное разбойное нападение. Мод поспешно нагнулась, стащила с гида часы и засунула в сумочку. Потом она повернулась к девчонке.

– Теперь все будет хорошо. Он больше не сделает тебе зла. Вот, возьми-ка меня за руку, – мягко произнесла Мод.

Девчонка всем телом задрожала.

– Идем. Я отведу тебя домой, – велела Мод спокойным уверенным голосом.

Все еще пребывая в глубоком шоке, девочка кивнула и взялась за протянутую Мод руку. Теперь Мод стало ясно, что несостоявшейся жертве было не больше одиннадцати-двенадцати лет. Одетая девчонка была в школьную форму – синяя юбка и белая блузка. «Сегодня, наверное, был первый день весеннего семестра» – промелькнула мысль в голове Мод. На земле валялась школьная сумка. Мод подняла ее и вручила девочке.

– Идем, пока он не очнулся, – повторила она, заговорщицки подмигнув девочке.

Большие темные глаза девчонки все еще излучали страх, но она снова кивнула, и стала пробираться к противоположному концу переулка.

Удача была на их стороне – очевидно, никто их не заметил. Выйдя на свет солнца и оказавшись на широкой главной улице, Мод старалась идти в том же темпе, что и остальные пешеходы. Ей приходилось сдерживать свою подопечную, чтобы та не переходила на бег трусцой. Престарелая дама с белыми волосами на безупречном английском вела беседу с маленькой темнокожей девочкой о том, как у той шли дела в школе, какие предметы ей нравились, а какие – нет. Никто из прохожих не обратил внимания, что девочка в ответ лишь кивала или качала головой. На самом деле, никто вообще не обратил внимания на странную парочку.

Они добрались до поворота на улицу Коронации. Девочка потянула Мод в переулок, по обеим сторонам которого стояли невысокие кирпичные здания, и остановилась перед высокими деревянными воротами одного из них. Она взшла на крыльцо и знаком позвала Мод за собой. Та с сомнением последовала. Девчонка была милая и славная, но ведь на самом деле Мод ничего о ней не знала.

Девчонка бегом бросилась к маленькому внутреннему домику и распахнула дверь. Обернувшись, она помахала Мод, призывая ее войти, а потом исчезла внутри. Мод сделала глубокий вдох и решительно вошла в дом девочки.

Внутри было жарко, несмотря на то, что вторая линия домов стояла в тени высоких зданий первой линии. Возможно, причиной послужила горячая духовка – в доме аппетитно пахло свежей выпечкой. Потолок был низкий, Мод едва могла стоять прямо. За маленьким столиком возле окошка сидела женщина и читала книгу. Мод не сразу

поняла, что женщина сидит в инвалидной коляске. Девочка обнаружилась за ее спиной. Она стояла, обнимая женщину за шею. Почти вплотную прижав губы к материнскому уху, девчонка что-то жарко зашептала той на африкаанс. Обе они расплакались, но женщина быстро вытерла слезы и улыбнулась Мод.

– Спасибо вам, дорогая, за то, что спасли мою малютку. Я вам так бесконечно благодарна! – дрожащим голосом проговорила хозяйка дома.

– Само собой, я вмешалась. Я не могла поступить иначе, – ответила Мод, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу.

Улыбка женщины сделалась еще шире.

– Возможно. Но то, что белая дама вашего возраста так стукнула по голове молодого белого мужчину, что тот потерял сознание – это едва ли ординарное событие. Вы отважная женщина. Подойдите ближе, будьте добры.

В лучшем случае он просто вырубился. Но вероятность, что все гораздо серьезнее, была велика. Мод знала, что в эти два удара по виску Питера она вложила всю свою силу. Она подошла к столу и пожала протянутую руку.

– Меня зовут Бантуна М’Бата, а это – моя младшая дочь Саку. Она поклялась мне всеми святыми больше никогда не ходить через тот переулок, – сказала женщина.

Саку отпустила мамину шею и подошла к Мод. Она взяла старушкину правую руку, легонько ее пожала, поднесла к губам и поцеловала.

– Спасибо вам. Благослови вас Господь, – произнесла девчонка по-английски.

Мод не знала, какой реакции от нее ожидают, поэтому просто приняла это выражение благодарности. Взгляд ее упал на крупное распятие, которое висело на стене за спиной Бантуны. Под распятием стоял невысокий стеллаж, весь уставленный книгами. Сверху лежала Библия и несколько томиков Псалтыри. Все жилище состояло из одной-единственной комнаты, двадцати пяти – тридцати метров площадью, по прикидкам Мод. В одном углу стояла низкая мойка, а рядом с ней примостилась древняя плита с двумя конфорками и малюсенькой духовкой. Над раковиной возвышался кран с единственной ручкой. Очевидно, вода в этом доме была только холодная. Над плитой и

мойкой висел шкафчик с распашными дверцами. Около него виднелось вентиляционное окошко. В противоположном конце комнаты в ряд стояли две кровати. Под одной из них Мод разглядела выкатное спальное место, а под другой – два пластиковых контейнера. В них, вероятно, хранили одежду. Из прочей обстановки в комнате были лишь маленький обеденный столик и два стула. На цементном полу не было ковра, и Мод догадывалась, почему. Бантуне нужно было свободно передвигаться на своем кресле. Вся комната была безукоризненно чистой.

Прежде, чем кто-то из них успел что-то еще сказать, дверь снова распахнулась. Обернувшись, Мод увидела в дверном проеме стройный женский силуэт. Вошедшая что-то удивленно произнесла на африкаанс. Бантуна ответила ей по-английски:

– Эта добрая женщина спасла Саку от насильника.

Молодая женщина вошла в комнату и представилась. Ее звали Зенсиль. Она села и выслушала всю историю с самого начала. Пока Бантуна рассказывала, Саку за руку подвела Мод к столу и предложила сесть на второй стул, а сама тем временем метнулась в кухонный уголок и поставила на плиту кастрюлю с водой. Из шкафчика девочка достала керамические чайные чашки и маленькую фарфоровую баночку с крышкой, которую поставила на стол. Когда девочка подняла крышку, стало видно, что внутри лежат несколько кусочков сахара.

– К несчастью, у нас только ройбуш. Вы такой пьете? – тихим голосом спросила Саку.

Если к чему и питала отвращение Мод, то как раз к красному чаю. Однако хорошее воспитание сидело у нее в подкорке, поэтому Мод с улыбкой ответила девочке:

– С удовольствием, большое спасибо.

Саку достала немного оббитый по краям заварочный чайник белого фарфора, и насыпала красного чая в ситечко. Пока закипала вода, Саку переложила свежее выпеченные сконы с небольшого противня, накрытого полотенцем, на блюдо, и поставила его на стол. К сконам Саку подала апельсиновый конфитюр и желе из манго.

– Это мама испекла, – с гордостью произнесла девочка.

– К сожалению, к чаю у нас нет молока, потому что в доме нет холодильника, – извиняющимся тоном проговорила Бантуна.

– Ничего страшного. Я не пью чай с молоком, – ответила Мод.

Сконы оказались потрясающе вкусными. Несмотря на то, что Мод уже успела плотно отобедать, она ухитрилась съесть целых две штуки. В это время Бантуна поведала ей свою печальную семейную историю.

Два года назад восемнадцатилетний сын Бантуны, Нельсон, получил водительские права. Чтобы отпраздновать это событие, он решил пригласить всю семью прокатиться в небольшой ресторанчик по дороге на Стелленбош. Папа Сидумо пообещал оплатить счет, и сел на переднее сиденье, рядом с сыном, а Бантуна с дочерьми втиснулись на заднее сиденье семейной машины. Уже на подъезде к ресторану они столкнулись с грузовиком, который внезапно вырулил на чужую полосу. Избежать столкновения не было никакой возможности. Оба сидевших спереди мужчины скончались на месте, а девочки серьезно не пострадали – Саку сломала руку, у Зенсиль было сотрясение мозга и сломаны несколько ребер. У Бантуны оказался сломан позвоночник. Уже несколько дней спустя, в больнице, стало очевидно, что она навсегда останется парализованной ниже пояса.

Семья получила страховые выплаты, которых хватило на покрытие расходов на лечение, но не на реабилитацию. Через несколько месяцев им пришлось продать дом. Единственное жилье, которое они теперь могли себе позволить – вот этот крошечный домик. Так как Бантуна работала экономистом в фирме, офис которой располагался на втором этаже здания без лифта, ее уволили, еще пока она лежала в больнице. С блестящими от слез глазами Бантуна продолжала:

– Мы живем на деньги, вырученные от продажи дома, и они уже на исходе. Поэтому Зенсиль пришлось бросить учебу в университете и пойти работать.

Мод встревожилась. В ее представлении лишь образование давало женщине шанс на независимость.

– А как у Саку дела в школе? – спросила она.

– У нее нет никаких проблем. Саку еще получает обязательное образование, а государство платит пособия школьникам. Выходит около пяти тысяч рандов на семестр. Она у нас очень умненькая – высшие оценки почти по всем предметам.

Мод задумалась, а затем повернулась к Зенсиль и спросила:

– Сколько же стоит оплатить обучение за семестр в университете?

– От двадцати до двадцати пяти тысяч рандов, – тут же отозвалась та.

Конечно, для этой семьи сумма была неподъемной. Просто невозможной.

– А что ты изучала в университете? – снова спросила Мод.

– Английский и французский. Я говорю на африкаанс и очень прилично на коса. Английский я учила с пятого курса, а французский – еще со времен гимназии. Но я хочу учиться дальше, и выучиться на преподавателя иностранных языков.

Силуэты Бантуны и ее девочек медленно расплывались перед взором Мод, а на их месте проступала другая картина. В кресле сидела другая женщина, а с обеих сторон стояли ее дочери. То была их милая, слабая, бледная мать. С одной стороны от нее вполоборота стояла Шарлотта, с другой же прямо в камеру серьезно глядела сама Мод. Это фото цвета сепии стояло в рамочке на комодке в спальне Мод. Фото было сделано через пару месяцев после смерти любимого папочки, когда Мод пошла учиться в университет, чтобы позже стать учительницей.

Что-то зашевелилось в душе у Мод. Какая-то мысль свербила у нее в голове, но Мод даже сама для себя не смогла бы ее точно сформулировать.

Она взглянула на часы и поднялась со стула.

– Спасибо за чай и за вкусные сконы.

– Это мы должны благодарить Вас за спасение Саку от этого ублюдка, – отозвалась Бантуна.

Мод встретилась с ней взглядом. И решилась.

– Вы будете завтра дома? – спросила Мод.

– Я почти всегда дома, – удивленно ответила Бантуна.

– Тогда завтра во второй половине дня я вернусь.

– Мы будем Вам рады.

Потом Мод обратилась к Зенсиль:

– Не против проводить меня до автобуса?

– Конечно, пойдёмте, – ответила та.

Когда они подходили к торговому ряду, Мод тихонько сказала Зенсиль:

– Мне нужно в аптеку натуральных препаратов. Будь любезна, прогуляйся до того переулка. Только Бога ради, не заходи внутрь. Сделай вид, что не имеешь понятия, что там произошло. Прикинься

дурочкой. Постарайся разузнать, чем все закончилось для того мужчины.

Зенсиль кивнула.

– Как скажете, – шепнула она с намеком на улыбку.

Они разделились, и Мод пошла в аптеку, а Зенсиль – вперед. В аптеке Мод приобрела две бутылки «Силы жизни». Выйдя обратно на улицу, она увидела, что Зенсиль уже спешит обратно. Она взяла Мод под руку и сказала:

– Я провожу вас на автобус.

Мод обратила внимание, что девушка немного запыхалась. Отойдя подальше от магазинов, Зенсиль тихим голосом заговорила:

– Мне повезло, и я столкнулась со знакомым полицейским. В начальной школе мы учились в одном классе. Он охраняет вход в переулок, и никого не пропускает внутрь. Я разглядела за его спиной нескольких полицейских. Он рассказал мне, что там было совершено разбойное нападение на белого мужчину. Возможно также, что там произошло какое-то сексуальное преступление, потому что у пострадавшего была расстегнута ширинка и... в общем, вы понимаете. Когда приехала скорая, он пребывал в глубокой коме. Очевидно, медикам пока не ясно, сможет ли он выкарабкаться.

Голос предательски изменил Зенсиль. Мод ощутила знакомое чувство: ледяная жидкость потекла по ее венам, и сознание обрело кристальную ясность. Мод остановилась.

– Зенсиль, этот человек уже совершал такое прежде. Он изнасиловал маленькую девочку.

Она наскоро пересказала девушке события, происходившие во время круиза по реке Замбези – как она видела, что Питер отлучался с яхты как раз в то время, когда произошло изнасилование одиннадцатилетней девочки, которая серьезно пострадала и оказалась в больнице.

– Поверь мне. Никаких угрызений совести по поводу этого человека я не испытываю, – серьезно сказала Мод.

Зенсиль задумчиво кивнула.

– Саку ведь тоже могла так сильно пострадать, как та девочка из Зимбабве. Даже... умереть.

Набрав в легкие побольше воздуха, она выпалила:

– Этот человек – чудовище, и заслуживает смерти.

В полном согласии они наскоро переглянулись, и поспешили к остановке – нужный Мод автобус уже подъезжал.

Уже взобравшись на ступеньку, Мод обернулась к Зенсиль:

– Сможешь завтра в три часа прийти домой?

– Да, с половины третьего до пяти я свободна. А потом до девяти у меня вечерняя смена. Я работаю на кассе в гипермаркете.

– Хорошо, тогда до завтра, – успела сказать Мод в закрывающуюся дверь. Когда через несколько остановок Мод сошла с автобуса, на сиденье остались лежать тяжелые мужские наручные часы марки Breitling. Они виднелись между сиденьем и спинкой. Шанс, что часы окажутся в полицейском бюро находок, был минимален, но на всякий случай Мод хорошенько их протерла со всех сторон.

Оказавшись в своем номере, Мод налила в бокал остатки эликсира из старой бутылки. Там было больше, чем она обычно принимала, но сегодня ей это было необходимо. Потом она вытащила мобильный, и набрала номер Сизи Мотланте.

Мод потребовалось какое-то время, чтобы посвятить Сизи во все тонкости своего плана, но в итоге та приняла его целиком и полностью. Они условились встретиться или созвониться на следующий день.

Мод отхлебнула из бокала маленький глоточек. Ей в самом деле нужно было набраться жизненных сил, прежде чем набрать номер своего персонального финансиста. Благодаря тому, что разница во времени между Швецией и Южной Африкой составляет всего час, Ева-Мари Якобссон все еще была на работе. Когда Мод выложила ей свой план, сначала та потеряла дар речи. Через какое-то время она, вероятно, вспомнила, что люди в принципе вольны распоряжаться своими собственными деньгами так, как они того пожелают. Кроме того, Ева-Мари прекрасно знала – в том, что касается финансов, сообразительности Мод могли позавидовать большинство ее коллег из банка. Ева-Мари с удвоенной энергией включилась в обсуждение.

– Я свяжусь с одним хорошим адвокатом, с которым знакома лично, – пообещала она.

Положив трубку, Мод глубоко вздохнула. Все было решено, банк и адвокат займутся делами. Оставался самый сложный разговор.

Сделав для храбрости еще один глоток темной жидкости, Мод набрала номер, который внесла в список контактов еще полгода назад.

Около шести часов вечера небольшая группа туристов компании Гран Тур собралась вокруг стола в баре отеля. Пришло время их традиционного коктейля. Этого небольшого времени Мод было вполне достаточно для общения с членами группы. Она вручила бутылочку «Силы жизни» Мортену Йенсену. Тот рассыпался в бурных изъявлениях благодарности. Сделав первый глоток джина с тоником, Мод почувствовала, как напряжение в теле начинает ее отпускать. День выдался какой-то лихорадочный. Переломный момент всей ее жизни, если уж на то пошло. Но Мод ощущала довольство. Если дело выгорит, вся ее дальнейшая жизнь изменится. Но это будут перемены к лучшему. Она снова поднесла к губам бокал, да так и застыла, увидев, как в лобби входят два полицейских. Они остановили официанта и что-то у него спросили. Тот обернулся, указывая на их небольшую группу, собравшуюся вокруг стола. Полицейские направились к ним. Приблизившись, один из полицейских – тот, у которого на форме было больше золотых знаков отличия – заговорил:

– Добрый вечер. Я комиссар Борис Рудд, а это – мой коллега, инспектор Дламини.

Непонимающе переглядываясь, путешественники на разные лады пробормотали слова приветствия. Мод в их числе, хотя она единственная из всех была в курсе того, что привело сюда полицию.

Инспектор держался позади. Из-под мышки у него торчала тонкая папка с документами.

– К сожалению, у меня для вас неприятные новости. Ваш гид Питер Бут сегодня днем стал жертвой нападения и серьезно пострадал. Мы считаем, это было неудавшееся разбойное нападение, – сообщил комиссар Рудд.

Все, включая Мод, принялись выражать свой ужас и недоумение, издавая невнятные восклицания или в испуге прижимая руки ко рту.

– Через некоторое время сюда прибудет представитель туристической компании, который должен предоставить вам информацию о том, как будут у вас проходить ближайшие дни, – добавил комиссар.

– Насколько сильно пострадал Питер? – спросил Мортен Йенсен. Комиссар Рудд перевел на него строгий взгляд.

– Сильно. Весьма и весьма. Исход не ясен.

«Во всяком случае, этот урод жив. Пока что...» – быстро пронеслось у Мод в голове. Зашмыгав носом, она принялась рыться в сумочке в поисках пачки с бумажными платочками. Отыскав их, Мод дрожащей рукой с шуршанием вытащила один, и промокнула несуществующую слезу в уголке глаза. Неплохо бы сейчас изобразить шок.

Подняв взгляд на полицейских, Мод обратила внимание, как пристально разглядывает ее инспектор Дламини. Не сводя глаз со старушки, тот полез в свою папку и вытащил оттуда несколько плотных листов бумаги. Протянув один из листов своему шефу, он что-то прошептал, а затем, ткнув пальцем в бумагу, указал на Мод.

Мод совершенно оцепенела. Что там могло быть? Почему оба полицейских на нее уставились? Величайшим усилием воли Мод сумела сохранить на лице выражение недоумения и шока.

Комиссар Рудд подошел прямо к Мод и вежливо спросил:

– Мадам, вы говорите по-английски?

– Да, – отозвалась Мод. На лице ее была написана тревога.

Ей даже ничего не пришлось изображать. Мод в самом деле была встревожена и сбита с толку.

– Мы хотели бы поговорить с вами, мадам.

Когда Мод поднялась, чтобы пройти с полицейскими, комиссар осторожно поддержал ее под руку.

Администрация предоставила им для беседы отдельное помещение рядом с баром. Окна в нем не было, но большая хрустальная люстра на потолке и несколько светильников поменьше давали достаточно света. В центре комнаты стоял большой полированный стол, вокруг которого были расставлены стулья в бархатных чехлах. Мод пришла в голову мысль об игре в покер с высокими ставками – она такое видела в фильмах бондианы. Комиссар попросил ее сесть на один из удобных стульев. Сам он выбрал место напротив, а инспектор Дламини остался стоять чуть наискось позади Мод.

Комиссар начал с записи полного имени и контактных данных Мод. Когда она назвала год своего рождения, он удивленно поднял бровь и уставился на нее:

– Это означает, что вам... скоро исполнится восемьдесят девять лет. Я бы ни за что не подумал. Вы выглядите значительно моложе.

– Благодарю, любезный комиссар. Вы очень добры, – сказала Мод, слегка улыбнувшись дрожащими губами.

Комиссар взял в руки тот лист бумаги, который вручил ему инспектор Дламини и, еще раз внимательно на него взглянув, протянул его Мод через стол. Мод подтянула к себе бумагу и взглянула на нее поближе. То, что она увидела, заставило кровь застыть в ее жилах.

Это оказалась распечатка фотографии с уличной камеры наблюдения, расположенной, исходя из угла обзора, где-то сбоку и сверху. Мод сразу поняла, что фото было сделано в торговом ряду, но, хвала Господу, не с задней стороны, а с торца здания, выходящего на улицу. Это было очень четкое изображение ее самой: белоснежные волосы женщины на фото были уложены на затылке ракушкой. Вряд ли сейчас в Кейптауне можно было найти еще одну подобную прическу.

– Фото сделано с помощью камеры видеонаблюдения. Она расположена с торца низкого здания, в котором размещается торговый ряд. Камера делает снимок каждые двадцать секунд. Вот эта фотография, соответственно, сделана двадцать секунд спустя после той.

Едва договорив, комиссар выложил на стол еще одно изображение. Даже не глядя на него, Мод знала, что, а вернее, кто окажется на нем: Питер Бут.

Ледяная жидкость в ее жилах достигла мозга, который тотчас принялся соображать. Несчастливая старушка Мод, ваш выход! Только не переборщите со старческим слабоумием.

– Ну надо же! Ведь это я! А на другой картинке – бедняжка Питер! – воскликнула Мод, держа обе фотографии в руках перед собой.

Она поспешно просканировала изображения. Питер шел широкими шагами, и камера поймала его уже на границе области обзора. Еще пара секунд – и на этом фото его уже не было бы.

Ее собственное изображение было достаточно четким, и смысла отрицать очевидное не было. Однако камера сфотографировала ее с левой стороны, а трость Мод держала в правой руке. На фото тросточки вообще не было видно. Из чего можно сделать вывод, что полиции неизвестно о наличии трости. Этот факт немного успокаивал.

Комиссар заговорил любезным тоном:

– Да, на одной из фотографий запечатлен Питер Бут. А на другой, через двадцать секунд, появляетесь вы. Вы следили за Питером?

– Следила? С чего бы мне за ним следить? Он водил группу в музей бриллиантов... или они собирались пообедать? Я уже точно не помню...

– Почему же вы не пошли вместе с остальными? – оборвал ее комиссар.

Мод ожидала этого вопроса. Она уже поняла, что лучшая стратегия сейчас – говорить правду.

– Я навещала подругу, Сизи Мотланте. Несколько месяцев назад она потеряла мужа, и теперь ей приходится выставить на продажу их с Джоном чудесный маленький отель. Хотя теперь это не отель, а студенческое общежитие... но только для девушек... Когда я сама сдавала комнаты, у меня проживали одни студенты – семинаристы...

– Как вы познакомились с госпожой Мотланте?

– Когда я в последний раз прилетала сюда, то жила у них в отеле. Очень уютно. Вкусные завтраки. Мы с Сизи подружились. С Джоном, конечно, тоже, только он, как я уже сказала...

– Когда вы посещали Кейптаун в прошлый раз и жили в этом отеле?

Чтобы выиграть немного времени, Мод притворилась, что вспоминает, и чуть погодя ответила:

– Пять лет назад. В две тысячи восьмом. Ровно пять, кстати говоря. Тогда я тоже прилетала в январе, только в конце месяца. Все время стояла прекрасная погода...

– Где находится этот отель?

Вместо ответа Мод снова принялась рыться в сумочке. Это отняло у нее много времени, и Мод успела продумать дальнейшую стратегию. Наконец, Мод извлекла на свет Божий карточку, полученную вчера от Сизи. Слегка дрожащей рукой она протянула карточку комиссару со словами:

– Только попрошу вас мне ее вернуть. Мы договорились встретиться завтра. Сегодня она угостила меня прекрасным обедом. Цыпленок-гриль с овощами. Даже успели выпить по чашечке кофе, но потом у Сизи была запись к парикмахеру, так что мы не успели поболтать обо всем. У Сизи изменился номер телефона, поэтому мне и понадобилась карточка, и...

Комиссар отдал карточку инспектору Дламини. Тот выудил из кармана брюк свой мобильник и просто сфотографировал ее, а потом

протянул карточку обратно Мод. В ответ она выдавила из себя слабую улыбку, но инспектор начисто это проигнорировал.

– Все ясно. Обедали с подругой, Сизи. Но как вы очутились возле торгового ряда?

– Заблудилась, – коротко ответила Мод.

– Заблудились? – переспросил комиссар.

– Да, так глупо получилось... Я собиралась купить укрепляющий эликсир для Мортена Йенсена и для себя. Видите ли, комиссар, у него рак, а я как-то угостила его этой «Силой жизни», и он считает, что эликсир действует! А сама я уже старовата, поэтому тоже время от времени отхлебываю глоточек. Впервые я попробовала это средство, когда была здесь в прошлый раз, и примерно запомнила, как найти аптеку. Но сейчас я, бестолковая, прошла мимо нее и не заметила. Я долго кружила там, пока не нашла вход.

Мод замолчала, и повисла долгая тишина, которую в конце концов прервал комиссар.

– Вы видели Питера Бута?

– Нет, конечно не видела! Он ведь должен был быть в Вотерфронте, так что я и не ожидала его увидеть... Кстати... а что он там делал?

Полицейские быстро переглянулись. Мод решила, что оба они подумали о расстегнутой ширинке Питера. Зашел ли он в тот переулок по малой нужде? Или в деле замешан секс? Каким бы ни был мотив, следователи вряд ли могли представить, что почти девяностолетняя женщина могла быть причастна к преступлению. Преступление было слишком жестоким, чтобы старушка могла иметь к нему хоть какое-то отношение. Мод пришлось напрячься, чтобы ненароком не улыбнуться, когда полицейские собрались на выход.

Когда они снова подошли к туристам в баре, инспектор Дламини направился прямо к Мортену Йенсену и спросил, получал ли тот бутылку лекарства от Мод. Сопя от натуги, Мортен наклонился, достал коричневый бумажный пакет, а оттуда извлек бутылочку с эликсиром.

– Да, наша милая прекрасная малышка Мод купила для меня бутылочку этого фантастического лекарства, благодаря которому я смог выдержать все это путешествие. Мод – добрейшая душа, нельзя и представить себе человека добрее ее! – воскликнул Мортен, отправляя Мод воздушный поцелуй.

Полицейские поблагодарили всех, и покинули отель через главный вход. Лишь тогда Мод позволила себе издать вздох облегчения, да и то – очень тихий.

Ровно в три часа пополудни на следующий день Мод переступила порог маленького домика. Там снова аппетитно пахло свежими сконами. За кухонным столом сидели Бантуна, Зенсиль и Саку. Последняя тут же подскочила со своего места, и кинулась к Мод. Взяв Мод за руку, девочка просияла всем лицом.

– Мы вам так рады! Садитесь здесь, миз Мод, – воскликнула девочка, указывая на стул, на котором только что сама сидела.

– Благодарю, – ответила Мод.

Прежде, чем сесть на предложенный стул, Мод вручила Саку сверток.

– Немного черного кенийского чая, – пояснила она.

– Ой, – Саку сделала большие глаза.

Да, черный сорт Кения Милима стоил дорого, но случай был особенный. Возможно, наступил самый важный день в жизни Мод.

Поболтав немного, выпив чашку чая и угостившись свежими сконами, Мод решила, что настало время перейти к делу. Она не придумала, с чего начать, и решила рассказать все, как есть.

– Я вам не так уж много рассказала о себе. Как вам уже известно, я стара. Я здорова и бодра, но мне уже восемьдесят восемь, а скоро исполнится восемьдесят девять. В свое время я много путешествовала, и успела посмотреть почти весь мир. Кейптаун пришелся мне по душе больше других городов. Здешний климат в весенне-летний сезон подходит мне идеально. Здесь можно многое посмотреть, и найти множество интересных занятий. Этническое многообразие меня тоже очень радует. И люди здесь тоже очень милые. Конечно, здесь полно проблем – высокий уровень преступности, к примеру, но те же проблемы существуют и во многих других городах на свете.

Прежде чем продолжить, Мод сделала глоток остывающего чая.

– Я живу совсем одна. У меня не осталось родственников, которые могли бы унаследовать мои деньги. Но у меня возникла мысль, как я хотела бы провести свои последние годы.

Мод улыбнулась Бантуне.

– Вам нужна работа и новое жилье. И инвалидное кресло получше.

Потом она перевела взгляд на Зенсиль и Саку.

– А вам, девочки, нужно продолжать учиться. Образование необходимо женщине, чтобы выжить. Я сама всю жизнь проработала учительницей французского, латыни и английского.

Мод улыбнулась, глядя на вытянувшиеся лица сидевших за столом.

– Ух ты! Это... – заговорила было Зенсиль, но тут же замолчала.

А Мод тем временем поведала им о своих планах на будущее. Она собиралась выкупить дома у Сизи Мотланте – включая тот, в котором теперь проживали студенты. Сама Мод собиралась жить на верхнем этаже нового двухэтажного дома по восемь месяцев в году, а с мая по сентябрь – в Швеции, потому что как раз в это время там тепло. Бантуна с девочками могут занять нижний этаж дома. Благодаря своему многолетнему опыту работы экономистом, Бантуна сможет заняться бухгалтерским учетом, следить за поступлением арендной платы и расходами на содержание дома и сада. За это Мод предлагала ей зарплату в 30 000 рандов ежемесячно. Разумеется, жить в доме они все смогут бесплатно. Старый садовник тоже сохранит работу. Он приходит только раз в неделю, так что больших расходов тут не предвиделось.

Также Мод собиралась основать стипендиальный фонд, в который могли бы обращаться малообеспеченные одаренные девочки за грантами на обучение в гимназии или университете. Первой из них станет Зенсиль. В первый год Мод собиралась самостоятельно отбирать кандидатов на получение стипендии. Так можно будет избежать разговоров о какой-либо предвзятости. А впоследствии Бантуна, или кто-то из ее доверенных лиц возьмет на себя эту ответственность. Что касается Саку, ей Мод собиралась предложить стипендию на обучение в гимназии. А впоследствии Мод собиралась из личных средств оплатить ее обучение в университете.

– А если я умру до того, как Саку поступит в университет, я позабочусь о том, чтобы в моем завещании была предусмотрена сумма, покрывающая пятилетние расходы на высшее образование Саку.

Мод замолчала, глядя на онемевшее семейство за столом. «Пришло время для бомбы», – подумала она.

– Когда я умру, вы унаследуете дом, участок и студенческое общежитие. Никаких обременений не будет, все долги будут уплачены. Стипендиальный фонд будет управляться местными адвокатской конторой и банком, которые будут выбраны моими шведскими юристами и финансовыми консультантами.

Повисла долгая пауза. Наконец заговорила Бантуна:

– Все это не может быть правдой. Вы... должно быть...

Голос ее предательски задрожал, и она стала всхлипывать.

Мод поднялась на ноги и сказала:

– Нет, я в трезвом уме и твердой памяти. И я совсем не ангел. Это мой шанс провести последние годы там, где я хочу жить. И не проваляться мертвой несколько месяцев, до тех пор, пока кто-то меня хватится. А сейчас, мне кажется, самое время нам навестить ту самую Сизи, которая собирается продать мне дом.

Бантуна вытерла глаза тыльной стороной ладони и улыбнулась сквозь слезы.

– Последние два года были ужасны. Скорбь, тоска... но в новом году все, похоже, изменится.

Сизи Мотланте искренне их приветствовала. Прежде, чем показать гостям дома и сад, она отвела Мод в сторонку и тихонько спросила:

– Утром мне звонил некий инспектор Дламини. Он спрашивал, откуда мы друг друга знаем, и что вы здесь вчера делали. Даже спросил, что было на обед. Что произошло?

– Я ухитрилась попасть на камеру возле торгового ряда как раз перед тем, как зайти в аптеку. Очевидно, это совпало по времени с нападением на нашего гида, Питера Бута, которое произошло поблизости. Полицейские интересовались, не видела ли я его. Но я не видела, – объяснила Мод, успокоительно улыбаясь Сизи.

Та удовлетворилась таким объяснением.

Экскурсию по большому дому они начали с комнат студенток.

– Сегодня у нас еще тишина и покой, но завтра и в воскресенье девочки начнут возвращаться. С понедельника в университете начинается новый семестр, – сказала Сизи.

Заглянув в некоторые из комнат, гости отметили, насколько там уютно и опрятно. Всего насчитали двенадцать комнат. Один душ, туалет и раковина на три комнаты. На нижнем этаже – большая застекленная веранда, где девушки могут вместе завтракать, обедать и ужинать. К веранде примыкала просторная прекрасно оборудованная кухня.

– Высший класс! – восхищенно выдохнула Зенсиль.

– Да, девушкам нравится, и они здесь могут сами о себе позаботиться. Сложно найти такое прекрасное жилье по более чем

гуманной цене, – сказала Сизи.

Потом они отправились в хозяйский дом. Это был белый двухэтажный особняк с подвалом. На каждом этаже была оборудована отдельная четырехкомнатная квартира с собственной кухней. Квартира на втором этаже имела отдельный вход. Там-то и собралась обосноваться Мод, предварительно даже не взглянув на жилье! Она поражалась собственной необычной импульсивности, но чувствовала, что поступает правильно. Абсолютно правильно!

Обе квартиры имели прекрасные планировки, и были отделаны качественными и красивыми материалами. У Бантуны не возникло проблем с передвижением по плиточному полу теплого терракотового оттенка.

– Я не собираюсь везти с собой какую-либо мебель, – добавила Сизи. Так что вся обстановка и вещи, которые останутся в обеих квартирах на момент моего отъезда, входят в стоимость сделки.

Мод обратила внимание, что на первом этаже есть три спальных места, а на втором – два. Ей в голову пришла мысль.

– Когда ты переезжаешь? – спросила она Сизи.

– Через три недели.

– Ты не против, чтобы Бантуна с девочками сюда сразу въехали? Разумеется, я внесу арендную плату...

– Даже не думай ни про какую плату! Очень хорошо, что здесь останется кто-то, и присмотрит за домом и студентами. Можете въезжать хоть завтра. Я сама поживу в оставшиеся недели наверху. За это время я введу Бантуну в курс дела, и она уже будет разбираться в счетах и в хозяйственных вопросах.

Мод радовал тот факт, что семья Бантуны покинет стены тесного домика. По словам Евы-Мари Якобссон, на окончательное оформление сделки уйдет примерно три месяца. За это время будут совершены переводы денежных средств, оформлена новая виза, зарегистрирован новый владелец недвижимости, переписано завещание, и улажены прочие формальности. Этим займутся банковские служащие, риэлторы и юристы – в Швеции и в Южной Африке.

Однако Мод по возвращении в Швецию тоже ждали дела.

Мокрые снежные хлопья облепили оконные стекла, но мысли Мод были далеки от погоды. Она бродила по своему обширному апартаменту, собирая по комнатам какие-то мелочи, которые желала

сохранить. Их она складывала на комод и книжный стеллаж в своей спальне. Едва Мод успела подумать, что собрала все, раздался звонок в дверь.

Как и предполагала Мод, прибыли эксперты Гетеборгского Аукционного Дома. Один из них специализировался на предметах искусства, другой – на мебели и текстиле, а третий оценивал предметы из драгоценных металлов. Мод вместе с оценщиками обошла весь апартамент, за исключением двух комнат, которыми пользовалась сама.

Когда она показала оценщикам полотно Андерса Цорна, сотрудники аукционного дома сильно оживились. «Десять миллионов, как минимум», – жарко зашептал специалист по искусству на ухо своему коллеге – оценщику драгметаллов.

На другой день они вернулись, приведя с собой грузчиков, которые принялись переносить вещи в ожидавший внизу фургон. Картину поместили в специальный плоский бокс, который пристегнули наручниками к запястью художественного эксперта.

Все оставшееся в комнатах и подвальной кладовой имущество получила фирма, которая специализировалась на выкупе выморочного фонда. Они также организовали тщательную уборку опустевших помещений, включая мойку окон.

В свои же две комнаты Мод не допустила никакие клининговые фирмы.

Когда уборщики ушли, Мод обошла опустевший апартамент, и шаги ее эхом отдавались от голых стен и полов. Она заглянула в каждую из комнат. Выходя, она запирала за собой двери. У Мод больше не было причин когда-либо вновь их открыть.

Когда все комнаты были заперты, Мод отправилась в кухню, и поставила на плиту кофейник. Пока варился кофе, она успела соорудить несколько бутербродов с сыром. Когда кофе был готов, она отнесла чашку и блюдо с бутербродами в свою ТВ-гостиную. Там она устроилась в любимом кресле, но не стала включать телевизор, а вместо этого поглядела в окно. Снаружи стемнело. В свете уличного фонаря было видно, как снежные хлопья ударяются в стекло, и тут же тая, ручейками стекают вниз.

Всего этого она теперь сможет избежать. Ее ждет лучшая на свете погода круглый год. Сожалеет ли она о своем поступке? Мод задумалась. Нет. Ни на миг. Вероятно, стоило решиться на это уже

несколько лет назад. Но найти свое место на земле непросто. Нужно дождаться, пока все части головоломки встанут на свои места. В ее случае ждать пришлось чересчур долго, но теперь, наконец, все было правильно.

А еще благодаря своему поступку Мод приобрела семью. «Неплохо для престарелой дамы», – подумала Мод, добавляя порцию эликсира «Сила жизни» в свой кофе.

notes

Примечания

Национальный парк Крюгера является крупнейшим и старейшим национальным парком ЮАР. Хорошо известен, как один из важнейших мировых охотничьих заповедников. Расположен в северо-восточной части страны на территории провинций Лимпопо и Мпумаланга.

Традиционное название пяти видов млекопитающих, являющихся наиболее почетными трофеями африканских сафари – слон, носорог, буйвол, лев, леопард.

3

Город в Хорватии.

4

Аэропорт Копенгагена.

Общенациональная Федерация жилищно-строительных кооперативов в Швеции.

6

Белое Рождество.

Матфей, 19:5,6 «И сказал: посему оставит человек отца и мать, и прилепится к жене своей, и станут двое одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

Группа поселений на юго-западной окраине Йоханнесбурга. Во времена апартеида – место принудительного проживания чернокожего населения.

Во времена апартеида в ЮАР большинство пабов были недоступны для чернокожего населения, в результате в городах возникали нелегальные бары. В новой ЮАР т. н. шибины стали популярными местами, где можно выпить в неформальной обстановке в компании местных жителей.

«Садись-слезай» – популярный туристический формат общественного транспорта, в крупных городах по заранее спланированным маршрутам курсируют экскурсионные автобусы (экскурсии в формате аудиогuida), на которые можно сесть на любой регламентированной остановке, а затем выйти и пересесть на другой маршрут, билеты действительны в течение суток с момента покупки.

Комплекс из шести подземных залов на глубине более 40 метров в ЮАР, где были найдены ископаемые гоминиды.

Африканский Национальный Конгресс – правящая политическая партия в ЮАР.